

история / география / этнография

Тюрки

Василий Бартольд

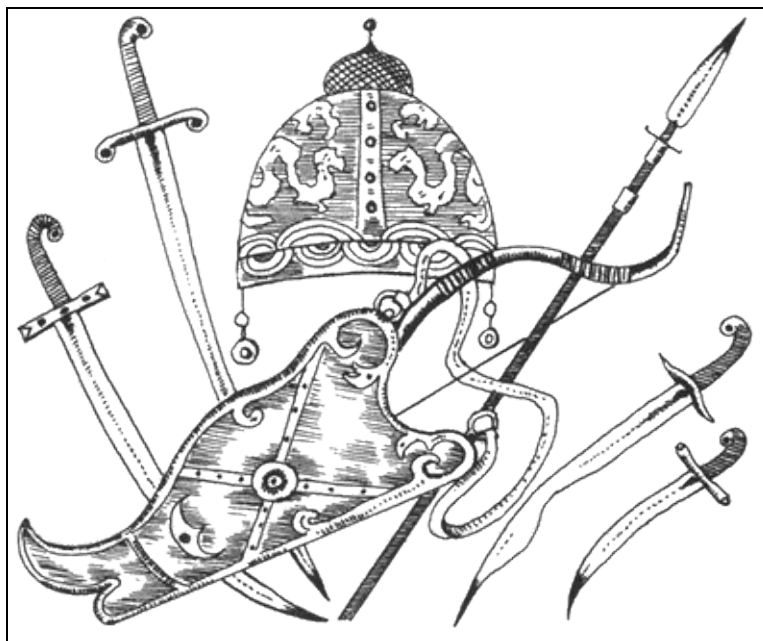
Тюрки

Василий Бартольд

Ломоносовъ

Академик Василий Владимирович Бартольд (1869- 1930) как-то заметил, что изучение истории тюрков по первоисточникам требует таких навыков, которые редко соединяются в одном лице, ибо если взять хотя бы языки, то надо знать в совершенстве, кроме тюркских, как минимум арабский, персидский и китайский, а также обладать массой специальных знаний. Сам он — тюрколог, арабист, исламовед, историк, архивист, филолог, полиглот — был именно таким человеком, являя собой редкий тип ученого-энциклопедиста. В.В. Бартольд опирался в своих работах на множество источников и, как никто другой, — благодаря своим глубоким знаниям — умел их сопоставлять и анализировать. Курс лекций по истории тюркских народов был написан им по просьбе турецкого правительства, прочитан на турецком языке в Стамбульском университете в июне 1926 года и позже переведен на основные европейские языки. Эта работа, ставшая классикой тюркологии, сохраняет актуальность по сей день, однако достоинство ее еще и в том, что она написана предельно просто и ориентирована на обычного читателя.

- [Василий Бартольд](#)

-
- [Лекция I](#)
- [Лекция II](#)
- [Лекция III](#)
- [Лекция IV](#)
- [Лекция V](#)
- [Лекция VI](#)
- [Лекция VII](#)
- [Лекция VIII](#)
- [Лекция IX](#)
- [Лекция X](#)
- [Лекция XI](#)

- [Лекция XII](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)

- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)

- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)

- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)

- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)

- [comments](#)

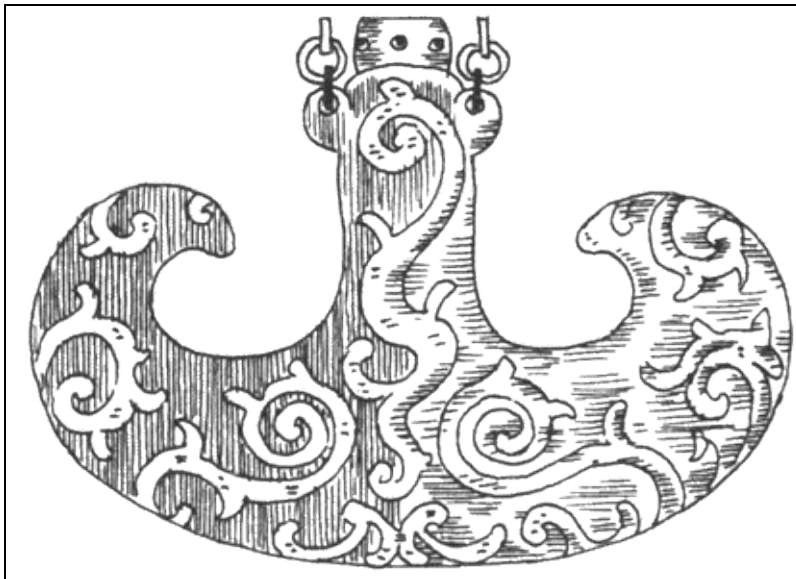
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
-

Василий Бартольд

ТЮРКИ.

**Двенадцать лекций по истории тюркских народов
Средней Азии**

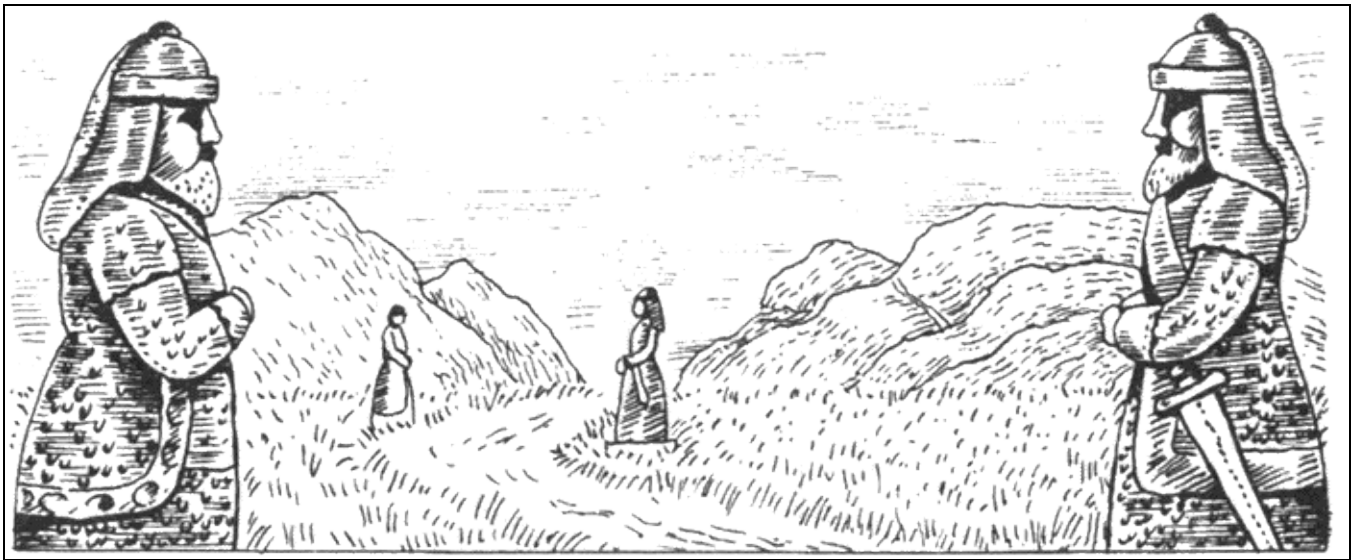
Курс лекций по истории тюркских народов был написан В.В. Бартольдом по просьбе турецкого правительства и прочитан в переводе на турецкий язык в Стамбульском университете в июне 1926 года.

Впервые лекции были напечатаны на турецком языке в 1927 году. В 1932–1935 годах был опубликован немецкий перевод, в 1945 году — французский.

Первая публикация на русском языке состоялась в 1968 году.

Лекция I

Предлагаемые вам лекции будут иметь целью ознакомить вас, насколько позволит находящееся в нашем распоряжении время, с результатами, достигнутыми русской и западноевропейской наукой по истории тюркских народностей^[1]. Вы увидите, что эти результаты пока не очень значительны и многие вопросы остаются недостаточно выясненными. Отчасти это объясняется тем, что изучение истории тюрков по первоисточникам требует таких знаний, которые редко соединяются в одном лице. Разумеется, для понимания истории народа и его культурной жизни нужно знать его язык, но письменные источники по истории тюрков большей частью написаны не на тюркском языке, и в этом отношении специалист по истории тюрков находится в совершенно ином положении, чем, например, специалист по русской истории или по истории одного из западноевропейских народов. История кочевых тюркских племен нам известна, конечно, преимущественно по рассказам их культурных соседей, но даже там, где тюрки в завоеванных ими культурных странах переходили к оседлости и где возникали культурные государства под властью тюркских династий, влияние культуры побежденных было настолько сильно, что языком литературы, в особенности прозаической, становился их язык, а не тюркский. История тюрков, живших в Восточной Азии, особенно в Монголии, откуда они были вытеснены, вероятно, в X веке н.э., нам известна почти исключительно по китайским источникам; о тюрках, переселившихся в западную часть Средней Азии^[2] и подчинившихся влиянию мусульманской культуры, мы получаем сведения из арабских и больше всего из персидских источников. Сверх того, в Туркестане в Средние века вообще не было или по крайней мере не дошло до нас никаких произведений собственной исторической литературы; например, история монгольских ханов Средней Азии, история Тимура^[3] и его потомков нам известны почти исключительно по сочинениям, написанным в пределах Ирана. Более значительная историческая литература появилась в Туркестане только с XV века, при узбеках. Из трех ханств, основанных узбеками, в Бухарском ханстве языком делопроизводства и исторической литературы был до конца, за немногими исключениями, персидский, в Хивинском — среднеазиатско-тюркский; в Кокандском ханстве писали иногда по-тюркски. Из всех тюркских государств только историю бывшей Османской империи можно изучать преимущественно по тюркским историческим сочинениям, но и язык османских историков включает в себе гораздо больше арабских и

персидских слов, чем тюркских, он почти непонятен большинству тюркского народа и представляет мало привлекательного для тюрколога. Исторических сочинений, написанных сколько-нибудь чистым тюркским языком, нет почти совсем, вследствие чего тюрколог, как и иранист (известно, что историю Ирана домонгольского периода также приходится изучать по источникам, написанным не на иранских языках, а на греческом и арабском), редко становится историком. Во всяком случае, для изучения истории тюркских народностей недостаточно быть тюркологом; необходимо также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, быть синологом, арабистом или иранистом.

К числу немногих памятников, представляющих одинаковый интерес для тюрколога-лингвиста и для историка, принадлежит древнейший датированный памятник тюркского языка — исторические орхонские надписи VIII века, открытые и разобранные во второй половине XIX века^[1]. Эти надписи принадлежат первому во времени народу, называвшему себя тюрками, выступившему в VI веке и сразу подчинившему своей власти все степи от границ Китая до границ Персии и Византии. Об этих тюрках мы поэтому располагаем более разнообразными источниками, чем о прежних кочевых государствах, о которых знали только китайцы. Тюркское происхождение завоевателей VI века считалось вполне установленным еще до разбора оставленных ими надписей.

От большей части кочевых государств империя VI века отличалась тем, что с самого начала находилась под властью только одной династии, но не одного лица. Хань, правившие в западной половине империи, с самого начала были совершенно самостоятельны, даже принимали иностранных послов и заключали с ними договоры, не посылая их на восток, как впоследствии, в эпоху Монгольской империи, первые ханы Золотой Орды. Европейские ученые, даже синологи, преимущественно интересовались государством западных тюрков, имевшим более разнообразные культурные связи и до некоторой степени служившим посредником между культурой Дальнего Востока и культурой переднеазиатских стран, хотя далеко не в таком размере, как впоследствии Монгольская империя. Западным тюркам посвящена обширная работа^[2] французского сиолога Шаванна^[4], напечатанная в начале XX века в изданиях русской Академии наук; в этой работе китайские известия о западнотюркском государстве VI–VIII веков сопоставлены с известиями византийских, армянских и мусульманских источников. Рассказов о себе западные тюрки не оставили; от них остались, насколько известно до сих пор, только небольшие надгробные надписи^[3].

Орхонские надписи говорят почти исключительно о продолжавшемся полвека, с 630-х до 680-х годов, подчинении восточных тюрков китайскому правительству и о восстановлении независимости под властью новых ханов, которым на короткое время удалось подчинить себе даже своих западных соплеменников. Несмотря на то что со времени открытия датским ученым Томсеном^[5] ключа к чтению надписей прошло уже более тридцати лет, разбор надписей еще не закончен и толкование некоторых мест до сих пор остается спорным; при пользовании существующими переводами, без знания языка подлинника, для каких-нибудь исторических выводов необходимо соблюдать большую осторожность. Более всего способствовали объяснению надписей переводы Радлова^[6] и самого Томсена; Томсен после издания своего первого перевода объявил, что не рассчитывает вернуться к надписям, но, к счастью, не остался верен этому намерению и посвятил надписям еще несколько работ.

Не будучи тюркологом-лингвистом, я не решаюсь высказываться о спорном толковании отдельных слов и спорных приемах перевода. Упомяну только об одном, как мне кажется, недостатке, сохранившемся и в последнем переводе Томсена. Совершенно одинаковые слова

иногда читаются и переводятся различно, что, по моему мнению, можно делать только в случае крайней необходимости; между тем Томсен иногда прибегает к этому приему и в тех случаях, когда получается совершенно удовлетворительный смысл, если везде читать и переводить соответствующее слово одинаково.

Несмотря на спорность отдельных мест, надписи в общем дают ясную картину жизни кочевого народа и кочевого государства. Кочевой народ при нормальных условиях не стремится к политическому объединению; отдельная личность находит для себя полное удовлетворение в условиях родового быта и в тех связях, которые создаются жизнью и обычаем между отдельными родами, без каких-либо формальных договоров и без создания определенного аппарата власти. Общество располагает на этой стадии развития народа такой силой, что его воля исполняется, не нуждаясь для этого в поддержке со стороны властей, которые бы располагали определенными законными полномочиями и определенной внешней силой принуждения. Представители государственной власти, ханы, которым при благоприятных условиях удается подчинить себе весь народ или даже несколько народов, появляются только при чрезвычайных обстоятельствах, причем и в этих случаях ханы берут власть сами, никем не назначаются и не выбираются; народ или народы только примиряются с существующим фактом, часто только после тяжелой борьбы, и объединение под властью хана его собственного народа часто бывает связано с более продолжительным кровопролитием, чем потом походы кочевников с ханом во главе на культурные земли; эти походы и связанная с ними военная добыча — единственный способ примирить народ с установлением ханской власти.

Такую же картину представляют и надписи. Ханы происходят из тюрок-огузов или токуз-огузов и в то же время ведут с огузами и другими тюркскими народами продолжительные войны, о которых надписи говорят гораздо подробнее, чем о войнах с китайцами и другими культурными соседями; на эти последние войны сам хан и, конечно, его подданные смотрят только как на средство дать голодному народу пищу, дать нагому народу одежду. Надписи внесли в историю образования кочевых государств только одну новую черту, на которую Радловым не было обращено внимания: одним из чрезвычайных обстоятельств, под влиянием которых создавалось государство, могло быть обострение сословной борьбы между богатыми и бедными, между беками и простым народом. В кочевом обществе имущественные и сословные различия уже достигают таких пределов, что такое обострение вполне возможно. Из надписей видно, что во время китайского владычества аристократия, как бывало и в культурных странах, ради сохранения своих сословных привилегий легче мирилась с иноземным игом и легче изменяла своим народным обычаям, чем простой народ; то же самое происходило, например, в западнорусских областях в эпоху польского владычества. Принятие беками китайских нравов усилило ненависть к ним народных масс, и этим воспользовались представители ханской династии, чтобы поднять народ против китайского владычества и восстановить тюркское государство.

История кочевых народов Средней Азии представляет еще один пример политического объединения народов после сословной борьбы — образование монгольской империи Чингисхана. Только в этом случае образование государства было последствием победы аристократии, и Чингисхан говорил не о своих трудах на благо народных масс, как тюркский хан VIII века, а о своих заслугах перед своими приверженцами из аристократии, которым он доставил обеспеченное положение на родине и богатую добычу во время походов. И в этом случае известие о сословной борьбе сохранилось только в эпическом сказании самих

монголов^[7], ни один из многочисленных китайских, мусульманских, армянских и европейских источников, говорящих об образовании Монгольской империи, об этом не упоминает, как ни в китайских, ни в других источниках не говорится о сословной борьбе среди тюрков. Если бы до нас дошло больше рассказов кочевников о себе, то, вероятно, случаев, когда в истории образования кочевого государства имела значение сословная борьба, оказалось бы больше.

Надписи дают довольно много сведений об устройстве тюркского государства, о названиях должностей и т. п. Может быть, не все эти названия правильно прочитаны, но ясно, что многие из них не тюркского происхождения. Титул *шад*, как назывались члены ханской династии, стоявшие во главе отдельных тюркских племен, по всей вероятности, иранский, одного происхождения с персидским *шах*; некоторые другие титулы обращают на себя внимание монгольским окончанием множественного числа на *-т*. Профессор Пельо^[8] в лекции, прочитанной осенью 1925 года в Ленинграде, высказал мнение, что эти титулы заимствованы тюрками у их предшественников — аваров, жужаней^[4] китайских источников, которых он считает монголами. Аварам тюрки, по мнению Пельо, были обязаны всем своим государственным устройством. Этот вопрос находится в связи с более общим вопросом об отношении тюрков, с одной стороны, к культурным народам Запада, с другой — к выступавшим до них кочевым народам Средней Азии.

До последнего времени существовало мнение, будто мир дальневосточной культуры почти не подвергался западному влиянию, что Монголия и жившие в ней народы подвергались только влиянию китайской культуры. Еще Э. Блоше^[9] в своем введении к истории монголов Рашид ад-дина^[10], вышедшем в 1910 году, находил возможным утверждать, что в орхонских надписях все не чисто тюркское объясняется китайским влиянием и что даже монголы впервые ознакомились с мусульманской культурой во время своих походов на мусульманские страны, тогда как китайская культура была известна им с самого начала. Наиболее веский довод против этого мнения — существование как у тюрков в VIII веке, так и у монголов в XIII веке алфавитов перед неазиатского происхождения.

Орхонские надписи написаны тем же алфавитом, как известные еще в XVIII веке надписи на Верхнем Енисее, причем уже тогда было обращено внимание на сходство некоторых букв с европейскими алфавитами. В общем енисейские надписи по форме букв должны быть признаны несколько более ранними, чем орхонские, и могут быть отнесены к VII веку; более точно установить их дату нельзя. Замечательно, что ни одна из этих надписей не датирована хотя бы по употреблявшемуся и орхонскими тюрками двенадцатилетнему животному циклу; между тем на Верхнем Енисее, по китайским и мусульманским известиям, тогда жили киргизы, которым поэтому приходится приписать енисейские надписи, хотя китайцы именно о киргизах говорят, что ими употреблялся животный цикл, так что некоторые ученые даже полагали, что этот цикл был изобретен киргизами.

Самое подробное исследование о происхождении енисейских и орхонских письмен принадлежит финскому ученому Доннеру^[11], который находил больше всего сходства между этими письменами и письменами аршакидских монет (династия Аршакидов, как известно, правила в Иране с III века до н.э. до III века н.э.). С тех пор экспедициями, работавшими в Китайском Туркестане и в пограничных с ним местностях собственно Китая, были найдены документы на восточноиранском языке, который обыкновенно называют согдийским (Согд — название местности по реке Зеравшан, где находятся города Самарканд и Бухара); эти документы относятся к I веку н.э.^[12] Более всего занимавшийся памятниками согдийского

языка иранист Готье^[13] считал возможным производить енисейско-орхонский алфавит от согдийского, но доказывал, что енисейско-орхонские буквы должны восходить к более древней форме согдийского алфавита, чем та, которая сохранилась в древнейших согдийских документах, то есть в документах I века; между тем открытые до сих пор тюркские надписи относятся к эпохе не ранее VII века. Едва ли поэтому удастся научно установить происхождение древнейшего тюркского алфавита и процесс его постепенного видоизменения, пока не будут найдены какие-нибудь тюркские надписи, которые бы стояли ближе по времени к своему согдийскому образцу.

Тюрки, по-видимому, не только заимствовали готовый алфавит, но прибавили к нему некоторые новые знаки. Сверх того, алфавит был приспособлен тюрками к фонетическим особенностям своего языка, особенно к закону звуковой гармонии; вследствие этого самый старый из тюркских алфавитов в то же время должен быть признан самым совершенным из алфавитов, когда-либо употреблявшихся тюрками. Можно думать, что этим алфавитом писали много и помимо надписей; в надписях, составленных от имени хана одним из членов ханского рода, орфография старого выдержана, более строго, чем в надписи, принадлежащей тюркскому государственному деятелю Тоньюкуку^[14], сподвижнику и министру трех ханов. Слог и выражения надписей заставляют полагать, что состояние культуры народа было не так низко, как можно было бы ожидать по обстановке кочевой жизни. Хан даже приглашает весь народ читать оставленные им надписи, чтобы вспоминать как о своих успехах, так и о неудачах, вызванных его преступлениями против своих ханов; едва ли можно думать, что грамотность была так распространена, но все-таки эти слова свидетельствуют о более широком понимании задач правителя, чем можно было бы думать по словам Шаванна, что хан выразил в надписях только свою «мечту о зверской славе».

Для понимания психологии народа было бы важно знать его религиозные верования. Надписи не говорят об этом почти ничего. Говорится о культе неба и земли, причем иногда употребляется выражение «тюркское небо» и «тюркская земля и вода». Одно и то же слово обозначает небо в материальном смысле и небо как божество. Из тех мест, где говорится о земле и воде, тоже можно вывести заключение, что имеется в виду земля и вода как единое божество, а не как собрание духов земли. Из отдельных божеств упоминается только Умай, дух — покровитель младенцев, с которым хан сравнивает свою мать. Почитание Умай сохранилось и в новейшее время у последних тюркских шаманистов в Алтае. Несомненно, что тюрки были шаманистами, хотя тюркское слово для обозначения шамана — *ком* — нигде не встречается.

В надписях нет и следа того распространения культурных религий, о котором мы имеем некоторые сведения в китайских источниках; по словам китайцев, хан даже хотел построить у себя буддийский храм, но его советник Тоньюкук отговорил его и сказал, что учение Будды может вредно отразиться на военных качествах тюрков. Еще меньше мы знаем о религиозной пропаганде с запада. Распространение иранского алфавита, как в древности распространение финикийского, первоначально вызывалось только торговыми сношениями и не было связано с религиозной пропагандой. Национальная религия Ирана, зороастризм, не была связана с международным миссионерством. После похода Александра Македонского восточноиранские области были надолго оторваны от западных и подчинились влиянию согдийской культуры и буддизма. Буддийские миссионеры иногда пользовались среди иранцев и тюрков индийскими алфавитами; благодаря европейским археологическим экспедициям в Туркестан мы имеем тюркские буддийские тексты,

написанные индийскими буквами, но скоро буддистами был усвоен согдийский национальный алфавит, нашедший себе потом применение, как мы увидим, и среди тюрков [\[5\]](#). Свои алфавиты привезли с собой и представители двух западных религий, распространявшихся в Средней Азии начиная, вероятно, с III века н.э., — манихейства и христианства. Манихейство возникло после христианства и представляет попытку соединения зороастрийских идей с христианскими и буддийскими, но пропаганда манихейства в Средней Азии началась, по-видимому, раньше, чем пропаганда христианства. В это время уже устанавливается связь между религией и алфавитом; у манихеев был свой алфавит, у христиан свой, известный под названием «сирийский», причем впоследствии у каждого из восточнохристианских исповеданий была своя разновидность общего сирийского алфавита. Обращенные в манихейство и христианство иранцы и тюрки долго употребляли манихейские и сирийские буквы, но вместе с тем встречаются манихейские и христианские тексты, написанные национально-согдийским алфавитом; иногда мы имеем текст одного и того же манихейского тюркского сочинения в двух списках, из которых один написан манихейскими буквами, другой — национально-согдийскими.

Немного после исчезновения государства тюрков-огузов манихейство, как мы увидим в следующей лекции, получило широкое распространение среди тюрков; но для периода господства ханов VI–VIII веков мы еще не имеем сведений о том, насколько успехи согдийской торговли в степях сопровождалась успехами религиозной пропаганды. Естественно, что главным поприщем деятельности согдийских купцов и миссионеров был торговый путь в Китай; на этом пути, вплоть до озера Лоб-Нор, возникали согдийские колонии; благодаря Пельо мы знаем, что на Лоб-Норе согдийская колония была основана в VII веке и еще сто лет спустя пользовалась некоторой автономией. Но в то же время купцы могли выгодно сбывать свои товары в тюркских степях, особенно в ханской орде, где тоже возникали согдийские поселения. Благодаря рассказу буддийского паломника Сюань Цзана [\[15\]](#), проезжавшего через Среднюю Азию около 630 года, мы знаем, что такие города были уже в то время в стране западных тюрков до берегов Чу [\[6\]](#). Сюань Цзан еще ничего не говорит о городах вдоль южного берега Иссык-Куля, где он также проехал, но и эти города упоминаются уже в истории китайской династии Тан. Сведения этой истории о Средней Азии прерываются на первых годах IX века.

Шаманские верования особенно проявились в погребальных обрядах тюрков. Мы знали из китайских источников, что тюрками около могил воинов ставились статуи убитых ими врагов; орхонские надписи вполне подтвердили это известие и сообщили нам термин для обозначения таких статуй — *бал-бал*; этому слову приписывают китайское происхождение. Надписи не говорят, была ли установка балбалов связана с исполнением каких-нибудь обрядов; из византийских источников мы знаем, что у могил тюркских ханов иногда убивали взятых в плен вождей врагов. В основе этого обычая лежит, несомненно, верование, которое мы встречаем и у других шаманистов: что убитые будут на том свете служить тем, которыми или ради которых они были убиты. В этом веровании резче всего выразилась разница между примитивным язычеством и культурными религиями. Религия на той ступени развития, которой соответствует шаманизм, еще не связана с этической идеей; вера в будущую жизнь не предполагает веры в загробный суд и загробную ответственность; человек не только не боится загробной кары за уничтожение чужой жизни, но полагает, что чем больше людей им убито, тем лучше его участь в будущей жизни.

Надписи и открытые вместе с ними памятники и в некоторых других отношениях

подтвердили письменные известия и опровергли высказывавшиеся против них возражения. Оказалось, что балбалы тюрков VIII века вполне соответствуют по внешнему виду тем статуям, которые находили на большом пространстве, начиная от южнорусских степей, и которые русский народ называет «каменными бабами». Кроме китайского известия о постановке тюрками статуй, был известен также рассказ католического миссионера середины XIII века Рубрука^[16], что такие статуи, обращенные лицом на восток, ставились и в его время современными ему тюркскими обитателями южнорусских степей, команами (половцами русских летописей). Несмотря на такое совпадение китайских известий с независимыми от них европейскими, Радлов высказал мнение, что ошибались и китайцы, и Рубрук и что статуи в действительности ставились, например, в России за многой веков до вторжения туда тюрков^[17]. Возможность такого мнения объясняется тем, что тогда еще не был открыт ключ к чтению енисейских надписей; на многих енисейских бал-балах, как и на некоторых орхонских, сохранились надписи, теперь, после открытия ключа к ним, прочитанные по-тюркски, и в тюркском происхождении так называемых «каменных баб» ныне уже не может быть сомнения.

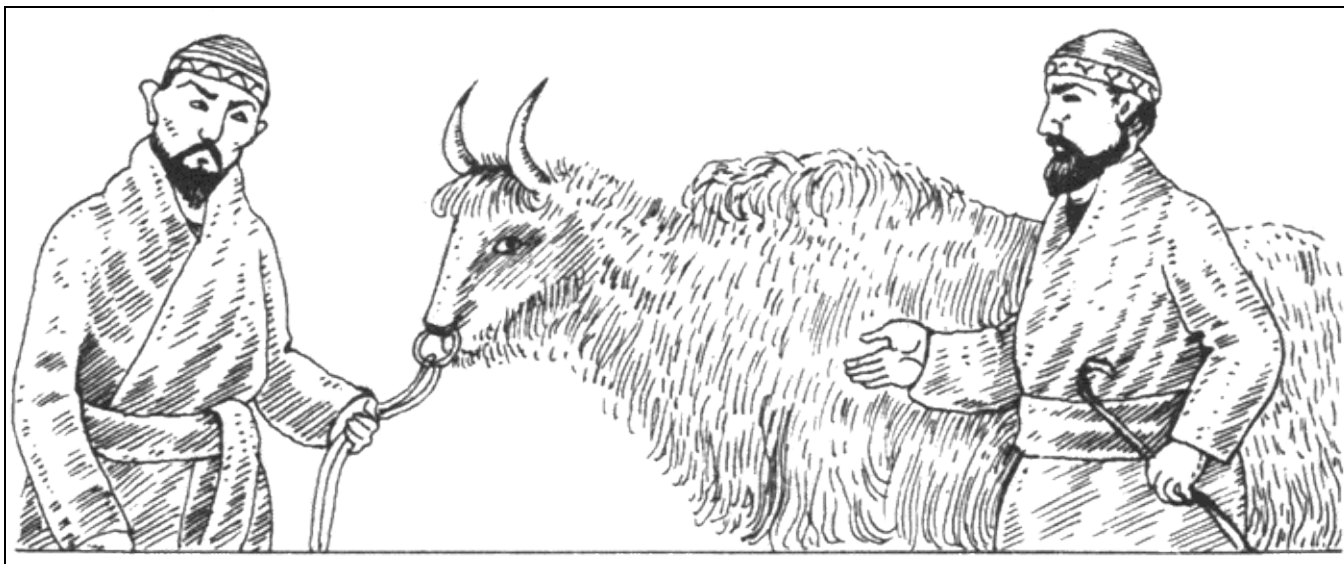
Радловым делались возражения и против некоторых других китайских известий о тюрках. По мнению Радлова, известие, будто тюрки до своего возвышения занимались в горах кузнечным мастерством, не могло соответствовать действительности; ему казалось, что кочевой быт и металлическое производство — факты несовместимые^[18]. В этом отношении орхонские надписи ничего не говорят ни за, ни против китайского известия, но в пользу соединения кочевого быта с выделкой железного оружия говорят, как известно, тюркские и монгольские предания. Противоречие между письменными известиями и вещественными памятниками Радлов видит еще в том, что китайцы говорят о существовании у тюрков обычая трупосожжения, между тем в раскопанных Радловым могилах следов такого обычая не оказалось. Из надписей видно только, что по тюркским народным верованиям душа обращалась в птицу или насекомое; об умерших говорится, что они улетают; известно, что на западе у тюрков еще долго после принятия ислама в смысле «умер» употреблялось выражение *шункар болды* — «стал соколом». Сохранению тела, по-видимому, не придавали значения.

Есть, правда, известие, что, когда во время войн тюрков с арабами в руках арабов остался труп тюркского предводителя, это считалось еще более тяжелым бедствием, чем самая смерть предводителя; но, может быть, здесь имели значение не религиозные представления, но чувство позора, как считался позором захват врагами женщин. Больше сведений о погребении умерших у орхонских тюрков, чем надписи, могли бы дать раскопки около мест ханского погребения; такие раскопки велись как Радловым и его сотрудниками, так и после них, в последний раз в 1925 году профессором Владимировым^[17], но до сих пор раскопки не привели к обнаружению могил; очень вероятно, что, как у многих других народов, при погребении вырывали несколько ям и старались скрыть, в какую именно яму положено тело хана или его пепел, чтобы враги не могли осквернить могилу. Самым интересным результатом раскопок Владимирцова является обнаружение в земле статуи тюркского воина, превосходно сохранившейся и представляющей все черты тюркского расового типа. Статуи находили и раньше на поверхности земли, но всегда без головы; головы нарочно отбивались монголами, веровавшими, что иначе эти изображения людей прошлого могут приносить вред живущим теперь людям. Этот пример показывает, что головы древних статуй уничтожаются и там, где не было мусульманского религиозного фанатизма, которым

обыкновенно объясняют такие факты. Дальнейшие раскопки, вероятно, обнаружат новый материал; до тех пор едва ли есть основание отвергать китайское известие о сожжении трупов, тем более что после Радлова были случаи находки в степи могил со следами трупосожжения. Китайцы имели возможность много раз близко видеть тюркское погребение; некоторые ханы, бежавшие от своих врагов и умершие в Китае, были погребены там на глазах населения по обычаям своего народа, так что возможность ошибки почти исключается.

Я постарался в этой лекции изложить главные результаты исследования надписей и других памятников, оставленных первым по времени народом, называвшим себя тюрками. Остается рассмотреть, насколько эти результаты могут способствовать выяснению вопроса, какие из живших ранее народов находились в близком или более отдаленном родстве с этими тюрками и насколько факты жизни тюркского государства VI–VIII веков могут способствовать выяснению дальнейших судеб тюркских народов. Этим вопросам будут посвящены следующие лекции.

Лекция II

Кроме тех причин, о которых я говорил в первой лекции, изучение истории тюрков и вообще среднеазиатских народов затрудняется еще крайне неравномерным освещением отдельных периодов в источниках. Если о каком-либо периоде и какой-либо стране для известного периода мы располагаем сравнительно подробными сведениями, то о том, какую жизнь вели тот же народ или та же страна раньше или после, часто приходится довольствоваться несколькими словами в каком-нибудь одном источнике. Между тем для понимания исторического процесса необходимо иметь возможность наблюдать этот процесс на всех стадиях развития. При отсутствии сведений в источниках остается слишком много простора для произвольных догадок и предположений, что не может не причинять вреда интересам научной точности.

Орхонские надписи, как мы уже видели, представляют совершенно исключительное явление в истории граничивших с Китаем кочевых государств домонгольского периода. О государствах, возникавших в степи раньше тюркского государства VI–VIII веков, мы принуждены довольствоваться краткими сведениями китайских источников; сами народы сошли со сцены, не оставив нам даже слов своего языка.

Главным источником для решения вопроса, на каком языке говорил тот или другой народ, до сих пор считались приводившиеся китайскими историками, в транскрипции китайскими иероглифами, отдельные слова, преимущественно имена и титулы; на основании звукового произношения иероглифов решался вопрос, к какому языку принадлежит то и другое слово и как оно произносилось. Орхонские надписи дали материал для проверки таких выводов ученых, и результат оказался малоутешительным. Даже в тех случаях, когда исследователи имели дело с несомненно тюркскими языками и когда предположения высказывались лучшими знатоками этих языков, эти предположения были довольно далеки от действительности. Почти накануне открытия ключа к надписям Радлов в нескольких работах, в том числе в предисловии к изданию «Кутадгу билиг»^[18], сделал попытку установить, на основании китайской транскрипции, значение и произношение ханских титулов. Но надписи показали, что многие из предположений Радлова были неосновательны.

Из надписей также видно, что в некоторых случаях китайцы произвольно давали известному им народу то или другое китайское название, не имевшее ничего общего с тем

названием, которое давал себе сам народ. Так, вместе с народом китаи^[19] у китайцев постоянно называется народ хи; в орхонских надписях, также вместе с народом китаи, выступает народ татабы. Все европейские исследователи согласны, что хи китайских источников и татабы надписей — одно и то же, несмотря на полное отсутствие между этими словами какого-либо звукового сходства. Работа ученых затрудняется еще тем, что синологами, по-видимому, еще не вполне выяснено, как произносился тот или другой китайский иероглиф в то время, к которому относятся государства кочевников.

Попытки разгадать по китайским транскрипциям язык того или другого народа делались много раз, начиная с языка древнейшего из этих народов, хуннов, основавших сильное государство на границах Китая во II веке до н.э. и впоследствии передвинувшихся в Европу, где они особенно прославились в V веке н.э. Обыкновенно хуннов считали и считают тюрками, тем более что сами китайцы называют тюрков VI века потомками хуннов. Из попыток установить тюркское произношение слов языка хуннов, встречающихся в китайских источниках, особенно известна попытка японского профессора истории Ширатори^[20]; но как малоудовлетворительна была эта попытка, видно уже из того, что сам Ширатори впоследствии отказался от предложенных им сближений и пришел к выводу, что те же слова хуннов лучше объясняются при помощи тунгусских языков.

Более несомненным считалось тунгусское происхождение следующего по времени кочевого народа, господствовавшего в Восточной Монголии, имя которого нам известно только в китайской транскрипции — сяньби; они упоминаются как восточные соседи и враги хуннов, занявшие их место в Монголии в конце I века н.э. и впоследствии основавшие, как и хунны, несколько династий в северных областях собственно Китая. В противоположность хуннам, сяньбийцев, кажется, не считали тюрками ни один из писавших до сих пор исследователей; между тем в китайской литературе, по сообщению профессора Пельо, сохранился словарь сяньбийского языка, не оставляющий сомнения в том, что этот язык был тюркским. Факт, сообщенный Пельо, имеет большое значение и показывает, что в китайской литературе можно найти более точные, чем полагали до сих пор, сведения о языке кочевых соседей Китая, тем более что этот факт не единственный в своем роде; еще раньше профессор Пельо в печатной статье упомянул о существовании словаря языка одного из народов, упоминаемых в орхонских надписях, именно народа китаев; этот словарь показывает, что китаи, которых до сих пор обыкновенно считали тунгусским народом, в действительности говорили на монгольском языке.

Не вполне ясно для меня, на чем основано мнение Пельо, упомянутое мною в прошлой лекции, которое он сам считает несомненным, о монгольском происхождении предшественников тюрков, аваров, подчинивших себе не такое обширное пространство, как впоследствии тюрки, но все же господствовавших в V веке и в первой половине VI века в восточной части Средней Азии. И в этом случае народ носит в китайских источниках название, придуманное китайцами и не имеющее ничего общего с действительным народным названием. Китайцы говорят только о народе жужань, или жуань-жуань; это слово обозначает каких-то червей и должно было выразить презрение китайцев к кочевому народу. Слово *авары* в китайских источниках не встречается; встречается ли оно в орхонских надписях, остается спорным; было высказано мнение, что так должно быть объяснено загадочное народное название *пар-пурум*, или *апар-апурум*, встречающееся в надписях только в одном месте, где говорится о прошлом, а не о современной автору надписей жизни. В последнем своем переводе Томсен рассматривает слова *апар* и *апурум* как названия двух

отдельных народов, и при каждом из них ставит вопросительный знак^[9]. Слово *авары* в разных видах встречается в византийских, западноевропейских и русских источниках (в русской летописи в форме *обры*); византийцы отличают настоящих аваров, погибших, по их словам, на востоке, от народов, принявших имя аваров и под этим именем явившихся в Европу; но, по-видимому, мы имеем здесь или один и тот же народ, или, во всяком случае, народы, близко родственные между собой.

Есть некоторые обстоятельства, как будто говорящие в пользу мнения Пельо. Сюда относятся так называемые древнеболгарские слова, сохранившиеся в славянской хронике и относящиеся к царствованию древних князей дунайских болгар. Известно, что эти болгары первоначально не были славянами и до сих пор сохранили в своем типе следы неславянского происхождения; загадочные слова, явно не имеющие ничего общего со славянскими языками; поэтому старались объяснить из тюркских или близких к тюркским языков. Особенный успех имело мнение финского профессора Микколы^[21], что в загадочных словах мы имеем определение дат по эре двенадцатилетнего цикла; при этом, однако, оказывалось, что лошадь обозначалась не тюркским, а монгольским словом *морин*. Такой факт прежде был бы совершенно непонятен; если авары были монголами, то слово *морин* могло быть принесено на запад ими. Я ограничусь этим примером и не буду останавливаться на более сомнительных и менее заслуживающих внимания попытках некоторых ученых найти на западе монгольские слова задолго до появления исторических монголов. Какие смелые предположения высказывались об этом даже крупными учеными, можно видеть из попытки Марквардта^[22] сблизить название области Чаганиан в бассейне верховьев Амударьи с монгольским *цаган* — «белый», причем Марквардт на основании этого более чем спорного сближения называет слово *Чаганиан* первым по времени достоверно засвидетельствованным монгольским словом.

С другой стороны, против мнения Пельо могут быть сделаны веские возражения. Господство жужаней, или аваров, простиралось еще в V веке довольно далеко на запад, по крайней мере до Карашара в Китайском Туркестане; ими же было вызвано движение дальше на запад, в бассейн Амударьи, народа хайталов, или белых гуннов, покоренных впоследствии тюрками; при таком значении монгольского народа в событиях этой эпохи трудно объяснить, почему археологические экспедиции в Среднюю Азию не привели до сих пор к открытию каких-либо монгольских текстов, которые бы относились к времени до образования империи Чингисхана. Впрочем, не исключается возможность, что во время господства аваров торговля иранцев и других западных народов с кочевниками Средней Азии еще не достигла такого развития, как впоследствии при тюрках, хотя мы знаем, что в V веке купцами поддерживались сношения между хуннами, переселившимися в Европу, и хуннами, владевшими небольшим государством в пределах Китая.

Во всяком случае, сообщения Пельо показывают, что наука имеет право ожидать от синологов более точных и ценных, чем известные до сих пор данные, материалов для решения вопроса об этнографическом происхождении исторических кочевых народов. Ценных для истории выводов или по крайней мере устранения прежних ошибок можно ожидать и от успеха лингвистических исследований, после которых станут невозможными прежние, совершенно ненаучные лингвистические сближения. До сих пор считали возможным сблизать слова хуннов или других старых кочевых народов со словами современных тюркских наречий, даже не ставя вопроса, могло ли данное слово в данной форме относиться к древнему периоду. В работах Ширатори, например, для объяснения

титула правителей одного из народов, известия о котором относятся к времени нашей эры, привлекается среднеазиатское слово *бий*, представляющее очень позднее видоизменение старого *бек* и не встречающееся нигде раньше XV века. Марквардт для объяснения китайских известий о народе телэ в Монголии думал привлечь слово *итиль* в смысле «река», тогда как это слово заимствовано из чувашского языка и не встречается ни у одного из других тюркских народов, кроме татар, то есть приволжских тюрок. Надписи и открытые в Средней Азии памятники старотюркской религиозной литературы, может быть, дадут возможность поставить на научную почву вопрос о постепенном развитии словарного состава тюркского языка, также и о том, каким наречиям и каким местностям принадлежат те или другие слова. Если бы удалось открыть такие же древние памятники монгольского языка, то и работы по сопоставлению тюркского языка с монгольским, вероятно, по методам исследования приблизились бы к работам по индоевропейской и семитской филологии. До тех пор пока нет монгольских памятников древнее XIII века, история монгольского языка остается еще более темной, чем история тюркского.

Кроме привлечения древних памятников, история языков до некоторой степени может быть изучена посредством привлечения живых наречий. Во всех языках бывают примеры, что живое наречие сохранило древние формы, давно утраченные в литературном языке, тюрколог и монголист и в этом отношении находятся в менее выгодном положении, чем специалисты по индоевропейской или по семитской филологии. Монгольские наречия, насколько мне известно, настолько сходны между собой, что не дают материала для каких-либо исторических выводов. Несколько большее разнообразие тюркских наречий определяется уже тем, что тюрки расселились на гораздо большем пространстве; но и тюрколог, кроме большего числа сравнительно близких друг к другу тюркских наречий, располагает только двумя резко обособленными тюркскими языками, якутским и чувашским. Сопоставление этих языков с остальными тюркскими наречиями может дать некоторый материал для выяснения истории языка и в связи с этим истории народа.

Якутский язык принадлежит народу, ушедшему на далекий север и не принимавшему после этого участия в общетюркской жизни; зато чувашский язык сохранился в бассейне Волги, в местности, куда шло переселение тюрок из Средней Азии, и есть основание полагать, что этот язык в Средние века был гораздо более распространен, чем теперь. Арабские географы отмечают сходство между различными наречиями тюрок от печенегов в Южной России до соседей Китая и прибавляют, что на особом языке, непонятном для других, говорили болгары и хазары, жившие по среднему течению Волги; этот язык отличался также от языка финских народностей. В таком же положении находится теперь чувашский язык, ближе стоящий к тюркским, чем к финским, но одинаково непонятный для тюрок и финнов. Волга носила и у болгар, и у хазар название Итиль, что значит по-чувашски «река». Все это привело тюркологов к заключению, что чувашский язык представляет остаток языка, на котором говорили прежде болгары и, вероятно, хазары.

О характере чувашского языка долго велись споры. Радлов еще считал этот язык продуктом смешения тюркских элементов с финскими; впоследствии другие ученые старались доказать, что в чувашском языке сохранились утраченные в большей части тюркских наречий остатки более древней стадии тюркского языка. К такому выводу пришел и последний исследователь этого вопроса Поппе^[23], напечатавший об этом статью в «Известиях» русской Академии наук. По мнению Поппе, чувашский язык принадлежит к той же группе языков, что и тюркские и монгольские наречия, но не может быть отнесен ни

к тем, ни к другим, а составляет особую, третью ветвь этой группы. Во время происходивших по этому вопросу в Ленинграде споров Поппе соглашался признать чувашский язык тюркским, но остатком более древней стадии языка, когда монгольский уже успел отделиться, но еще не определились характерные свойства ныне известных письменных и живых тюркских наречий.

Этот вывод, если он будет окончательно принят наукой, может иметь большое значение для историка. Болгары и хазары не упоминаются раньше VI века, но, несомненно, пришли в бассейн Волги в более ранний период. Очевидно, что их привело сюда переселенческое движение, связанное с именем хуннов; уже во II веке, при географе Птолемея, хунны находились в небольшом расстоянии от Волги. Чувашское и потом тюркское название Волги — Итиль в то время еще не упоминается, но река Яик уже тогда носила это тюркское название, которое упоминается у Птолемея в форме Даикс. Употребление начального д- вместо начального j- в языке местного населения, по-видимому, замечалось и после; византийцы VI века говорят, что поминки по умершим назывались у тюрков дохия; в орхонских надписях мы имеем то же слово в форме jоК,. Такое явление не вполне соответствует фонетическим особенностям нынешнего чувашского языка, где, как в якутском, тюркское начальное j- заменяется звуком с-; но история этого звукового явления еще недостаточно выяснена. Во всяком случае, Даикс Птолемея может считаться древнейшим хронологически установленным тюркским словом.

Исторические факты заставляют полагать, что, если чувашский язык представляет остаток более ранней стадии развития тюркского языка, то на этой стадии находился язык хуннов, который, следовательно, не был тюркским в том смысле, как теперь обыкновенно понимают это слово, то есть не тем языком, на котором говорят теперь все тюркские народности, кроме якутов и чувашей. Этот язык, вероятно, был принесен хуннами далеко на запад, и остатки его имеются во всех языках, прямо или косвенно связанных с движением хуннов, до тюркских элементов в венгерском языке включительно. Так далеко на запад были принесены и некоторые культурные слова, заимствованные от китайцев, может быть, еще хуннами; в венгерском языке мы имеем тот же корень для обозначения слова «писать», что и в тюркском, и этому слову приписывают китайское происхождение. Древнейшую стадию развития собственно тюркского языка представляли, по всей вероятности, восточные соседи хуннов — сяньбийцы.

Совершенно недоказанными остаются пока предположения о более ранних, до нашей эры и в первые века нашей эры, действиях тюркских народностей в западной части Средней Азии. Из античной литературы (особенно важно в этом отношении сочинение Гиппократова о климатах и местах) мы только можем вывести заключение, что рядом с индоевропейскими народностями грекам были известны народы какой-то другой расы, но были ли среди них тюрки, остается сомнительным. Шаванн в связи со своей теорией о тюркском происхождении двенадцатилетнего животного цикла был склонен считать тюрками завоевателей II века до н.э., известных у греков под общим названием «индоскифы» и основавших государство, просуществовавшее несколько веков, в состав которого вошли многие области Индии. Когда Шаванну указывали на то, что в состав цикла входят животные, которых не было в стране тюрков, как обезьяна, он отвечал, что с обезьяной тюркские завоеватели Индии могли познакомиться еще в эпоху около нашей эры. В настоящее время, кажется, уже не имеют защитников ни теория о тюркском происхождении животного цикла, ни теория о тюркском происхождении индоскифов, хотя в пользу

последнего мнения высказался после Шаванна еще другой великий синолог, Фридрих Хирт^[24]. Животный цикл, по-видимому, происходит из Индии, откуда его заимствовали китайцы; от китайцев он в очень раннюю эпоху перешел к тюркам. Среди индоскифов первое место занимали тохары, название которых сохранялось в Средние века в названии области Тохаристан в верховьях Амударьи, хотя мусульманские авторы уже ничего не знали об этнографическом происхождении этого названия. Прежде тохары жили также в Китайском Туркестане; среди литературных языков буддизма в Средней Азии упоминается и тохарский язык.

Тюрки в смысле людей, говоривших на языке, который мы теперь называем тюркским, несомненно, были гораздо раньше; но пока нет основания полагать, что самое слово «тюрки» существовало раньше VI века н.э. О происхождении этого слова пока возможны только догадки. В своем последнем труде Томсен высказывает мнение, что так называлось отдельное племя или скорее отдельная ханская династия. Самое слово *түрк*, или *түрүк*, по мнению Томсена, «наверное», имело первоначально значение «сила», «крепость». Этому предположению, однако, не соответствует единственное место надписей, где слово *түрк* как будто употреблено не в смысле народного названия; хан называет кагана народа тюргешей «своим тюрком» (*түркім будуным*). Если слово *түрк* имеет здесь нарицательное значение, то скорее можно предполагать значение «созданное», «устроенное»; хан хочет сказать, что возмущившийся против него хан тюргешей был обязан ему своей властью. Возможно предположить связь между словом *түрк* и часто встречающимся в надписях словом *түрү* — «закон», «обычай», но также «объединенная законом народная масса».

Надписи не дают ясного ответа на вопрос, какие народы уже в то время назывались тюрками; столь же мало известно, как постепенно распространялось это название на разные народы и как оно приобрело то значение, которое имеет теперь. Хан называет свой собственный народ тюрками и в то же время огузами или токуз-огузами, хотя в некоторых местах огузы или токуз-огузы называются врагами хана. Еще до открытия ключа к чтению надписей Радлов пришел к выводу, что тюрки VI–VIII веков принадлежали к народу огуз, и надписи вполне подтвердили это мнение. Огузы, или тюрки, в свою очередь разделялись на несколько народностей — телесы и тардуши на востоке, тюргеши на западе^[10]; кроме огузов упоминается еще несколько тюркских народов, из которых впоследствии получили наибольшую известность карлуки, уйгуры и киргизы; но нет доказательств, чтобы эти народы уже тогда называли себя тюрками. Присвоение слову *түрк* того лингвистического значения, которое оно имеет теперь, было, по-видимому, делом мусульман. Арабы заметили, что многие народы говорят на том же языке, как те тюрки, с которыми они имели дело в VII и VIII веках и стали называть их всех тюрками; по мере принятия ислама и сами тюркские народы стали так называть себя, хотя и до сих пор не все мусульманские тюркские народы называют себя тюрками и свой язык тюркским. Вне сферы ислама слово *түрк* мало распространено; редкое исключение представляет один из памятников буддийской литературы, язык которого называется тюркским-уйгурским^[25]. Ни русские, ни западные европейцы не называли тюрками печенегов или половцев, и слово «тюрки» широко употреблялось в Европе только для обозначения народа сельджукской и впоследствии Османской империи, вышедшего из того же народа огузов, как орхонские тюрки. В русских летописях встречается название «торки», вероятно имеющее такое же значение, как «тюрки», но употребляющееся только для обозначения того народа, который в византийских источниках называется узами, то есть огузами.

Из всех народных названий, встречающихся в орхонских надписях, только одно встречается в китайских источниках в гораздо более ранний период — именно название «киргиз». Киргизы упоминаются еще в рассказах о событиях эпохи хуннов, то есть времени незадолго до и немного после начала нашей эры. Древнейшую китайскую транскрипцию слова «киргиз» — *гяньгунь*^[26] — Пельо объясняет монгольской формой единственного числа — *кыркун*, из чего можно было бы заключить, что китайцы впервые получили сведения о киргизах от какого-то монгольского народа. Более точные китайские сведения о киргизах и их стране, то есть верховьях Енисея, относятся только к эпохе тюркского государства; в то же время появилась неточная транскрипция *хакас*, представляющая только неправильную передачу очень точной транскрипции *киликисы*. Когда нынешние тюркские обитатели местности по Верхнему Енисею после революции вместе с другими прежними русскими инородцами получили национальную автономию, им понадобилось народное название, которого у них в то время не было и в котором прежде не чувствовалось необходимости; минусинская интеллигенция тогда извлекла из китайских источников слово «хакас», зная, что так называли китайцы народ, живший прежде в Минусинском крае и имевший некоторое политическое значение, но не зная, что этим названием неправильно обозначались киргизы, которых теперь в Минусинском крае уже нет.

В китайской «Истории династии Таи» приводятся некоторые киргизские слова, по которым видно, что киргизы уже тогда говорили по-тюркски; сюда относится, например, слово *aj* — «месяц». В то же время из описания наружности киргизов видно, что они тогда антропологически отличались от других тюрков; у них были светлые волосы и голубые глаза. Свидетельство китайцев в этом случае вполне подтверждается свидетельством мусульман; персидский автор XI века Гардизи^[27], по каким-то не дошедшим до нас более ранним источникам, также говорил о светлых волосах киргизов; из его слов видно, что по этому признаку предполагалось родство между киргизами и славянами. Указывает ли этот факт, как полагает Марквардт, на какое-то народное движение из Европы, не может быть доказано. Более поздние известия о киргизах не дают также материала для решения вопроса, как постепенно исчезали эти признаки и как образовался тип настоящих киргизов, которых до недавнего времени называли кара-киргизами.

Раннее упоминание киргизов в китайских источниках показывает, что их страна рано вошла в круг международных торговых сношений; о том же самом свидетельствуют найденные в Минусинском крае древности; по богатству материала для археологических исследований Минусинский край превосходит все другие местности Сибири. Большие трудности, как везде, представляет датировка памятников; даже вопрос о том, какие из них могут быть приписаны киргизскому или вообще тюркскому населению и какие относятся к гораздо более отдаленному прошлому, возбуждает споры. Страна киргизов посещалась караванами и в мусульманский период; главным предметом вывоза из нее был мускус, которому тогда придавали большое значение. Сравнение ранних мусульманских известий о киргизах с более поздними заставляет думать, что культура в этот период постепенно развивалась. Первые мусульманские известия, как и китайские, говорят только об одном городе киргизского кагана; иных оседлых поселений в стране киргизов не было; народ частью вел кочевую жизнь, частью даже оставался на уровне охотничьего быта. С другой стороны, в монгольскую эпоху Рашид ад-дин говорит, что в стране киргизов было много городов и деревень. Кроме торговых сношений успеху земледельческой культуры должно было содействовать плодородие Минусинского края.

Киргизы представляют один из первых примеров народа, первоначально, по всей вероятности, нетюркского и впоследствии отюреченного. Таких примеров потом было несколько как среди кочевых, так и среди оседлых народов. Из пяти племен, которых прежде объединяли под названием «урало-алтайцы» (в порядке с запада на восток: финны, самоеды, тюрки, монголы и тунгусы), отюречению особенно подверглись самоедские народности на южной окраине мест своего расселения^[28]. Этот процесс не закончен и до сих пор. Сравнительно недавно отюреченными самоедами считаются карагасы; не вполне еще отюречены камасинцы, последний к востоку народ в Сибири, кроме якутов, говорящий по-тюркски. Кастрен^[29] в 1848 году еще застал там самоедский язык; Радлов в 1863 году нашел камасинцев отюреченными, но этот процесс тогда еще не был настолько закончен, как можно было бы заключить из его слов; исследователь, бывший у камасинцев много позже, финский ученый Кай Доннер, еще нашел там стариков, знавших по-самоедски^[30].

Среди народов, упоминаемых в надписях, нетюркского происхождения был, может быть, народ аз, часто упоминаемый вместе с киргизами. Прежде сомневались в том, надо ли понимать слово «аз» в смысле народного названия; мною с самого начала отстаивалось это мнение, и к нему позже присоединился и Томсен, который называет азов «народом неизвестного происхождения». На низовьях Енисея, в Туруханском крае, теперь живут последние остатки народа, который русские называли по ошибке енисейскими остяками; на самом деле этот народ не имеет ничего общего ни с живущими на Оби остяками, принадлежащими к финскому племени, ни вообще с уральскими и алтайскими народностями. Сами «енисейские остяки» называют себя коттами или ассанами; первые сведения об их языке собрал в конце 40-х годов Кастрен; впоследствии язык и быт этого народа были подробно исследованы Анучиным^[31]. Возможно, что «енисейские остяки», подобно самоедам, занимали гораздо более обширную территорию, чем теперь, и что к этому племени принадлежали азы орхонских надписей. Кроме азов вместе с киргизами упоминается также народ ник, о котором впоследствии, по-видимому, нет никаких известий.

Сами киргизы уже тогда имели некоторое политическое значение, во главе их стоял особый каган, и надписи посвящают им гораздо больше внимания, чем уйгурам на востоке и карлукам на западе, которым было суждено через очень короткое время занять место тюрко-огузов. Возвышение этих народностей, по-видимому, произошло очень быстро. Уйгуры упоминаются в надписях только в одном месте; однако это место совершенно ясно, и нет никаких оснований сомневаться в чтении этого слова и в существовании в то время особого народного названия *уйгур*, не имевшего ничего общего с названием *огуз*. Во главе уйгуров стоял владетель с более скромным, чем каган, титулом *эльтебир*. Томсен полагает, что этим словом обозначалось нечто вроде тюркского наместника; но нигде не говорится, например, о назначении эльтебира каким-либо каганом; народ с эльтебиром во главе только отличался как менее значительный от народа с каганом во главе. У карлуков тоже не было кагана.

Из народов, по-видимому, нетюркских упоминаются татары, как впоследствии называли себя монголы; в надписях встречаются термины *токуз-татар* и *отуз-татар*, из чего можно заключить, что были две группы татарского народа, из которых одна разделялась на 9, другая на 30 родов.

Сложнее всего вопрос об отношении тюрков к оседлой культуре. По-видимому, тюрки тогда все или почти все были кочевниками, хотя и находились под влиянием оседлой культуры не только китайцев, но и народов запада, особенно согдийцев. Из слов согдийского происхождения встречается уже в надписях и впоследствии получило широкое

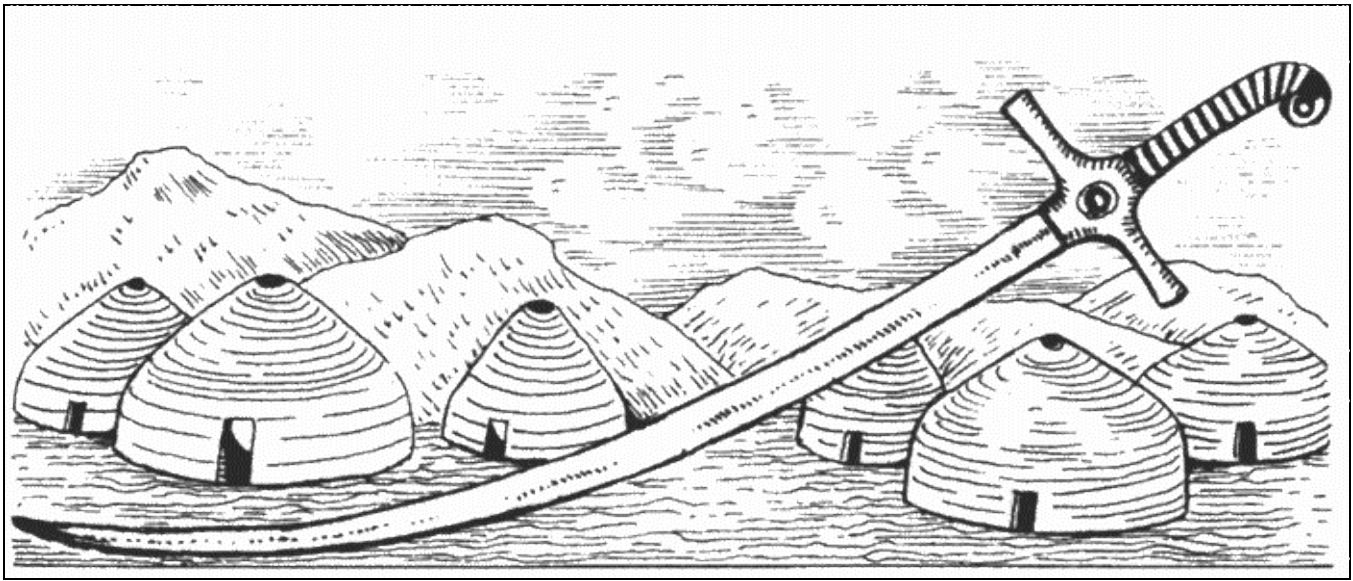
распространение у тюрков и монголов слово *хатун* — «ханша», «госпожа». Согдийцы и их страна упоминаются в надписях под названиями Согд и Согдак; эти слова нам еще встретятся в более поздних мусульманских известиях. В одном месте вместе со словом «Согд» находятся слова *барнакар букарак улус* (чтение сомнительно). Марквардт переводил эти слова как «народы (улус) персов и бухарцев»; слово *улус* в смысле «народ» в надписях не встречается, хотя встречается в старых тюркских религиозных текстах; употребление его в данном случае тем менее вероятно, что тут же стоит слово *будун*; маловероятно, чтобы были поставлены вместе слова *улус* и *будун*, имеющие приблизительно одно и то же значение; тем не менее толкование Марквардта принято, хотя и с вопросительным знаком, в последнем переводе Томсена.

Переход кочевников к земледелию совершается везде только под давлением экономической необходимости; такая необходимость больше всего проявлялась в Восточном Туркестане, где почти нет пастбищ. После новейших археологических открытий уже не может быть сомнения, что Восточный Туркестан, как и Западный, первоначально не был тюркской страной и только постепенно был отюречен; процесс отюречения оседлого населения должен был сопровождаться процессом перехода самих тюрков к оседлости, причем тот и другой процессы шли с востока на запад. Восточный Туркестан получил большой приток тюркского населения после падения в Монголии государств сначала тюрко-огузов, потом уйгуров; в надписях встречается слово *балык* в значении «город» и название Бешбалык — «Пять городов» для города, находившегося на крайнем востоке нынешнего Китайского Туркестана, близ современного Гучэна. Из слов автора XI века Махмуда Кашгарского^[32], о котором у нас еще будет речь, мы знаем, что слово *балык* по-тюркски значило «глина»; «город», следовательно, получил название по материалу, из которого воздвигались постройки, подобно тому как арабы в смысле «кочевники» и «оседлые» употребляли термины «люди войлока» и «люди глины».

Тюркским народом, жившим тогда в Бешбалыке, был народ басмыл, упоминающийся и в китайской истории. Из европейского средневекового словаря Дюканжа мы знаем, что слово *басмыл* значило «метис», человек смешанного происхождения; вполне естественно, что первый тюркский народ, перешедший к оседлости, не был уже по крови чисто тюркским и смешался с прежним оседлым населением той же местности. Даже у Махмуда Кашгарского басмылы причисляются к народам не чисто тюркским.

Вопрос о более значительном отюречении Восточного Туркестана связан с вопросом о последствиях падения государств сначала тюрко-огузов, потом уйгуров. Об этом мне придется говорить в следующей лекции.

Лекция III

В надписях, составленных от имени хана тюрков-огузов, власть и могущество хана считаются вполне крепкими, между тем всего через десять лет после его смерти, в 745 году, первенство в Монголии перешло к другому тюркскому народу, уйгурам. Несколькими годами раньше, в борьбе с арабами, утратила свое политическое единство и своих каганов западная ветвь огузского народа.

Из китайских источников мы знаем, что западные тюрки-огузы разделялись на десять родов, из которых пять жили к северу и пять к югу от реки Или. В надписях, по переводу Томсена, эти десять родов называются *он ок* — «десятью стрелами». Среди них на некоторое время возвысился род тюргеш, из которых происходили последние каганы западных тюрков. Арабы в то время только отражали вторжения тюрков в культурные земли, не предпринимали походов в глубину степей и не доходили до ставки каганов, находившейся около реки Чу; но поражение и смерть кагана в борьбе с арабами на Сырдарье имели последствием распадение его государства. Смуты продолжались еще несколько лет, уже независимо от действий арабов, и только в 766 году место тюрков-огузов на берегах Чу заняла другая тюркская народность — карлуки.

Главные успехи арабов в Средней Азии относятся ко времени 705–715 годов, когда наместником Хорасана был Кутейба ибн Муслим^[33]. Из надписей мы знаем, что во второй половине этого периода восточные тюрки на короткое время завоевали государство тюргешей и доходили до Железных ворот, то есть до прохода Бузгала, отделявшего в то время Согд от Тохаристана. Томсен правильно помещает этот проход на пути между Самаркандом и Балхом, но тут же дает неверное определение «между Согдианой и Ферганой»; известно, что путь из Согдианы, или Согда, в Фергану идет к северо-востоку, а не к югу, как путь в Балх.

По обстоятельствам, следовательно, вполне возможно, что с арабами пришли в столкновение не только западные, но и восточные тюрки; в таком смысле и толкуются некоторые места надписей; но другие ученые сомневаются в таком толковании; оно отвергается и в последней по времени работе, посвященной арабским вторжениям в Среднюю Азию, в работе молодого английского ученого Гибба. Самого слова «арабы» в надписях нет; нет, по-видимому, и того слова, которым называли арабов сначала персы,

потом китайцы и, вероятно, тюрки, — слова *тажик*, или, по тюркскому произношению, *täzik* или *теджик*. Известно, что это слово теперь имеет совсем другое значение, и уже в XI века оно обозначало людей иранской, а не арабской национальности. По-видимому, сначала так называли арабов, потом — вообще людей мусульманской культуры, потом — иранцев как народ, составлявший большинство среди известных тюркам мусульман.

В отличие от иранцев, тюрки и впоследствии не были покорены мусульманским оружием. После завоевания культурных областей по Амударье, Зеравшану и Сырдарье арабы еще в VIII веке перешли к оборонительной политике и, подобно своим предшественникам, для защиты культурных областей от кочевников строили длинные стены и валы. Известно, что такие сооружения для защиты от вторжений варваров воздвигались некогда на всем пространстве культурного мира, от Великобритании до Китая и Маньчжурии. В Средней Азии первое сооружение этого типа относится к эпохе задолго до ислама и было выстроено в III веке до н.э. для защиты культурной области Мерва, вероятно против кочевников нетюркского происхождения; до арабов был построен вал для защиты северо-восточной области Согда, уже против тюрков; остатки этого вала сохранились до сих пор, как и остатки валов, построенных арабами для защиты Бухарской области и области окрестностей Ташкента. После арабов, начиная с иранской династии Саманидов^[34], такие валы уже больше не строились и не поддерживались; Саманиды перешли к наступательной политике, но их походы большей частью носили характер набегов, и область завоеванной исламом территории и при них увеличилась незначительно; к мусульманским владениям были присоединены только местности от долины Чирчика до Таласа.

Если тюрки мало подвергались действию мусульманского оружия, то влияние культуры с запада после мусульманского вторжения в Среднюю Азию значительно усилилось. Еще раньше, в эпоху Сасанидов^[35], на Среднюю Азию постепенно усиливалось влияние Персии, которой принадлежало господство над путями мировой торговли на суше и на море; причем государство Сасанидов и в этом отношении, как во всех других, достигло величайшего блеска накануне своего падения. Сасанидская Персия не представляет, подобно большинству других восточных империй, картины постепенного развития и упадка; в истории Сасанидов падение наступило разом, тотчас после величайших внешних успехов, как результат крайнего напряжения сил. Эти успехи были одержаны преимущественно на западе, в борьбе с Византией; на востоке на короткое время были достигнуты некоторые успехи благодаря союзу с тюрками, но потом с тюрками произошел разрыв; кроме того, в эпоху Сасанидов войны на западе не давали возможности охранять восточную границу. У персов была отнята тюрками область по реке Гюрген, впадающей в Каспийское море; захватив эту область, тюрки здесь подчинились влиянию персидской культуры и приняли зороастризм.

Этот пример показывает, что сасанидская Персия, благодаря своему культурному и экономическому значению, могла оказывать влияние на своих соседей даже без военных успехов. Этим же, вероятно, объясняется факт вытеснения из Согда буддизма и восстановление значения зороастризма. Благодаря описанию путешествия китайского паломника Сюань Цзана, проезжавшего через Среднюю Азию в 630 году, мы можем установить, что этот факт относится к концу эпохи Сасанидов. При Сюань Цзане в Согде буддизма уже не было; покинув Восточный Туркестан, где буддизм тогда был в полном расцвете, Сюань Цзан снова нашел буддийские монастыри, только переехав южную границу Согда и приехав в То-харистан. В главном городе Согда, Самарканде, еще стояли два пустых монастыря, но зороастрийцы не давали отшельникам собираться там и прогоняли их

горящими головнями. Рассказ Сюань Цзана о Самарканде показывает, что вытеснение буддизма из Согда произошло только незадолго до его путешествия.

Археологические экспедиции в Туркестане установили, что на согдийском языке была буддийская литература, что произведения этой литературы переводились на тюркский язык и вообще имели влияние на тюрков. Главный исследователь этих памятников, покойный иранист Готье, относил их ко времени не раньше VII века. Если так, то они не могли быть написаны в Согде, но этим еще не опровергается предложенная Готье датировка; возможно, что в многочисленных колониях, основанных в Средней Азии согдийцами, буддизм еще некоторое время продолжал существовать.

В эпоху влияния буддизма к тюркам приезжали не только индийские миссионеры, но и индийские купцы. Отголоском этой эпохи является слово *sart*, первоначально употреблявшееся тюрками в смысле «торговец» и еще в XI веке имевшее только это значение; теперь доказано, что это слово перешло к тюркам из Индии — очевидно, в то время, когда приезжавшие к тюркам торговцы были преимущественно индийского происхождения. Постепенно торговля с тюрками переходила от индийцев к иранцам, но только в мусульманскую эпоху, притом после XI века, слово *sart* получило у тюрков и монголов этнографическое значение и стало обозначать тех среднеазиатских иранцев, на которых тюрки, очевидно, смотрели как на народ купцов.

Влияние Персии на Среднюю Азию в эпоху ислама должно было значительно увеличиться. Теперь уже Персия имела на Среднюю Азию не только культурное влияние; впервые после Александра Македонского и Селевкидов иранцы Средней Азии и иранцы Персии объединились в одно государство. Вместе с арабами в Туркестан, очевидно, проникли в большом числе персы; среднеазиатскими иранцами были усвоены предания о древних персидских царях; иранские наречия Средней Азии постепенно были вытеснены персидским языком, образовался общий для иранцев в Иране и Туркестане персидский литературный язык. Единственным соперником персидского языка был тюркский, и борьба с этим соперником большей частью была для персидского языка неудачной. С первых веков ислама начались два процесса: 1) постепенное вытеснение иранских наречий персидским литературным языком; 2) постепенное вытеснение иранских наречий и литературного персидского языка тюркским языком. В самой Персии область распространения тюркского языка все более расширялась; если в одной и той же деревне жили персы и тюрки, общим языком населения постепенно становился тюркский.

Тотчас после утверждения в Средней Азии ислама мусульмане стали пользоваться известными торговыми путями. Из китайской истории мы знаем, что мусульманские караваны уже в VIII веке ходили через страну карлуков к Верхнему Енисею, в страну киргизов; в мусульманской литературе также сохранились сведения о путях в эту страну, отчасти совпадающие со сведениями орхонских надписей; Саянский хребет носит одно и то же название — Кёгмен — в надписях и в мусульманском рассказе. Иртыш также упоминается в орхонских надписях, где говорится о нескольких походах туда восточно-тюркских ханов, но ни надписи, ни китайские источники не сообщают сведений о живших на Иртыше тюркских народностях; названия этих народностей впервые приводятся в мусульманской литературе. Больше всего арабы, конечно, интересовались путем в Китай; об этом пути и о живших вдоль его тюркских народах в мусульманской литературе есть немало сведений.

О народах Монголии и о происходивших там событиях мусульманская литература

домонгольского периода почти ничего не сообщает, хотя мы знаем из китайских источников, что уже в 924 году в Монголии были мусульманские купцы. Крайним пределом сведений мусульманских авторов была страна киргизов; по их представлению, эта страна простиралась до Восточного океана.

Вообще сведения мусульман о Средней и Восточной Азии менее ясны и отчетливы, чем можно было бы ожидать по значительности мусульманской торговли и обширности мусульманской географической литературы; пользование этими сведениями представляет большие трудности, на которые часто не обращают внимания и потому приходят к неверным выводам. Больше всего трудностей представляет определение времени, к которому относятся отдельные известия. Как все отрасли арабской письменности, арабская географическая литература была по преимуществу книжной; по крайней мере, до нас дошли не столько рассказы путешественников, которые бы описывали то, что видели сами, сколько сочинения, составленные на основании письменных источников. Часто один и тот же рассказ повторяется бесконечное число раз авторами, жившими в разное время, без оговорки, что этот рассказ относится не к тому времени, когда жил приводящий его автор, но ко времени за сто или больше лет до него. Иногда автор соединяет в одну картину сведения, собранные им самим и его современниками, со сведениями, заимствованными из книг, не делая никакой разницы между ними; читатель выносит ошибочное впечатление, что все, что сказано в такой книге, относится к одному времени — времени автора. Часто даже выдающиеся ученые без всякой надобности прибегали к рискованным предположениям, стараясь объяснить, каким образом автор такого-то времени мог высказать такое-то мнение, когда это мнение в действительности буквально выписывалось из составленной гораздо раньше книги. Еще недавно такое недоразумение произошло с текстом писавшего в XII веке географа Якута^[36], где тюрки упоминались рядом с византийцами как враги мусульман, причинившие исламу много вреда. В сочинении, относящемся к XIII веку, когда тюркам уже принадлежало значительное место среди мусульманских народов, эти слова казались странными; чтобы объяснить их, в них видели указание на широкое распространение среди тюрок шиитства и других ересей. На самом деле слова Якута оказались буквально заимствованными из сочинения автора конца X века Макдиси^[37], который, вероятно, также взял их из письменного источника; следовательно, слова о вреде, принесенном тюрками исламу, были написаны в то время, когда, кроме тюркской гвардии халифов и других мусульманских властителей, еще не было тюрок-мусульман и тюрки, наравне с византийцами, были внешними врагами мусульманского мира, какими они вообще являются у авторов X века.

Если для каждого известия приходится ставить вопрос, к какому времени оно относится, то решение этого вопроса затрудняется почти полным отсутствием в мусульманской литературе сведений о происходивших исторических событиях. Арабы мало интересовались войнами, происходившими между отдельными тюркскими народностями, и заменой одного кочевого государства другим; без китайских, отчасти также греческих источников мы не имели бы о ходе этих событий никакого представления. По той же причине нам гораздо яснее события, происходившие на востоке, в пределах Монголии и Китайского Туркестана, чем события, происходившие в западной части среднеазиатских степей.

Только благодаря китайским источникам мы знаем, что государство тюрок-огузов было сменено в Монголии в 745 году государством уйгуров. Главная ставка уйгурского кагана

находилась также на Орхоне, приблизительно в той же местности, где впоследствии был построен монголами город Каракорум; около ставки уйгурского кагана, как показывают развалины, тоже возник город, притом гораздо более обширный, чем город монгольского периода. Уйгурское государство просуществовало около ста лет, до 840 года, когда было уничтожено нашествием с запада киргизов. Китайские же источники сообщают нам, что борьба между кочевниками сопровождалась переселением вытесненных из Монголии кочевников в пределы Китайского Туркестана, где они постепенно переходили к оседлости и к городской жизни. В восточной части этой области, несмотря на смену народов, сохранялись, по-видимому, традиции, установленные первыми тюркскими поселенцами — басмылами. В орхонских надписях упоминается титул басмыльского владетеля *идикут* — буквально «священное счастье» или «величие»; слово *кут* в тюркском языке употреблялось, когда говорили о государе, в смысле европейского «величества».

Часть тюркок-огузов, переселившаяся в Китайский Туркестан, носила у китайцев название *шато*, то есть «степные». Эти тюрки владели Бешбалыком еще в начале IX века и потом под давлением своих соплеменников с запада должны были уйти дальше на восток, в пределы Китая, где во второй половине IX века приняли участие в происходивших в Китае смутах и спасли престол китайского императора от мятежников. Среди мелких династий, владевших северо-западными областями Китая в первой половине X века, были и династии, вышедшие из тюркок-шато.

Во второй половине IX века в местность с городом Бешбалыком пришли уйгуры, вытесненные из Монголии киргизами; это произошло в 860 году. Здесь образовалось уйгурское княжество, существовавшее до монгольского периода, до XIV века; другое княжество было основано уйгурами в пределах собственно Китая, где теперь город Ганьжоу; перед этим за эту местность происходила борьба между китайцами и тибетцами, и власть большей частью принадлежала тибетцам. В XI веке одному тибетскому народу, тангутам, удалось отнять эту область у уйгуров и основать здесь свое государство, которое впоследствии было покорено монголами; области с тех пор было присвоено наименование Тангут. Уйгуры, живущие в Тангуте, с тех пор не имели политического значения, но остались там до сих пор и отчасти сохранили свой язык, представляющий одно из старых тюркских наречий; только здесь отчасти сохранился известный нам по орхонским надписям и по уйгурским текстам своеобразный счет, с присоединением единиц к слову, означающему следующий десяток: *бір жігірмі* — буквально «один-двадцать», значит не 21, а 11, *бір отуз* — не 31, а 21, и т.д.

Подобно тюркам-огузам, уйгуры тоже оставили несколько исторических надписей, причем, однако, самая длинная и интересная надпись сделана на китайском языке. Надписи подтверждают свидетельство китайских источников, что уйгуры не остались шаманистами, как тюрки-огузы, не подвергались влиянию не буддийской пропаганды, а приняли одну из религий запада, манихейство. Как до них буддисты и одновременно с ними христиане, манихеи имели успех у согдийцев, а потом воспользовались торговыми успехами этого народа для распространения своей религии^[11]; вместе с длинной китайской надписью, где между прочим говорится о принятии уйгурами манихейства, сохранилась и небольшая надпись на согдийском языке, из чего видно, что уйгуры были обращены в манихейство согдийскими миссионерами. Из китайских источников мы знаем, что миссионеры не пришли к кочевникам из Согда, но встретились с ними в Китае во время похода туда уйгурского кагана в 762 году. Из этого видно, насколько торговля с Китаем была для

западных народов важнее торговли с кочевниками. Только после основания торговых колоний в самом Китае и на пути туда согдийцы могли оказывать более значительное влияние на тюркских кочевников, тем более что именно в это время происходили частые вторжения тюрков как в Китай, так и в нынешний Китайский Туркестан.

В области религиозной пропаганды влияние на тюрков согдийцев было более разнообразно, чем влияние индоевропейских народностей, живших в Китайском Туркестане. На двух индоевропейских языках, известных нам по находкам, сделанным в Куче и Хотане, сохранились только памятники буддийской литературы, тогда как на так называемом согдийском языке (пределы географического распространения этого языка не установлены; возможно, что на нем говорили в Кашгаре и в соседних с ним городах) сохранились, кроме буддийских произведений, произведения манихейские и христианские; все три религии представлены в переводных и оригинальных произведениях на тюркском языке.

Главные успехи манихейства и христианства относятся к концу VII и к началу VIII века, то есть к тому времени, когда в Западной Азии уже установилось политическое господство ислама. Ислам первоначально не был религией индивидуального миссионерства и распространялся преимущественно посредством сношений мусульманской державы, военных и мирных, с чужими государствами и обществами. Поэтому вполне естественно, что открывшимися после мусульманских завоеваний возможностями другие религии воспользовались раньше, чем ислам.

В истории тюрков принятие манихейства уйгурами имело большое значение. Каковы бы ни были успехи буддийского и христианского миссионерства, мы не имеем известий о том, чтобы какой-нибудь тюркский народ в VIII веке или раньше принял буддизм или христианство. В первый раз тюркский народ переходил от шаманизма к религии, основанной на этических принципах; по учению шаманистов даже убийство приносило человеку в будущей жизни только пользу; по учению манихеев запрещалось не только убийство людей, но и убиение животных и употребление в пищу их мяса. Противоположность между старым и новым учением сознавалась и самими тюрками — в надписи говорится, что народ, питавшийся прежде мясом, будет теперь питаться рисом, что страна, где совершались убийства, будет теперь страной, где проповедуется добро.

Небольшая согдийская надпись, найденная вместе с китайской надписью уйгурского кагана и вместе с несколькими строками на тюркском языке орхонскими буквами, должна быть признана первым хронологически определенным фактом (надпись относится к первой половине IX века), свидетельствующим о распространении среди тюрков нового алфавита. Манихеи принесли с собой из Вавилонии (арабского Ирака) свой алфавит, но вместе с тем пользовались согдийским национальным алфавитом; и этот алфавит употреблен в согдийской надписи на камне уйгурского кагана. У согдийцев-иранцев этот алфавит скоро был вытеснен арабским; употреблялся ли он вообще когда-нибудь для записи мусульманских текстов, не известно. С другой стороны, полученный от согдийцев алфавит сохранялся среди уйгуров и стал известен в науке под названием «уйгурский»^[12]. Мы знаем, что он у тюрков не сразу был вытеснен арабским и после принятия ислама; вместе с тем уйгуры распространили этот алфавит в Монголии, и вместе с монголами он снова пришел на запад; несколько позже тот же алфавит был заимствован у монголов маньчжурами. Таким образом, алфавит семитского происхождения благодаря согдийцам, уйгурам и монголам дошел до Великого океана. Согдийское происхождение этого алфавита не подлежит сомнению и было известно и мусульманам; об этом вполне определенно говорит мусульманский автор начала XIII века

Фахр ад-дин Мубарекшах Мерверруди. Для самих тюрков замена орхонского алфавита уйгурским была шагом назад; уйгурский алфавит гораздо меньше, чем орхонский, был приспособлен к передаче звуков тюркского языка.

После вытеснения уйгуров из Монголии манихейство было принесено ими в основанные ими княжества в Китайском Туркестане и Ганьчжоу. Возможно, что в первом манихейство распространилось и раньше, в эпоху тюрков-огузов или их преемников, живших там до прибытия уйгуров. На это как будто указывают слова арабских географов.

Классическим веком в истории арабской географической литературы был X век. До нас дошел целый ряд сочинений арабских географов этого периода, оставивших подробное описание мусульманского мира и вместе с тем краткие сведения о пути из мусульманских стран через страны, населенные тюрками, в Китай. По этому описанию, все пространство от Каспийского моря до Китая находилось под господством трех тюркских народов: гузов, то есть огузов, — от Каспийского моря до среднего течения Сырдарьи; карлуков, через страну которых приходилось ехать от Ферганы к востоку в течение двадцати дней; тугузгузов, или токуз-огузов, — дальше к востоку до Китая.

Это описание сохранилось у авторов, писавших в то время, когда, по китайским известиям, в восточной части Китайского Туркестана господствовали уйгуры; даже говоря о самом раннем арабском авторе, у которого мы находим этот маршрут, Ибн Хордадбехе^[38], можно сомневаться, писал ли он до или после 860-х годов, то есть времени вторжения в Китайский Туркестан уйгуров^[13]. Отсюда был выведено заключение, что уйгуры китайских источников и тугузгузы арабских источников — одно и то же. Одно время даже предлагали читать вместо *тугузгуз* — *токуз-уйгур*, но от этого чтения потом пришлось отказаться^[39]. Отожествление тугузгузов с уйгурами опровергается также арабскими историческими известиями. Ибн аль-Асир^[40] сохранил известие, что западные гузы вышли из тугузгузов. Табари^[41] приводит известие о вторжении тугузгузов скоро после 820 года в Усрушану, область между нынешними городами Джизаком и Ходжентом, из чего видно, что тугузгузами тогда назывались и непосредственные соседи мусульманских владений, а не только жители восточной части Китайского Туркестана. О том же свидетельствует факт, что тугузгузы попадали, в качестве пленных, в мусульманские области; из тугузгузов происходил Тулун, отец Ахмада ибн Тулуна^[42], основателя династии Тулунидов в Египте.

Ибн Хордадбех, самый ранний из арабских авторов, у которых описывается маршрут сухим путем в Китай, сам не совершал туда путешествия и воспользовался уже готовым рассказом. Тот же рассказ, что и у Ибн Хордадбеха, приводится у Якута со ссылкой на проехавшего этим путем Тамима ибн Бахра; к сожалению, Якут не говорит, к какому времени относится это путешествие. По приведенным в нем фактам надо думать, что оно было совершенно не раньше 760-х годов, когда установилось господство в Семиречье и в западной части Китайского Туркестана карлуков, и не позже IX века^[43], когда тюрки-шато китайских источников, происходившие из тюрков орхонских надписей, то есть из токуз-огузов, ушли из области Бешбалыка дальше на восток, в Китай. Арабы, очевидно, ознакомились с этой областью в то время, когда там жили токуз-огузы, и продолжали употреблять то же самое название для обозначения ее жителей и впоследствии, не зная, что токуз-огузы оттуда ушли и что их заменили другие тюркские народы.

Самое наглядное доказательство, что название «тугузгуз» первоначально прилагалось не к уйгурам, а к тюркам-шато, представляет рассказ Масуди^[44] о восстании в Китае во

второй половине IX века и об усмирении этого восстания китайским императором с помощью тугузгузов. Это одно из немногих исторических событий, о котором мы имеем известия не только в китайских источниках, но и в арабских; арабы приписывают тугузгузам ту же роль, которую китайцы приписывают тюркам-шато.

Во время поездки Тамима ибн Бахра аль-Муттави в страну тугузгузов здесь уже были зороастрийцы и манихеи; первые преобладали в стране вообще, последние — в столице. По всей вероятности, манихейство потом усилилось за счет зороастризма; арабы впоследствии называли манихеями весь тугузгузский народ. Манихейству, как буддизму, приписывали влияние на смягчение народных нравов, что будто бы вредно отразилось на военных качествах тугузгузов. Умерший в 869 году арабский писатель Джахиз^[45] говорит, что до принятия манихейства тугузгузы были воинственным и храбрым народом и обыкновенно одерживали победы в борьбе с карлуками, даже когда были в меньшем числе; после принятия манихейства они стали терпеть поражения. Марквардт относит слова Джахиза к кочевым уйгурам и видит в них доказательство, что до арабов дошло известие об уничтожении государства уйгуров киргизами; между тем в приведенном им же тексте Джахиза ясно говорится не о борьбе с киргизами, а только о борьбе с карлуками, из чего видно, что имеются в виду не события в Монголии, а события в Китайском Туркестане и что тугузгузы арабских источников жили там раньше, чем туда пришли уйгуры. Последние события произошли только за три года до смерти Джахиза; между тем из слов Джахиза видно, что тугузгузы, по его представлению, давно уже жили в той местности, где их знали арабы, и давно вели борьбу со своими западными соседями — карлуками.

Под влиянием книжных источников арабы продолжали говорить о тугузгузах в восточной части Китайского Туркестана в то время, когда там жили уйгуры. Из относящихся к этому народу немногих исторических известий, сохранившихся в арабских источниках, важнее всего известия авторов X века Масуди и ан-Надима^[46], показывающие, что уйгурский хан заступался за своих единоверцев как перед китайским императором, так и перед мусульманскими эмирами династии Саманидов. По словам ан-Надима, до тугузгузского хана дошли слухи, что саманидский владетель хочет подвергнуть преследованию манихейскую общину, жившую в Самарканде; он велел передать эмиру, что в стране тугузгузов гораздо больше мусульман, чем в стране Саманидов — манихеев, и что, если мусульмане начнут гонение против манихеев, он начнет гонение против мусульман. Под влиянием этой угрозы саманидский эмир отказался от своего намерения.

Эти рассказы показывают, что слова Джахиза об утрате принявшими манихейство тюрками прежних военных качеств преувеличены, как впоследствии преувеличивали влияние буддизма на изменение народного характера монголов; успешная борьба монголов с китайцами за свою независимость показала, что монголы не утратили прежних военных качеств. Таким же образом тибетцы именно после принятия буддизма, в VII веке, выступили в роли завоевателей; в начале XX века, после долгих лет господства в Тибете буддизма, англичане встретили со стороны тибетцев упорное сопротивление. Пример христианской Европы в Средние века показывает, что воинственные народы могут обратить религию любви и мира в религию войны. Таким же образом для кочевников-уйгуров принятие манихейства было новым предлогом угрожать Китаю; китайцам в своей политике по вопросу об иноверцах приходилось считаться с заступничеством уйгурских каганов за манихеев; только после поражения, нанесенного уйгурам киргизами, начинается ожесточенное преследование в Китае чужих религий, в том числе манихейства. Угрозы

уйгурских владетелей Китайского Туркестана уже не могли оказывать такое влияние, как прежде угрозы могущественных уйгурских каганов Монголии, но все-таки слова Масуди и ан-Надима показывают, что уйгуры в Восточном Туркестане защищали своих единоверцев в других странах, не останавливаясь перед применением силы, и, следовательно, не утратили своих военных качеств.

Открытые археологическими экспедициями в Средней Азии памятники манихейской литературы на персидском, согдийском, тюркском и китайском языках впервые дали возможность европейским ученым изучить религию манихеев по их собственным произведениям; до тех пор эту религию знали по сочинениям христианских и мусульманских авторов, большей частью полемическим. Манихейство, как и буддизм, рассчитывало на широкое распространение в народных массах; проповедь аскетизма была направлена против сословного строя, освященного религией Зороастра в ее позднейшей форме и господствовавшего в Персии в эпоху Сасанидов. Поэтому манихейские произведения писались так, чтобы они были доступны для простого народа. Из всех персидских рукописей того времени только в манихейских все слова написаны ясно по-персидски, без употребления семитских идеограмм, которыми полны так называемые пехлевийские рукописи и которыми пользовались и персидские христиане: многие слова произносились по-персидски, но вместо персидского слова писалось соответствовавшее семитское. Таким же простым и ясным языком манихеи писали по-тюркски. Главный памятник манихейской литературы на тюркском языке, покаянная молитва Хуастуанифт, чистотой языка, по мнению Радлова, превосходит едва ли не все дошедшие до нас памятники тюркской письменности^[14].

Из этого же памятника видно, что, как и следовало ожидать, манихейство более всего сблизилось с буддизмом; оскорбление буддийских святынь каралось так же, как оскорбление манихейских. Близость этих религий друг к другу доказывается и терминами той и другой, свидетельствующими о взаимном влиянии, так что по этим памятникам даже было трудно решить, которая религия распространилась среди тюрков раньше. Слово, которым тюрки называли Будду и буддийские статуи, *бурхан*, было заимствовано манихеями и служило для обозначения манихейских святых; с другой стороны, буддисты для своих священных книг приняли манихейский термин *ном*, и это слово до сих пор сохранилось в монгольском языке. Манихеи и буддисты, как впоследствии христиане и мусульмане, старались при распространении своей религии среди тюрков создавать религиозную терминологию на тюркском языке, что не всегда было возможно. В области шаманизма можно было найти термины для выражения идей «бог» и «дьявол», но такого представления, которое бы соответствовало представлению об ангелах, в шаманских верованиях не было; в этом случае манихейские, христианские и мусульманские миссионеры среди тюрков должны были довольствоваться персидским словом *фириште*.

Отсутствие у тюрков представления об ангелах отмечено и у Махмуда Кашгарского. Арабские авторы не всегда ясно отличали манихейство от буддизма, оттого некоторые авторы, как Бируни^[47], приписывают манихейству широкое распространение; с другой стороны, Масуди категорически говорит, что других манихеев, кроме тугузгузов, среди тюрков не было. Под тугузгузами в этом случае, конечно, понимаются уйгуры. Впоследствии, по-видимому скоро после X века, манихейство и среди уйгуров уступило место буддизму и христианству, но как и когда это произошло, источники не сообщают. Даже у писавшего во второй половине XI века Махмуда Кашгарского мы не находим указаний, чтобы в его время

еще сохранялось манихейство, хотя Махмуд Кашгарский лучше других знал страну уйгуров.

Замечательно что этот едва ли не единственный арабский автор, пишущий о Средней Азии не по книжным источникам, а на основании личного знакомства с этой страной, совершенно не употребляет слова *тугузгуз*, а только слово *уйгур*. Этим лучше всего доказывается, что употребление слова *тугузгуз* в смысле «уйгур» объясняется только книжными традициями и что у самих тюрок, живших в то время в Китайском Туркестане, такого слова не было.

Уйгуры оставались при Махмуде Кашгарском если не манихеями, то буддистами и христианами, но их западные соседи уже подчинились в то время влиянию ислама. В следующей лекции я постараюсь дать ответ на вопрос, что можно сказать в настоящее время об этом важнейшем факте в истории тюркского племени.

Лекция IV

Успехи ислама среди тюрков начались только со времени господства в Средней Азии иранской династии Саманидов, владевшей в IX–X веках, приблизительно с 820 до 1000 года, культурными областями Русского Туркестана^[48]; у арабов эти области, расположенные за рекой Амударьей, получили общее название «Мавераннахр», то есть «Заречье»^[49]. В истории мусульманских завоеваний население Мавераннахра иногда называлось тюрками; возможно, что некоторые области находились под властью династий тюркского происхождения; существует мнение, что в омейядском дворце Кусейр Амра вместе с изображениями сасанидского царя, византийского императора, вестготского короля Испании и абиссинского негуса находилось изображение тюркской владельницы Бухары; но тюркский язык среди местного населения тогда еще не был распространен. По-видимому, арабы иногда ошибочно называли тюркским язык местного иранского населения; только так можно объяснить слова Джахиза, будто между языками иранским и тюркским существует только диалектическая разница, как, например, между мекканским и мединским диалектами.

В течение некоторого времени северная граница ислама и халифата в Средней Азии совпадала, по-видимому, с этнографической границей между племенами иранским и тюркским и с культурной границей между областью земледелия и областью скотоводства. Были города к северу от этой границы, но это были колонии, основанные в степи населением культурных областей. Еще арабские географы X века описывают тюрков как народ, совершенно чуждый исламу и находящийся во вражде с мусульманами, хотя в это время положение уже начало изменяться.

Саманиды, подобно везирам 10 аббасидских халифов, Бармакидам^[50], происходили из Балха, области, где до ислама господствовал буддизм. Именно этой религии было труднее всего сохранить свое существование рядом с исламом; большое число статуй, находившихся в буддийских храмах, заставляло мусульман смотреть на буддизм как на идолопоклонство по преимуществу. В Индии брахманизм мог сохранить свое существование при мусульманском владычестве, тогда как буддизм, еще прежде пришедший в Индии в упадок, в эпоху мусульманского господства быстро исчез. Таким же образом исчез буддизм в Балхе и вообще в Тохаристане, тогда как зороастризм в Мавераннахре оставался еще в течение некоторого

времени; были также общины манихеев, христиан и евреев, из которых только последние сохранили свою религию до сих пор^[51]. Но буддизм исчез под влиянием ислама не бесследно; по-видимому, в подражание буддийской вихаре возник тип мусульманской высшей богословской школы — медресе, которая упоминается прежде всего на восточной окраине мусульманского мира и только в XI веке появляется в Западном Иране и в столице халифата, Багдаде. На влияние буддизма указывает большое число медресе в Балхе и его области.

Медресе, существовавшие в X веке, насколько известно, только в Хорасане и Мавераннахре, были сильным средством для распространения ислама независимо от действий мусульманского правительства; может быть, этим следует объяснить, что мусульманская пропаганда за пределами халифата достигла в это время в Средней Азии таких успехов, как ни на одной из других окраин мусульманского мира. Как мы уже видели, Саманиды отказались от оборонительной политики прежних мусульманских наместников Хорасана и Мавераннахра, перестали поддерживать стены, построенные для защиты культурных областей от кочевников, и сами стали предпринимать походы в степь. Иногда эти походы приводили к завоеванию городов; так, в 893 году был завоеван город Тараз, или Талас, на месте современного Аулие-Ата^[52], причем говорится об обращении главной церкви в мечеть, из чего можно заключить, что мусульманской пропаганде здесь предшествовала христианская. Но эти завоевания касались только ближайших пограничных областей, и даже здесь рядом с завоевательными походами Саманидов происходила, независимо от них, мирная колонизация степи переселенцами из Мавераннахра.

Когда ислам сделался в Мавераннахре религией большинства, мусульмане стали продолжать колонизаторскую деятельность, производившуюся в домусульманскую эпоху согдийцами. Так возникли три мусульманских города на нижнем течении Сырдарьи — Дженд, Хувара и «Новое поселение» (аль-Карьят аль-Хадиса по-арабски, Дих-и нау по-персидски, Янгикент по-тюркски, причем слово *кент* перешло к тюркам от согдийцев)^[15]. Из них вполне установлено местоположение последнего, которому соответствуют развалины, носящие теперь название Джанкент. По словам арабских географов, эти города были населены мусульманами, но находились под властью немусульманских тюрок-огузов, из чего видно, что это не были города, основанные на завоеванной Саманидами территории, но колонии, основанные с согласия местных тюрок переселенцами из Мавераннахра. Как завоеванный Саманидами Талас, так и основанное мирными колонистами «Новое поселение» широко распространили свою торговую деятельность в Средней Азии; от каждого из этих городов вела дорога к Иртышу, в страну неизвестного китайцам тюркского народа кимаков (в тюркском произношении, вероятно, *кимек*), из которого вышел занявший впоследствии огромную территорию кипчакский народ.

К числу пограничных областей мусульманской культуры принадлежал Хорезм. Окруженный степью с трех сторон, Хорезм издавна вел обширную торговлю с кочевниками; эта торговля должна была еще больше расшириться в мусульманский период. Хорезмийцы, вероятно, принимали участие в основании колоний на Сырдарье, но главная их деятельность была направлена в сторону запада и северо-запада, к бассейну Волги, где тогда жили болгары и хазары. Деятельность хорезмийцев началась здесь еще до ислама; из хорезмийцев происходил предводитель хазарского войска, совершивший в 764 году нашествие на мусульманские области Кавказа, но впоследствии мы находим на службе у хазар хорезмийцев-мусульман, которые выговорили себе право оставаться нейтральными в тех

случаях, когда будет происходить война с мусульманскими странами^[16]. Кроме того, в стране хазар и в их главном городе Итиле, при устье Волги, было большое число мусульманских купцов; благодаря этой торговле мог вообще возникнуть большой город в стране, которая сама, по словам арабов, ничего не производила. На юго-западе, в Дагестане, страна хазар непосредственно граничила с халифатом; здесь часто происходили военные столкновения; под влиянием этих столкновений хазарские каганы даже были вынуждены покинуть свою прежнюю столицу в Дагестане и основать новый город при устье Волги, хотя потом арабы и здесь, как в Туркестане, отказались от наступления и Дагестан, кроме Дербента и его ближайших окрестностей, остался в руках хазар. На востоке между государством хазар и пограничными областями мусульман всегда было некоторое пространство, не принадлежавшее ни тем, ни другим; тем не менее из некоторых арабских известий можно заключить, что хорезмийские войска иногда переходили это пространство и принимали участие в происходивших на Волге событиях, из которых главным было наступление на бассейн Волги в X веке русских^[17].

Наступлению русских на бассейн Волги предшествовало наступление хазар на восточнославянский мир; мы знаем из русских летописей, что несколько славянских народов до второй половины IX века платили дань хазарскому кагану. Как далеко простиралось на север хазарское влияние, видно из того, что русский князь, живший далеко на севере, около Новгорода, когда русские еще были норманнами и говорили на шведском языке, носил титул *каган*, употреблявшийся иногда и впоследствии, когда к государю русских чаще применялся общеславянский титул германского происхождения *князь*^[18] ^[53]

Государство, образованное в IX веке русскими на пространстве от Балтийского до Черного моря, нанесло удар могуществу Хазарского царства; непосредственное столкновение между обоими народами стало неизбежным, когда русские направили свои набеги между прочим и по Волге к Каспийскому морю. Известно, что об этих набегах русские летописи не дают никаких сведений; только о последнем из них, о походе на хазар Святослава, летопись сохранила несколько строк. Почти все наши сведения об этом движении русских заимствованы из арабских источников, причем самый подробный из них — рассказ Масуди о первом набеге, происшедшем, вероятно, между 910 и 915 годом, по-видимому, в 913 году. Этот набег был произведен с разрешения хазар, которым русские обещали отдать часть добычи, но потом тот же хазарский каган разрешил своим подданным-мусульманам (к ним присоединились и жившие в Итиле христиане, тоже заинтересованные в безопасности торговли от набегов) на обратном пути напасть на русских, которые были почти все истреблены.

В рассказе мусульман о втором набеге русских, 943–944 годов, когда был разграблен и разрушен главный в то время город мусульманского Кавказа, Бердаа, ничего не говорится о том, был ли он совершен с разрешения хазар или против их воли; не известно также, пострадали ли от этого набеге кроме мусульманских земель также земли, принадлежавшие хазарам. Третий поход, поход Святослава в 965 году, был направлен уже против Хазарского царства, которое на несколько лет перешло полностью во власть русских, не исключая и местности, непосредственно граничившей с халифатом в Дагестане; но за пределы Хазарского царства русские тогда не проникали, не трогали мусульманских областей и не преследовали бежавших из Хазарского царства жителей, нашедших убежище на Апшеронском полуострове, около Баку. Как видно из рассказа Ибн Хаукаля^[54], бывшего в это время на юго-восточной стороне Каспийского моря, современники смотрели на этот

поход как на окончательное завоевание Хазарского царства; беглецы вели с русскими переговоры, чтобы вернуться к себе на родину и жить там под русской властью. Ибн Хаукаль и потом не знал, что русские покинули завоеванную ими страну и что Хазарское царство было восстановлено.

Чтобы понять ход этих событий, нужно принять во внимание действия того же князя Святослава в других местах. Норманнские походы и в России, как в Западной Европе, первоначально предпринимались только для грабежа; таков был характер первых действий русских на Каспийском море. Потом походы приняли характер завоевательных предприятий, причем целью завоеваний было не присоединение новой территории к своим прежним владениям, но покорение богатой страны для того, чтобы остаться в ней. Когда Святослав потом пришел в дунайскую Болгарию, он решил остаться в этой стране, экономически и культурно стоявшей в то время гораздо выше России и бывшей центром торговых сношений; несмотря на все уговоры, он не хотел возвращаться в Киев. Очень вероятно, что Итиль, имевший не меньшее торговое значение, тоже понравился Святославу и тоже показался ему, сравнительно с Киевом, более значительным и богатым городом, более достойным быть столицей могущественного князя. Для России этот момент имел решающее значение; если бы Святослав остался в Итиле, русские, наверное, подчинились бы влиянию мусульманской культуры. Святослав ушел из страны хазар не для того, чтобы вернуться домой, но чтобы оказать помощь византийскому императору, по его просьбе, против дунайских болгар; византийский посол, по-видимому, застал Святослава не в Киеве, а в хазарских владениях. Ни из русских источников, ни из византийских не видно, покинул ли Святослав свои завоевания добровольно, увлекшись, под влиянием византийского предложения, мечтой о новых завоеваниях, или этому решению способствовали какие-нибудь неудачи на Волге или опасность, угрожавшая от каких-нибудь новых врагов. Ответ на этот вопрос дает, может быть, дошедший до Багдада слух, что именно в 965 году, в год похода Святослава, на хазар напал какой-то «тюркский» народ; хазары обратились за помощью к хорезмийцам; те обещали оказать им помощь под условием принятия ими ислама; хазары согласились, и хорезмийцы освободили их от вражеского нашествия.

О принятии хазарами ислама говорится в мусульманских источниках и по другому поводу, в рассказе о событиях другого периода; по этому рассказу, хазар будто бы заставили принять ислам походы против них Мамуна из города Гурганджа (нынешнего Куня-Ургенча). Имеется в виду не халиф Мамун, как ошибочно полагает Марквардт, а правивший в Гургандже эмир Мамун ибн Мухаммед.

Несомненно, что в обоих случаях известие об обращении хазар в мусульманство было основано на неверных слухах. Государственной религией хазар оставался до конца иудаизм, принятый каганом и аристократией, вероятно, в эпоху Харуна ар-Рашида^[55], то есть в конце VIII века. Это событие было последним отголоском той широкой пропаганды иудаизма, о которой говорится в Евангелии и у многих античных писателей; только постепенно иудаизм как религия международной пропаганды уступил место христианству и исламу и сделался тем, чем он остается до сих пор: национальной религией, принятие которой людьми других народов представлялось бы совершенно неестественным. По мусульманским известиям, иудаизм был религией хазарского правительства, но не хазарского народа. Хазарское правительство отстаивало интересы иудаизма, и в 922 году в ответ на известие о разрушении синагоги в одном из мусульманских государств был разрушен минарет в Итиле; но среди народа, по словам арабов, мусульман и христиан было больше, чем приверженцев

иудаизма^[19]. Поэтому остается темным вопрос о происхождении караимов в Крыму. Слово «караим» в Средние века обозначало не народ, а одну из иудаистских сект, отличавшуюся от большинства иудаистов, как и крымские караимы, непризнанием Талмуда. Караимы говорят на тюркском языке и имеют на этом языке перевод Библии, благодаря чему их язык сохранил большую чистоту. Часть Крыма принадлежала хазарам, и, может быть, здесь жил в начале XI века последний хазарский владетель, хотя этот владетель, по-видимому, был христианином, так как его звали Георгием. Ясных свидетельств о том, чтобы хазары принадлежали к секте караимов, в источниках нет. Против отождествления караимов с хазарами говорят и лингвистические факты; язык хазар, подобно языку болгар, был непонятен для остальных тюрков и, вероятно, был тем же языком, остатком которого теперь является чувашский; язык караимов и караимской Библии мало отличается от большинства тюркских наречий и не имеет ничего общего с чувашским. В этих условиях такие факты, как иудаистская религия и тюркский язык караимов, недостаточны для решения вопроса об их происхождении и их отношении к хазарам.

Ислам, таким образом, не сделался государственной религией в хазарских владениях; но и независимо от успеха или неудачи мусульманской религиозной пропаганды у хорезмийцев было достаточно причин оказать хазарам помощь в борьбе с внешними врагами, тем более что на службе у хазарского кагана была хорезмийская гвардия, которая не могла не пострадать при разгроме Хазарского царства русскими. Возможно, следовательно, что уход Святослава, по крайней мере отчасти, был вызван действиями хорезмийцев.

Более тесно, чем хазары, были связаны с Хорезмом и с мусульманской культурой их ближайшие родственники, волжские болгары. Мусульманские источники говорят об этом сравнительно мало. Говорится только о прибытии в 921 году посольства от принявших ислам болгар к халифу Муктадиру^[56] с просьбой прислать им знатоков военного дела, которые могли бы построить для них крепость, и знатоков ислама, которые могли бы наставить их в новой вере. В ответном посольстве халифа принимал участие Ибн Фадлан^[57], описавший свое путешествие из Багдада к болгарам и обратно через страну хазар. До последнего времени сочинение Ибн Фадлана было известно только по извлечению, сделанному в XIII веке географом Якутом; только недавно установлено, что в Мешхеде сохранилась рукопись, хотя и неполная, труда Ибн Фадлана в том виде, как с ним мог ознакомиться Якут (не хватает лишь нескольких страниц в конце)^[20].

На Ибн Фадлана, по-видимому, была возложена обязанность содействовать ознакомлению болгар с предписаниями ислама; политическая сторона посольства его не интересовала, послом «от султана», то есть от багдадского правительства, было другое лицо. Ибн Фадлан, насколько известно до сих пор, ничего не говорит о том, как это лицо исполнило свою обязанность и была ли построена для болгар та крепость, о которой они просили, и о том, как болгары первоначально ознакомились с исламом. Некоторый ответ на этот вопрос дает маршрут посольства: из Багдада оно проехало в Бухару, оттуда в Хорезм и только из Хорезма к болгарам. Выбор такого маршрута мог быть вызван только тем, что болгары вошли в соприкосновение с мусульманской культурой через Хорезм и владения Саманидов; из Багдада на Волгу было бы ближе ехать через Кавказ. Тесными культурными связями между болгарскими и хорезмийцами объясняется предположение русского летописца о родстве между этими народами. На влияние саманидского государства указывают и монеты, чеканившиеся в том же X веке мусульманскими болгарскими. Был период, когда Саманиды не признавали халифа (аль-Мути), провозглашенного в Багдаде, и чеканили на

монетах имя прежнего халифа (аль-Мустакфи^[58]); то же самое имя мы видим и на монетах, чеканенных в это время в стране болгар.

Помимо мирных сношений между хорезмийцами и болгарами могли происходить и военные столкновения.

Есть известия о походах хорезмийцев на «славян»; едва ли тут может идти речь о настоящих славянах, живущих к западу от Волги. Ибн Фадлан называет царя волжских болгар царем славян; прежде можно было объяснить это выражение ошибкой Якута, но теперь оказывается, что оно находится в подлинном сочинении Ибн Фадлана. По-видимому, волжские болгары, как и дунайские, произошли от смешения тюркско-чувакской народности и славянской, с той разницей, что среди дунайских болгар одержал победу славянский язык, среди волжских — тюркско-чувакский.

Помощь хорезмийцев, может быть, на короткое время спасла Хазарское царство от гибели, но не придала ему новой жизни; после XI века оно больше не упоминается, и монголы в XIII веке хазар уже не застали. С другой стороны, разгромом Хазарского царства воспользовались не столько русские, сколько болгары. По словам Ибн Хаукаля, русскими было разгромлено не только Хазарское царство, но и Болгарское, но об этом ничего не говорит русская летопись и этому мало соответствуют последующие события. С XI до XIII века болгары действовали на огромном пространстве от Великого Устюга до местности южнее Саратова и от Мурома до Уфимского края. В политическом отношении страна болгар, как и Россия, переживала, по-видимому, период распада на уделы. Ибн Фадлан говорит об одном верховном государе болгар, хотя и не носившем ханского титула, как государь хазар; впоследствии русские летописи всегда говорят о болгарских князьях, а не об одном князе. С другой стороны, культура болгарского народа была в XIII веке значительно выше, чем в X веке. По описанию арабских географов X века, болгарские города, Болгар и находившийся в 50 верстах от него Сувар (по-видимому, тоже название племени), в сущности, были ставками кочевников, состояли из хижин и войлочных шатров и летом совершенно покидались, тогда как город Болгар монгольского периода, как показывают его развалины, был каменным городом с населением не менее 50000 жителей. В X веке из страны болгар вывозили только продукты охоты (меха пушных зверей) и пчеловодства; впоследствии у болгар возникло кожевенное производство, унаследованное потом русскими, и болгарские сапоги были предметом вывоза в мусульманские страны, где на них был большой спрос. Земледелие также сделало большие успехи, и в годы неурожая Русь могла получать хлеб из страны болгар. Военная борьба с русскими велась с переменным счастьем; наступление русских вниз по Волге продвигалось медленно; только в XIII веке, незадолго до монгольского нашествия, русские дошли до места впадения в Волгу Оки и основали здесь Нижний Новгород. С другой стороны, нет сведений о том, чтобы болгары достигли успехов в области духовной культуры и имели литературу на своем языке, хотя на этом языке сохранились надписи арабским алфавитом, относящиеся уже ко времени монгольского владычества, к XIV веку. Вскоре после этого в бывшей стране болгар получил господство тот тюркский язык, который утвердился в Золотой Орде; прежний болгарский язык сохранился только в языке чувашей, происходящих, по-видимому, от наименее затронутых мусульманской культурой элементов болгарского народа, совершенно не знавших ни ислама, ни арабского алфавита и до принятия русского алфавита не имевших никакой письменности.

Известный нам теперь маршрут Ибн Фадлана наглядно показывает, что влиянию ислама

более отдаленные от мусульманских стран народы иногда подвергались раньше, чем ближайшие соседи мусульман. На пространстве между Хорезмом и владениями принявших ислам болгар Ибн Фадлан видел тюрок, остававшихся при своих шаманских верованиях и ставивших у могил своих воинов камни по числу убитых покойным врагов.

Тюркские народы, жившие в то время в Средней Азии, находились на различных ступенях культуры; говорится и о таких тюрках, у которых даже не было железного оружия и стрелы выделывались из костей. Пример болгар показывает, что влиянию ислама подвергались преимущественно те народы, у которых уже была некоторая культурная жизнь. Якут сохранил нам рассказ об арабском посольстве к тюркам (к сожалению, не сказано к каким, и маршрут посольства не приводится) при халифе Хишаме^[59] с предложением принять ислам. Каган устроил при себе смотр своим военным силам и потом сказал ему, что таким людям, среди которых нет ни одного ремесленника, «ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных», неоткуда будет добывать себе средства к жизни, если они примут ислам и будут исполнять его предписания.

Нет, по-видимому, фактов в пользу предположения, что распространению ислама способствовала воинственность тюрок, что тюрки увлеклись идеей священной войны и райскими блаженствами, обещанными павшим в такой войне. Возникновение в исламе индивидуального миссионерства, внутри мусульманского мира и за его пределами, было связано с возникновением мусульманского мистицизма — суфизма. В биографиях известных суфиев обыкновенно говорится об обращении ими в ислам большого числа иноверцев; суфии отправлялись проповедовать ислам в степь, к тюркам, и всегда, до последнего времени, пользовались среди тюрок гораздо большим успехом, чем представители книжного богословия. Проповедники-суфии говорили и говорят в степи не о священной войне и райских наслаждениях, а о грехе и адских муках; европейские путешественники в Средней Азии и Центральной Африке одинаково, независимо друг от друга, вынесли впечатление, что рассказы об аде больше всего способствуют распространению ислама. Но в этом отношении ислам не приносил с собой ничего нового; такие же рассказы тюрки слышали от проповедников буддизма, манихейства и христианства; между тем проповедь ислама имела успех и там, где тюрки раньше ознакомились с одной из этих религий.

Главное преимущество ислама заключалось, конечно, в культурном первенстве мусульманского мира, одинаково в области материальной и духовной культуры, среди образованных народов того времени. Кочевники всегда нуждались в произведениях культурных стран, особенно в предметах одежды. Везде, где происходила торговля между культурными народами и кочевниками, в Китае, в мусульманском мире и впоследствии на Руси, кочевникам больше всего были нужны ткани. Торговля с кочевниками была выгодна и для оседлых народов, которые могли получать от кочевников продукты скотоводства, особенно мясо, по более дешевым ценам, чем это было бы возможно при других условиях, но больше всего торговля была нужна кочевникам, которые везде сами пригоняли свои стада к пограничным селениям культурных стран, не дожидаясь, чтобы торговцы приехали к ним в степь. Для пограничных мусульманских стран в Средней Азии торговля с кочевниками имела большое значение; в Хорезме изготовлялись ткани специально для вывоза в степь. Знакомясь с товарами и вообще с жизнью мусульман, кочевники подвергались влиянию не столько ислама как религии, сколько вообще мусульманской культуры, но присоединение к мусульманскому культурному миру было возможно для кочевников только при условии

принятия ислама.

В прочном распространении ислама среди тюрков проявилась та сила, которую, по видимому, обладает ислам даже по сравнению с другими мировыми религиями. Несмотря на то что ислам по числу своих последователей уступал буддизму и христианству, можно сказать, что ислам теперь является единственной в настоящем смысле слова мировой религией, то есть религией, распространение которой не ограничивается народами одного происхождения или одного культурного мира. Временно успехи других религий иногда были более значительны, чем успехи ислама, но не приводили к прочным результатам. Манихейство тоже было некогда мировой религией и имело последователей от Южной Франции до Китая; это не помешало ему впоследствии совершенно исчезнуть. Буддизм начал свою мировую деятельность широкой пропагандой на западе, но остался религией одного только восточноазиатского культурного мира. Христианство имело многочисленных последователей среди тюрков до начала успехов ислама; впоследствии христианство воспринял целый ряд народностей в Западной, Восточной и Южной Монголии, где мусульманская пропаганда не имела почти никакого успеха, но эти успехи были только временными, и христианство является теперь религией преимущественно европейского человечества; по сравнению с европейскими христианами, живущие вне мира европейской культуры, совершенно ничтожны как по численности, так и по своему культурному развитию. Ислам является, по существу, религией передне-азиатского культурного мира, но число его последователей в Восточной Азии, особенно в Индии и на Зондских островах, теперь превосходит число переднеазиатских мусульман. В Китае мусульмане представляют самостоятельную силу, имеют духовную литературу на своем языке и не нуждаются в поддержке извне, тогда как все попытки христиан создать китайскую национальную церковь потерпели неудачу. В Африке христианство также не создало ничего подобного африканскому исламу; среди единственного африканского народа, имеющего свою национальную христианскую церковь, абиссинцев, еще в XIX веке имела успех мусульманская пропаганда. Вообще история знала много буддийских и христианских народов, принявших ислам, и не знала ни одного мусульманского народа, который бы принял буддизм или христианство.

После принятия ислама волжскими болгарами следующий крупный факт, указывающий на успехи ислама среди тюрков, — принятие ислама в 960 году, почти через сорок лет после прибытия болгарских послов в Багдад, многочисленным (200000 шатров) тюркским народом. К сожалению, это известие имеется только в багдадской историографии, а не в сочинениях, писавшихся в Саманидском государстве, и не в арабской географической литературе. Этим отчасти объясняется крайняя неопределенность дошедшего до нас известия; ничего не говорится ни о том, как назывался тюркский народ, ни о том, где он жил. Только в более поздних среднеазиатских преданиях, из которых самая ранняя версия дошла до нас в сочинениях начала XIV века со ссылкой на сочинение XI века, говорится, что принявший тогда ислам вместе со своим народом тюркский хан, именно Сатук Богра-хан Абд аль-Керим^[60], был членом той же династии, которая в конце того же X века завоевала государство Саманидов и положила начала первому тюркскому мусульманскому государству в Средней Азии.

Исторические и географические источники не дают нам даже ответа на вопрос, к какой тюркской народности принадлежала та династия, из которой вышел Сатук Богра-хан и которую в русской науке со времени профессора Григорьева^[61] обыкновенно называют

Караханидами, по другому титулу того же Богра-хана; в западной науке чаще употреблялся термин *илек-ханы*, не вполне удачный, потому что титул *илек* далеко не всегда соединялся с титулом *хан*, к тому же илеками называли себя не все ханы этой династии.

Когда возникла династия Караханидов, с какими передвижениями тюркских народностей связано ее возникновение, к какой народности принадлежали сами ханы — все эти вопросы остаются совершенно неясными и теперь, после открытия и издания сочинения Махмуда Кашгарского. Махмуд Кашгарский писал в такое время, когда господство династии Караханидов давно уже установилось, и мало касается вопросов прошлого. Представители арабской географической литературы, даже те из них, которые писали после 960 года, еще ничего не знали о существовании на границах владений Саманидов мусульманского тюркского государства; все их сведения заимствованы из книжных источников и относятся к более раннему периоду. Кроме очень простой схемы арабских географов IX–X веков, по которой всю страну между владениями гузов (огузов) и тугузгузов занимали карлуки, мы находим более сложную картину в других арабских известиях, дошедших до нас только в двух персидских сочинениях, анонимном географическом сочинении 982–983 годов, открытом в Бухаре в 1892 году и по имени открывшего его получившем название «рукопись Туманского»^[62], и в историческом труде Гардизи, написанном уже в XI веке, после 1040 года. Даже эти известия, относящиеся, по-видимому, к более позднему периоду, чем схема географов X века, не дают ясной картины; их трудно привести к согласию как между собой, так и с тем распределением тюркских народностей, которое мы находим у Махмуда Кашгарского.

Из рукописи Туманского и сочинения Гардизи мы, между прочим, узнаем, что часть страны, в которой, по словам арабских географов X века, жили карлуки, была занята народом ягма, выходцами из тугузгузов; народ ягма владел Кашгаром и частью Семиречья к югу от Нарына. Если поселение здесь народа ягма произошло после того времени, к которому относятся рассказы арабских географов, и если эти тугузгузы пришли с востока, то этим опровергались бы слова Джахиза, что после принятия тугузгузами манихейства перевес в борьбе между ними и карлуками перешел к карлукам. Династия Караханидов была тесно связана с Кашгаром, который, как местопребывание хана и его двора, назывался также Ордукент, то есть «селение, где находится орда»; об этом говорит и Махмуд Кашгарский. Отсюда, естественно, должно было возникнуть предположение, что народ, владевший Кашгаром, создал и династию Караханидов, то есть что Кара-ханиды вышли из народа ягма, ветви тугузгузов или уйгуров. Махмуд Кашгарский ничего не говорит об этом и знает слово «ягма» только как название народа, жившего при нем дальше к северу, в долине реки Или. Махмуд Кашгарский помещает в той же долине и некоторые другие народности, которые, по рукописи Туманского и сочинению Гардизи, жили южнее, именно народы тухсийцев и чигилей; первый помещается персидскими авторами в местности к северу от Чу, второй — на северном берегу Иссык-Куля. Название «чигиль», с тех пор забытое, в XI веке применялось к большому числу тюркских народностей. Из рассказа о походе на Мавераннахр сельджукского султана Меликшаха^[63] мы знаем, что чигилями называли военную силу Караханидов; по Махмуду Кашгарскому, огузы называли чигилями всех тюрок от Амударьи до Китая. Такой факт как будто указывал на политическое значение чигилей в Средней Азии или происхождение династии Караханидов из их среды, но и в пользу этого предположения у Махмуда Кашгарского нельзя найти никаких данных. Сам Махмуд Кашгарский объясняет то значение, которое получило у огузов слово *чигиль*, только тем, что

город Чигиль, где жила одна из ветвей этого народа, находился близ Тараза, то есть современного Аулие-Ата, и что с этим городом рано ознакомились огузы как с одним из самых западных восточнотюркских городов. Две другие ветви чигилей жили в деревнях близ Кашгара и в долине Или, в местности около города Куяса; в монгольскую эпоху этот город, находившийся к югу от Или, получил известность как столица Чагатая^[64], сына Чингисхана, и некоторых из его потомков. Наконец, о карлуках Махмуд Кашгарский сообщает только, что они были кочевым народом и что их, как и огузов, называли также туркменами. Рукопись Туманского и сочинение Гардизи помещают карлуков, название которых персидскими авторами переделано в халлук, по-соседству с мусульманскими владениями, в ближайшей местности к востоку от Тараза; им принадлежали и некоторые города в Китайском Туркестане, в том числе город Пенчул (китайский Вэньсу), находившийся близ нынешнего Уч-Турфана; об этом городе в рукописи Туманского говорится, что он находился в стране карлуков, но владетель его был в зависимости от тугузгузов. На рубеже между областями карлуков, тугузгузов и киргизов находился, по рукописи Туманского, и Кашгар. Это известие рукописи Туманского о киргизах крайне интересно; из него можно было бы заключить, что движение киргизов на юг, в ту страну, где они живут теперь, началось не позже X века. Никаких данных об этом, однако, нет ни у Гардизи, ни у Махмуда Кашгарского, ни в других источниках. О передвижении на север карлуков, подобно чигилям и ягма, у Махмуда Кашгарского еще не говорится, но впоследствии, в эпоху Чингисхана, мы видим карлукское владение к северу от Или.

Таким образом, у Махмуда Кашгарского упоминаются все три народа — карлуки, ягма и чигили, из которых могла выйти династия Караханидов, но ни об одном народе не говорится, чтобы он ближе других стоял к династии. Интересны слова о карлуках, что их, как и огузов, называли туркменами. Происхождение этого слова, впервые встречающегося в X веке, до сих пор остается загадочным; персидская этимология «похожие на тюрки», которую мы находим уже у Махмуда Кашгарского, конечно, не заслуживает доверия. Ясно только, что тип туркмен отличался от обычного тюркского типа и более приближался к иранскому. Карлуки, по-видимому, еще больше, чем огузы, подверглись влиянию иранского элемента и еще до принятия ислама ближе других тюрков стояли к мусульманской культуре. В XII веке туркменом называли владетеля города Баласагуна в Семиречье, происходившего из династии Караханидов; этот факт, может быть, говорит в пользу карлукского происхождения династии.

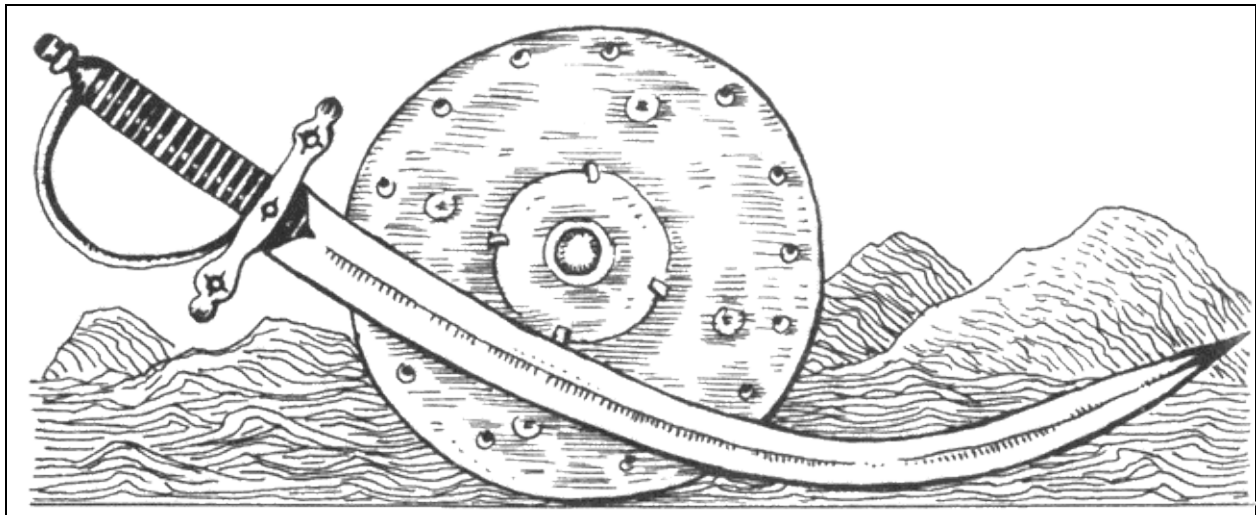
О том же городе Баласагуне есть рассказ персидского министра Низам аль-Мулька^[65], современника Махмуда Кашгарского, по которому этот город уже около 940 года считался мусульманским и переход его в руки неверных мог быть поводом для объявления священной войны. Возможно, что карлуки приняли ислам раньше народа ягма и что ханы народа ягма последовали их примеру только после занятия прежних владений карлуков, в том числе и долины реки Чу, где, вероятно, надо искать Баласагун; но все это остается недоказанным.

Первый тюркский хан, принявший ислам, Сатук Богра-хан, считался владетелем Кашгара; его могила сохранилась в селении Артыш (в более ранних источниках Артудж), к северу от этого города. По самой ранней версии рассказа об этом хане, он умер в 344 году хиджры, то есть в 955 или 956 году, что, однако, находится в некотором противоречии с рассказом о принятии ислама тюркским народом в 960 году; сей рассказ находился, вероятно, уже в сочинении багдадского историка Сабита ибн Синана, писавшего около этого времени, и его дата, вероятно, заслуживает больше доверия, чем дата заключающего в себе

много анахронизмов и легендарных подробностей рассказа о Сатук Богра-хане.

В том же X веке приняла ислам часть огузского народа на нижнем течении Сырдарьи; предводитель принявших ислам огузов начал свою деятельность с того, что освободил мусульманские города от дани, которую они до тех пор платили кафирам. Вообще добровольное принятие ислама двумя тюркскими народами казалось, вероятно, торжеством мусульманства; прежние пограничные мусульманские области теперь имели мусульманских соседей на севере и на востоке, и могло казаться, что ислам приобрел новых союзников в борьбе с немусульманским миром. На самом деле обстоятельства сложились так, что оба принявших ислам тюркских народа почти тотчас же обратили свое оружие против тех стран, откуда к ним пришел ислам. О причинах и последствиях этого явления я буду говорить в следующей лекции.

Лекция V

О принятии ислама кашгарским Богра-ханом у мусульманских историков не сохранилось никаких сколько-нибудь достоверных известий. Предания о мусульманских ученых сохранили нам имя богослова Келимати, бывшего при дворе тюркского хана именно в то время, около 960 года, к которому багдадская летопись относит принятие ислама многочисленным тюркским народом, но в преданиях о Богра-хане этот богослов не упоминается. Из старых версий легенды в одной не говорится ни о каком земном просветителе и принятие ислама ханом объясняется полученным им во сне приказанием с неба, в другой — просветителем вместо богослова назван бежавший к тюркскому хану саманидский царевич, причем приводятся явно фантастические, несогласные с историей имена и даты, хотя рассказ заимствован из не дошедшего до нас сочинения кашгарского историка XI века. Интересны в этом рассказе подробности о том, как тюркскому хану сперва понравились мусульманские товары, особенно ткани и сладости; уже потом он обратил внимание на мусульманское богослужение и начал спрашивать мусульман об их вере.

Мы видели, что местопребыванием принявшего ислам хана был Кашгар; его внук, Богра-хан Харун ибн Муса^[66], жил в городе Баласагуне и оттуда предпринял завоевание Мавераннахра; впоследствии Кашгар и Баласагун часто упоминаются вместе как города, принадлежавшие одному и тому же хану из династии Караханидов. Замечательно, что город Баласагун, несмотря на то значение, которое он имел для ханской династии, редко упоминается в мусульманской литературе, и нет ни одного маршрута, который бы нам позволил точно установить местоположение этого города. Из географов X века название «Баласагун» встречается только у Макдиси, притом без указания местоположения; ни рукопись Туманского, ни Гардизи о нем совершенно не упоминают. Очень вероятно, что Баласагун носил прежде другое название и упоминается в маршрутах географов IX–X веков под этим старым названием. Как главный город долины реки Чу у арабских и китайских авторов постоянно упоминается город Суяб (в китайской транскрипции Суй-е); у Махмуда Кашгарского этого названия нет; упоминается крепость Шу близ Баласагуна, построенная царем Шу, будто бы современником Александра Македонского; при этом прибавляется, что это было в такое время, когда городов Исфиджаба, или Сайрама, Тараза и Баласагуна еще не было. У Махмуда Кашгарского говорится еще, что к Баласагуну вел перевал Занби «между Кочкар-баши и Баласагуном». Название города Кочкар-баши было известно и раньше по

персидским источникам; его искали к востоку от Таласа, но более вероятно, что он, как заставляет думать и его название, находился на верховьях реки Кочкар, как называется река Чу в своем верхнем течении. Перевал Занби, обращающий на себя внимание своим совершенно нетюркским названием, соответствует в таком случае перевалу Шамси, о котором существуют местные тюркские легенды.

Происхождение названия «Баласагун» пока не установлено; предлагавшееся прежде сближение его с монгольским словом *балгасун* — «город» теперь едва ли имеет сторонников. У Махмуда Кашгарского встречается слово *атасагун* в значении «врач», очевидно образованное от слова *ата* — «отец»; оставляем открытым вопрос, может ли быть образовано таким же образом слово *баясагун* от *бала* — «дитя» и в каком значении. У тюрок Баласагун носил также название Куз-улуш (слово *улуш* значило «деревня» или «город»), или Куз-орду; название Орду носил также другой город около Баласагуна, упоминающийся и у географа конца X века Макдиси как местопребывание местного туркменского правителя. Слово Куз в этом названии у Махмуда Кашгарского не объясняется.

Баласагун принадлежал к числу городов, основанных согдийцами, и процесс их отюречения при Махмуде Кашгарском еще не был закончен; жители Исфиджаба, Тараза и Баласагуна говорили по-согдийски и по-тюркски. Согдийцы, как в орхонских надписях, носят название «согдак»; так назывался, по словам автора, народ, вышедший из Согда, страны между Самаркандом и Бухарой; согдаки приняли тюркскую одежду и тюркские обычаи. Вся местность от Исфиджаба (в другом месте сказано «от Тараза») до Баласагуна называлась Аргу^[21]; этого названия мы не встречаем ни в каких других источниках; по Махмуду Кашгарскому, под словом «аргу» вообще понимали ущелье, расположенное между двумя горами, и, очевидно, область Аргу получила такое название по своему местоположению между Александровским хребтом и Чу-Илийскими горами. О согдийцах, живших дальше к востоку, не упоминается. При Махмуде Кашгарском согдийцы области Аргу, конечно, были мусульманами; совершенно нет сведений о том, приняли ли эти согдийцы ислам раньше тюрок, вообще, в чем проявилось их культурное влияние на тюркский народ, прежде чем они сами сделались тюрками по языку и одежде.

Те же самые вопросы могут быть поставлены по отношению к первоначальному, нетюркскому оседлому населению Китайского Туркестана. Только из слов Махмуда Кашгарского мы узнали, что это население еще в его время рассматривалось как особый народ и носило название «кенджек»; ни в каких других источниках этого названия нет. Кенджеки в то время были уже отюречены, но сохраняли остатки своего прежнего языка в виде некоторых слов и некоторых фонетических особенностей.

Не из Кашгара, а из Баласагуна произошло в конце X века завоевание тюрками пограничного государства иранско-мусульманского мира — государства Саманидов. Упоминается сначала о занятии Богра-ханом Харуном, внуком принявшего ислам Сатук Богра-хана, Исфиджаба, или Сайрама, где, по-видимому, находилось небольшое тюркское владение или владение под управлением тюркской династии; потом, в 992 году, состоялся первый успешный поход Богра-хана на Самарканд и Бухару. Обстоятельства заставили завоевателей временно отказаться от своих завоеваний и вернуться в Баласагун, где Богра-хан в том же году умер; но по миру, заключенному несколько лет спустя, в руки Караханидов перешли все владения Саманидов к северу от долины Зеравшана. Еще через несколько лет, в 999 году, Караханиды снова заняли Самарканд и Бухару; попытки последнего Саманида восстановить власть своей династии (в начале XI века) уже не могли сколько-нибудь

серьезно поколебать установившееся в стране тюркское господство.

Вообще попытки Саманидов поднять народные массы для защиты иранской государственности от внешнего врага не имели успеха. Некоторыми представителями мусульманского духовенства даже был провозглашен принцип, что народ обязан принимать участие в защите страны только тогда, когда мусульманская страна подвергается нашествию кафиров. В духе этого принципа доказывалось, что раз Караханиды — мусульмане и не было никаких причин ожидать, что при их господстве мусульманскому населению будет хуже, чем при господстве Саманидов, то мусульманам нет никакого основания «подставлять себя для убиения».

И в других отношениях обстоятельства не были благоприятны для организации единого отпора иранского населения тюркским завоевателям. Иранская Средняя Азия в домусульманский период не знала сильной монархической власти; власть здесь находилась в руках землевладельческой аристократии; страна разделялась на множество мелких княжеств, причем князья были только первыми землевладельцами своего княжества и, подобно землевладельцам-аристократам, назывались дихканами; иногда княжеская власть временно исчезала совсем. Иранское дихканство оказывало влияние и на тюрков, встречаются дихкане с тюркскими титулами. При исламе этот аристократический строй, как и в Персии, постепенно разлагался под влиянием развития городской жизни, установления сильной монархической власти и бюрократической централизации; вместе с вытеснением местных иранских наречий персидским языком в Среднюю Азию переносились традиции сасанидской государственности, и сами Саманиды приписывали себе происхождение от Сасанидской династии. Деспотические стремления Саманидов не могли не вызвать мятежного настроения в аристократии, и есть известие, что Богра-хан был призван в Мавераннахр дихканами. Есть основание думать, что дихкане в первое время действительно извлекли пользу от завоевания страны тюрками. Мы знаем со слов географа Макдиси, что в конце X века традиции дихканства в хозяйственной жизни больше всего сохранялись в области Илак, в долине Ангрена к югу от Ташкента, но политического значения дихкан Илака уже не имел; при Караханидах появляются монеты, чеканенные илаким дихканом, что указывает на восстановление его политического значения.

Завоевав Мавераннахр, Караханиды в первое время не жили в главных городах этой области — ни в Бухаре, столице Саманидов, ни в Самарканде. Местопребыванием первых владетелей Мавераннахра из династии Караханидов был не имевший прежде большого значения пограничный город Уз-генд; здесь, в непосредственном соседстве со своими прежними владениями, Караханиды, очевидно, чувствовали себя безопаснее, чем в центре завоеванной ими области, где через несколько лет все-таки появились некоторые признаки народного движения в пользу Саманидов. Для названия «Уз-генд» была придумана не совсем удачная тюркская этимология *уз кент* — «наш собственный город», хотя город существовал и до тюркского завоевания. Тюркское название получил и главный город северной части Мавераннахра, где тюркских элементов, конечно, было больше, чем в южной, — Бинкет, главный город области Чач, или, по иранскому произношению, утвердившемуся впоследствии и в местной книжной литературе, — Шаш. Вместо названия Бинкет уже в XI веке, как мы знаем из сочинения Бируни, существовало тюркское название «Ташкент» — «Каменный город», хотя каменных пород в этой местности почти нет; в литературе есть несколько попыток объяснить этот странный факт, но эти попытки остаются произвольными догадками. У Махмуда Кашгарского приводится также

сокращенное тюркское народное название Ташкента — Теркен; из этого же сочинения видно, что уже в то время существовала тюркская народная этимология названия Самарканд — *самизкент* — «жирный (то есть богатый) город».

Отказ от поселения в Самарканде и Бухаре не означал отказа Караханидов от дальнейших завоеваний на западе, откуда к ним пришла не только религия, но и материальная культура и богатства. Движение на запад обещало гораздо больше выгод, чем борьба на востоке и севере с тюрками, не принявшими ислама, тем более что в мусульманских странах, как мы видели, были отдельные партии и группы, встречавшие Караханидов как союзников. Вследствие своего недавнего обращения они были более ревностными мусульманами, чем правители переднеазиатских областей; здесь защитники веры ждали прибытия правоверных завоевателей с востока, которые бы уничтожили господство захватившей власть в Багдаде династии Бундов^[67]. Тюрки на востоке, как берберы на западе, вообще выступали в роли защитников религии в тех странах, где представители религии вели борьбу с правительством. Махмуд Кашгарский приводит хадис, в котором, со слов пророка, самому Аллаху приписаны слова: «У меня есть на востоке войско, которое называют тюрками; когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, я посылаю их на него».

Караханиды считались благочестивыми правителями; они не пили вина, чем отличались от представителей тюркской по происхождению, но не связанной с тюркскими народными движениями династии Газневидов^[68], к которой перешло наследие Саманидов в области к югу от Амударьи. Газневидский султан Махмуд^[69] тоже считался исключительно благочестивым, вел священную войну в Индии и преследовал еретиков в своем собственном государстве, но не отказывал себе лично в запрещенных религией удовольствиях.

Караханиды не имели намерения остановиться на Амударье и предприняли нашествие на государство Махмуда. Историк Махмуда по этому поводу вспоминает хадис, где говорится о наружном виде тюрков, об их маленьких глазах, плоских носах и т. п.; этот хадис является одним из главных доводов против мнения, будто тюрки первоначально не принадлежали к народностям так называемого монгольского типа. Возможно, что в пределах Ирана борьба с тюрками рассматривалась и с точки зрения иранских национальных традиций. Именно в то время появилось написанное еще при Саманидах, но обнародованное при Махмуде «Шахнаме» Фирдоуси^[70], в котором отводится такое значительное место борьбе Ирана с Тураном, причем со времени появления тюрков в VI веке слово «Туран» стали употреблять в смысле «Туркестан», страна тюрков, и героев этой борьбы со стороны Турана, несмотря на их чисто иранские имена, сделали тюркскими царями. Применение этих традиций к Караханидам облегчалось тем, что сами Караханиды подчинились влиянию не только ислама, но и персидского эпоса и по имени мифического туранско-го царя стали называть себя «домом Афрасиаба», несмотря на совершенно нетюркский звуковой состав этого имени. Только из сочинения Махмуда Кашгарского мы узнаем, что с Афрасиабом был отождествлен герой тюркских песен Алп-Тонга. Махмуд Кашгарский приводит несколько таких песен, как всегда сопровождая их арабским переводом; в этом переводе слова «Алп-Тонга» заменяются словом «Афрасиаб». Эпизоды персидских преданий об Афрасиабе были приурочены к отдельным местностям Восточного Туркестана. Столицей Афрасиаба считался Кашгар; Афрасиабу было также приписано основание города Барчук, где теперь Маралбаши; в Барчуке будто бы был заключен герой Бизен, или Биджен, по персидскому эпосу, брошенный в колодезь по приказанию Афрасиаба за тайный брак с его дочерью и

освобожденный Рустемом. Вполне естественно, что Фирдоуси и даже его предшественник, современник Саманидов Дакики^[71], вносили в рассказы о мифических туранцах черты быта современных им тюрков. Сюда относятся, например, названия городов и отдельных тюркских народностей.

Борьба с Газневидами кончилась для Караханидов неудачно; все их нашествия были отражены с большими для них потерями. К Махмуду перешли и некоторые области к северу от Амударьи; сам Махмуд хотел, чтобы его признавали верховным государем всего Востока и чтобы халиф сносился с Караханидами только через его посредство. Но в то же время сам Махмуд сносился с ханами Караханидов как равный с равными; об этом особенно ясно свидетельствует подробный рассказ историка Гардизи о свидании Махмуда в 1025 году в местности к югу от Самарканда с кашгарским владельцем Кадыр-ханом Юсуфом^[72], сыном Богра-хана Харуна.

С именем Кадыр-хана Юсуфа, умершего в 1032 году, связано единственное завоевательное предприятие Караханидов в Восточном Туркестане, о котором говорят источники, — завоевание Хотана. Насколько известно, только здесь успех ислама был связан с успехом мусульманского оружия, и тюрками-мусульманами был завоеван город, где учение Будды процветало уже много веков. В рассказе Гардизи о Хотане, относящемся, очевидно, ко времени до завоевания, упоминаются также христианские церкви и мусульманское кладбище, из чего видно, что мусульмане проникли туда еще в эпоху буддизма.

Интересно, что с Махмудом сносились не только Караханиды-мусульмане, но и языческие владельцы. Гардизи говорит о прибытии к Махмуду в 1026 году послов от двух тюркских ханов (приводятся их титулы, произношение которых по единственной известной кембриджской рукописи, копию которой представляет оксфордская, не может быть вполне установлено) с просьбой дать согласие на установление родственных связей между ними и Газневидской династией. Махмуд ответил, что мусульмане не отдают своих дочерей за неверных, но что если они примут ислам, то их просьба может быть исполнена. К сожалению, не сообщается, где правили эти ханы и принадлежали ли они к той же династии Караханидов, то есть были ли среди Караханидов ханы, не принявшие ислама. Этих сведений нет и в единственном, кроме Гардизи, источнике, где упоминается об этом посольстве, — в труде Джемаль ад-дина Ибн Муханны^[73] о персидском, тюркском и монгольском языках, составленном в XIV веке. Две последние части этого труда изданы, с русским переводом и лингвистическим исследованием, профессором Мелиоранским^[74] в 1900 и 1903 годах^[22]; весь труд издал в Константинополе в 1912–1922 годах Килисли Рифат^[75]. Тюркский издатель располагал новым материалом, которого не было у русского, и мог установить имя автора. К сожалению, интересующее нас место в тюркском издании искажено пропусками, и пользоваться им можно только по русскому изданию.

Ибн Муханна по поводу двенадцатилетнего животного цикла ссылается на не дошедшее до нас сочинение врача Ша-раф аль-Замана Марвези^[76] «О нравах животных»^[23]. Говорится о получении султаном Махмудом в 1027 году письма от «государя Китая и государя тюрков», датированного пятым месяцем года Мыши; приводятся и остальные названия годов, причем год Барса назывался также годом Тигра или годом Льва.

Новый источник не дает, следовательно, никаких новых сведений о посольстве двух ханов и только вносит хронологическую неясность. Гардизи относит посольство к 1026 году, врач Марвези — к 1027 году; дата по циклу, год Мыши, соответствует 1024 или 1036

году.

Сведения о границах мусульманских владений в Восточном Туркестане при Караханидах сообщает только Махмуд Кашгарский. Известно, что культурные области расположены в Восточном Туркестане вдоль двух главных путей, северного, ведущего к Куче и Турфану, и южного, ведущего от Хотана к Лоб-Нору, куда впадает река Тарим; у Махмуда Кашгарского Усми-Тарим — «название большой реки, текущей из области ислама к уйгурам и там теряющейся в песках». В XI веке ислам еще не доходил ни до Турфана, ни до Лоб-Нора; пограничными пунктами на северном пути были Куча и Бугур, на южном — Черчен. У Махмуда Кашгарского не говорится, были ли на обширном пространстве от Кашгара до этих мест еще какие-нибудь ханы, кроме кашгарского. Дальше к востоку находились, по-видимому, владения уйгурского хана; приводится его титул *кюль бильге-хан*, но слова «его называли» показывают, что этот титул относится к прошлому; как назывался уйгурский владетель при жизни автора, не говорится.

В распоряжении автора был какой-то рассказ о завоевании Хотана, но на это в его сочинении сохранился только намек. Приводится имя Дженкши, встречающееся и в монгольскую эпоху среди потомков Чингисхана, но прибавляется, что так назывался один из эмиров Хотана, который был причиной завоевания этого города.

Довольно много стихов, приведенных в труде Махмуда Кашгарского, относится к войнам между мусульманами и уйгурами, причем с представлением об уйгурах связывается представление о культе бурханов, то есть о буддизме. С понятием о бурханах связывается понятие об их жреце — тойоне, как называется до сих пор часть буддийского духовенства у монголов. Этому слову приписывают китайское происхождение; то, что оно вместе со словом *ном* для обозначения священных книг (по Махмуду Кашгарскому, так называли всякий религиозный закон, в том числе, по-видимому, и мусульманский) перешло к монголам от уйгуров, было известно и раньше, по рассказу персидского автора XIII века Джувейни^[77]. Никаких ясных сведений о существовании среди уйгуров манихейства и христианства у Махмуда Кашгарского нет; намек на существование тюркских христиан можно видеть только в его замечании о слове *баджак*, которое означает «пост христиан». Замечательно, что то же самое слово в манихейских текстах означает «пост манихеев».

Интересно, что в государстве Караханидов прилагали одно и то же название *там* к мусульманам-иранцам и к уйгурам. Происхождение этого названия остается спорным; в этнографическом смысле оно употребляется теперь преимущественно на Кавказе, где так называют евреев, говорящих на смешанном иранско-тюркском языке; в Средней Азии слово *там* встречается в языке туркмен, которые называют так людей оседлой культуры, в том числе хивинцев. Такое же значение слово *там*, очевидно, имело в XI веке; иначе трудно было бы объяснить существование одного и того же названия для иранцев и для культурных тюрок — уйгуров.

Об уйгурских городах у Махмуда Кашгарского были довольно точные сведения. Из орхонских надписей и уйгурских текстов известен город Кочо, ныне Кара-Ходжа близ Турфана с развалинами Идикут-шари, то есть «Город идикута», главный город южной части области уйгуров; Махмуду Кашгарскому слово «Кочо» известно и как название города, и как название всей области. Главным городом северной части той же области оставался, конечно, Бешбалык; кроме того, приводятся еще названия трех городов: Сульми, Джанбалык и Янгибалык («Новый город»). Даже в то время, через три столетия после принятия манихейства, уйгуры не считались народом, утратившим военные качества; в искусстве

стрельбы из лука они даже превосходили других кафи́ров.

Из труда Махмуда Кашгарского мы узнаем также, как уйгуры называли мусульман; в таком значении употреблялось слово *чумак*. Известно, что так называли позже в Южной России торговцев, развозивших свои товары в телегах; о происхождении этого слова не было никаких данных, и только по звуковому составу его считали тюркским. Очевидно, мусульмане и в области уйгуров, как во многих других странах, были главными представителями торговли.

Еще менее подробны сведения автора о народах, живших к северу от Восточного Туркестана. Мы видели, что границу распространения ислама на востоке можно, на основании его слов, установить довольно точно; менее ясны сведения о границах распространения ислама и тюркской народности на севере и на северо-востоке. Географы X века, по-видимому, хорошо знали только южную часть нынешней Джетысуйской области до гор, составляющих северную границу Чуйской долины. В рукописи Туманского упоминается и река Или, но автор имел об этой реке крайне неясное представление и заставляет ее впадать в Иссык-Куль. С другой стороны, Махмуд Кашгарский придает реке Или очень большое значение; с ней связывается даже происхождение двенадцатилетнего животного цикла. Рассказывается легенда о какой-то царской охоте, во время которой преследуемые царем животные переплывали реку Или в том порядке, как по ним потом были названы годы цикла.

Автор писал свой труд в Багдаде и приводит точную дату, когда он приступил к своему труду, — мухаррем 466 года хиджры, то есть сентябрь 1073 года, но эта дата внушает сомнение по двум причинам: во-первых, тут же назван халиф Муктади^[78], вступивший на престол только в 467 году хиджры (1075 год); во-вторых, как год цикла назван год Змеи, который соответствует 1077 году. По записи в конце сочинения, оно было начато еще в начале джумада I 464 года хиджры (январь — февраль 1072 года), четыре раза переработано и переписано и окончено в понедельник 10 джумада II 466 года хиджры (10 февраля 1074 года), то есть до вступления на престол халифа, которому оно посвящено. Трудно объяснить эти хронологические противоречия, тем более что рукопись имеет точную дату (воскресенье 27 шавваля 664 года хиджры / 1 августа 1266 года) и представляет, по словам переписчика, копию с автографа автора. Едва ли, однако, есть основание сомневаться в том, что автор писал во второй половине XI века.

Автор не говорит, по каким причинам он переселился в Багдад; из его слов мы знаем только, что он объездил области и степи тюрков, принадлежал к числу лучших знатоков тюркского языка, изучил языки тюркский и туркменский, огузский и чигильский, язык ягма и язык киргизов. Из этих слов даже не видно, был ли его родным языком тюркский или арабский; его сочинение показывает, что арабским языком он также владеет вполне. Однако отдельные места его сочинения свидетельствуют о его тюркском происхождении. Автор вообще говорит о себе в третьем лице, иногда прибавляя к своему имени «автор этой книги» и т. п., иногда называя себя просто Махмудом, без дальнейшего прибавления. По-видимому, нет основания сомневаться в том, что везде, где в тексте говорится о Махмуде, имеется в виду автор. К автору, следовательно, относится известие, что отец Махмуда происходил из города Барсхана в местности около Иссык-Куля.

Гардизи рассказывает легенду о том, как в Барсхане были поселены Александром персидские воины во время его похода на Китай. Александр обещал увезти их домой на обратном пути, но вернулся на запад через Индию и потому не исполнил своего обещания.

По объяснению Гардизи, Барсхан значит «эмир персов», то есть название города объясняется из слов *парс* и *хан*. Махмуд Кашгарский приводит два других объяснения; по одному, так назывался сын Афрасиаба, по другому — погонщик коней уйгурского царя. Последнее объяснение интереснее, так как из него можно заключить, что уйгуры некогда доходили на запад до Иссык-Куля и что об этом еще сохранилась память в XI веке.

Из одного места в первом томе даже можно заключить, что автор происходил не только из тюркского народа, но даже из династии Караханидов. «Махмуд, автор книги» говорит: «Наши отцы-эмиры назывались хамир, потому что гузы не могут произнести эмир». Дальше даже упоминается «наш отец (предок), отвоевавший области тюрок от потомков Саманидов», но возможно, что здесь автор уже перестает говорить от себя и возвращается к словам того источника, на который делает ссылку несколько выше, где говорится: «Сообщил мне Низам ад-дин Исрафил Туган-тегин ибн Мухаммед Чакыр-Тунка-хан со слов своего отца».

Упомянутые выше народы, жившие в долине Или — тухси, ягма и чигиль, — по-видимому, были тогда мусульманами, и передовые посты ислама находились к северу от Или и в местности, прилегающей к Балхашу. Балхаш упоминается под названием Теринг-куль, причем говорится, что у огузов слово *теринг* вообще употребляется для обозначения обилия чего-либо; вероятно, Балхаш получил такое название как самое большое озеро в этом крае. О впадении Или в Балхаш не говорится. Недалеко от озера был город Ики-угуз «Две реки», получивший такое название от своего местоположения между Или и другой рекой, Яфынч, хотя на приложенной к труду Махмуда карте Яфынч находится к югу от Или, а Ики-угуз — к северу^[24]. В 1253 году европейский путешественник Рубрук проехал к северу от Или через город Эквиус; возможно, что Рубрук слышал название Ики-угуз и переделал его на латинский лад. Близ города Ики-угуз находился еще городок Камландж. Вероятно, в той же местности надо искать город Кеми-Талас, помещенный на карте за рекой Или, хотя в другом месте сказано, что этот город был на границе с уйгурами. Дальше к северу протекала река Ямар, вероятно Эмиль, в местности, где теперь город Чугучак; здесь жил народ ябаку, хотя название Ябаку, может быть по случайному совпадению, носила также речка, протекавшая близ Узгенда, на границах Ферганы^[79].

С народом ябаку связано единственное военное предприятие мусульман против неверных, о котором рассказывается в сочинении Махмуда Кашгарского, именно победа сорокатысячного войска мусульман под начальством Арслан-тегина над 700000 кафиров под начальством Бука-Будражда; в стихах об этом походе говорится о переправе мусульманского войска через Или и через Ямар, то есть Эмиль. В войне на стороне противников ислама принимали участие и басмылы. Махмуд еще мог говорить с одним из участников этого похода, так что он произошел сравнительно незадолго до составления его труда, но все-таки вокруг этого события успел сложиться целый цикл легенд. К области легенды относится, конечно, и число кафиров, будто бы принимавших участие в сражении; существование таких многочисленных армий в степи по условиям кочевой жизни совершенно невозможно. Такие же фантастические цифры мы вообще находим, как известно, в рассказах о войнах с кочевниками, в том числе и о походах Чингисхана.

Народ ябаку принадлежал к числу тех народов, которым автор приписывает не чисто тюркское происхождение, хотя уверяет, что они, кроме своего языка, знали и тюркский. Сюда относится и народ басмыл, упоминаемый, как мы видели, в орхонских надписях в качестве населения местности в Восточном Туркестане с городом Бешбалыком,

впоследствии занятой уйгурами.

Среди не чисто тюркских народностей упоминаются и татары; мы видели, что этим именем, встречающимся уже в орхонских надписях, впоследствии называли себя монголы. Очень вероятно, что монголами были некоторые другие народы, которых Махмуд называет не чисто тюркскими, в том числе и народ ябаку; если так, то монголы уже тогда доходили на запад до района, где соседями им с разных сторон были тюркские племена; киргизы, жившие по-прежнему главным образом на Верхнем Енисее, считались тогда чисто тюркской народностью. Во всяком случае, словами Махмуда подтверждается факт вытеснения тюрков монголами из Монголии.

Последним тюркским народом, господствовавшим в Монголии, были, насколько можно судить по китайским источникам, киргизы, победившие в 840 году уйгуров; вытеснение их из Монголии было связано, по-видимому, с усилением в начале X века монгольского народа китаев, основавшего сильное государство в Северном Китае и давшего этой стране свое имя, хотя это название употребляется теперь, как известно, только монголами, русскими и отчасти мусульманами, но не западными европейцами. Тюрки принесли с собой с востока встречающееся в орхонских надписях название «Табгач». При Махмуде уже различали Син и Масин (по-персидски Чин и Мачин) как Северный и Южный Китай, и только за Масином, оставшимся под властью китайской национальной династии Сун, сохраняли название Табгач (у Махмуда — Тавгач). Табгач, или Масин, называли также «верхним Сином». Син в собственном смысле, или «средний Син», называли Хитай, по имени господствовавшего там народа; «нижним Сином» считалась Кашгария^[25]. По-видимому, слово *табгач* употреблялось и в другом смысле; китайцам, как и теперь, в Средней Азии приписывались предметы древней культуры, и в этом смысле Махмуд сопоставляет слово *табгач* с названием древнеарабского, упоминаемого в Коране народа ад. Махмуд, вероятно ошибочно, связывал с ним употреблявшийся Караханидами титул *тавгач-хан*, что будто бы значило «великий и древний царь». Гораздо вероятнее, что этот титул остался от прежнего соседства с Китаем.

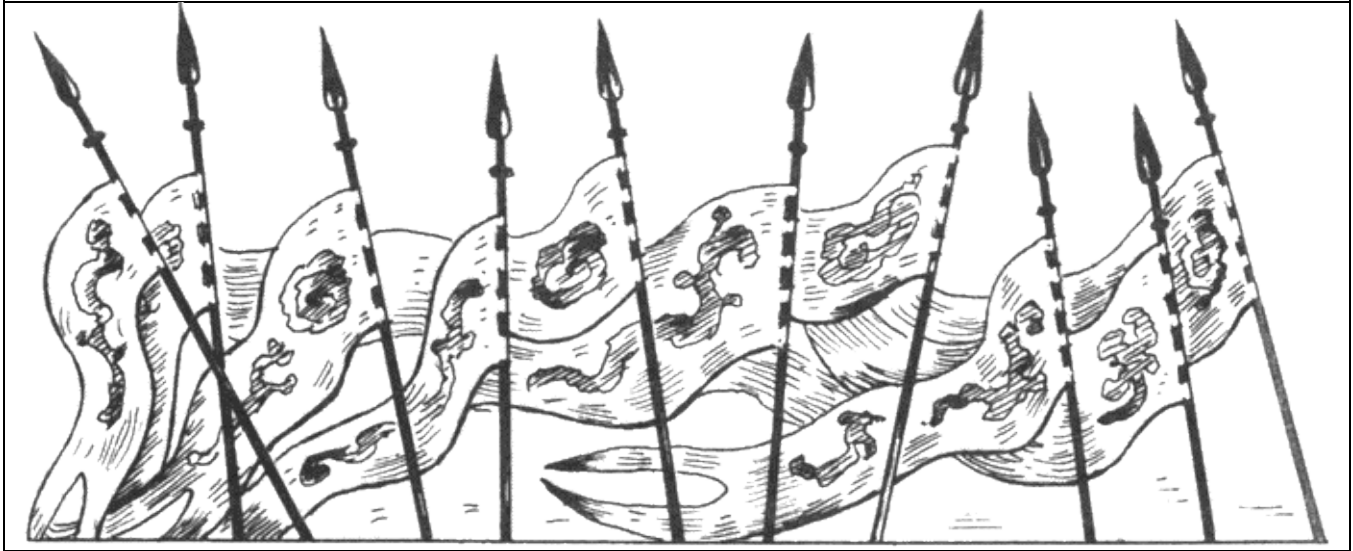
Упоминаются Махмудом и тангуты, завоевавшие около 1020 года уйгурское владение в Ганьжоу. Между Сином и Тангутом помещается город со странным тюркским названием Катун-сыны («Изображение женщины» или «Могила царицы»); это название не объясняется, и ни о какой статуе, по которой город получил свое название, не говорится. Рассказывается только о какой-то войне между жителями Катун-сыны и тангутами, закончившейся, по-видимому, поражением тангутов.

Вообще из многих кратких замечаний Махмуда о том или другом городе видно, что в его распоряжении был не дошедший до нас исторический материал, который представлял бы для нас большой интерес. Так, упоминается место Сигун-Самур, где был отравлен Бограхан, но не сказано, о каком Бограхане идет речь. Упоминается городок Инджкенд, принадлежавший «людям Муканна»^[80] и разрушенный, очевидно, при уничтожении еретиков арабскими войсками. В известных до сих пор источниках о ереси Муканна (во второй половине VIII века), о его союзе с тюрками и борьбе с войсками халифа этого географического названия нет.

Собранный в труде Махмуда Кашгарского лингвистический материал включает в себе много образцов тюркской поэзии, народной и искусственной, много культурных слов, дающих понятие о жизни тюрков в XI веке, о степени развития их духовной и материальной культуры в то время, когда они уже приняли ислам, но когда влияние ислама еще не

одержало полной победы над тюркскими национальными традициями. Использовать весь этот материал в настоящих лекциях было бы невозможно, для этого необходимо самостоятельное исследование; но на некоторых сторонах этого материала я постараюсь остановиться в следующих лекциях, после обзора сведений Махмуда об огузах и других западнотюркских народностях. Предпослать такой обзор общей оценке культурного состояния тюрков необходимо потому, что приводимые Махмудом образцы поэзии там, где они могут быть приурочены к определенным местностям, касаются почти всего района расселения тюрков, от Волги до границ Китая, и не всегда можно решить, какие стихотворения относятся к восточной и какие к западной части этого района. То же самое относится к сведениям о различных сторонах культурной жизни, от порядков управления и устройства ханского двора до народных обычаев.

Лекция VI

Появление тюрков в областях к югу от Амударьи относится к гораздо более раннему времени, чем завоевательные движения X века, и возможно, что в некоторых случаях потомки этих тюрков живут в этих же местах и теперь. Арабские завоеватели уже в VII веке нашли в Бадахшане карлуков; и теперь в Бадахшане известен узбекский род карлук; это совпадение заставляет полагать, что после завоевания Бадахшана узбеками в XVI веке в состав узбеков вошли тюрки, жившие там раньше. У арабских географов единственными тюрками, жившими к югу от Амударьи, кроме отдельных лиц и отрядов, служивших в гвардии халифов и наместников, считается народ халадж, и халаджи находятся и теперь среди живущих в Иране тюрков. Самими тюрками название этого народа, по-видимому, произносилось *калач*; рассказ о происхождении этого названия, приведенный у Рашид ад-дина и основанный на народной этимологии *кал ач* — «останься и открой», находится уже у Махмуда Кашгарского. Махмуд причисляет халаджей, или калачей, к огузам; вместо 24 огузских родов, как у Рашид ад-дина, у Махмуда приводится только 22, но при этом говорится, что первоначально всех родов было 24, потом из них отделились два рода халаджей. Полагают, что часть халаджей утратила свой язык и вошла в состав афганского народа; так объясняют название афганского племени гильзай, хотя против этого есть возражения с точки зрения фонетических законов афганского языка. В Индии, где халаджи играли некоторое время большую роль в политической истории, их название по-видимому, произносилось как *хильдж*. В Иране некоторые из халаджей сохранили и теперь тюркский язык; вероятно, это оказалось возможным только после присоединения их к более многочисленным огузам^[26].

Завоевательное движение огузов существенно отличалось от завоевательного движения Караханидов. Караханиды до завоевания государства Саманидов имели свое государство, к которому присоединяли завоеванные области. Предводители огузов ушли из своей страны, чтобы создать себе государство в завоеванных землях, и уже из этого государства потом покорили ту страну, откуда пришли.

В народе огузов, как в народе карлуков, не было хана; родоначальник династии, потом утвердивший свое господство в Иране, носит у Махмуда Кашгарского, как в некоторых других источниках, титул *сю-баши* — «предводитель войска». Его имя, на основании арабского правописания, произносилось европейскими учеными как Сельджук, и такое

произношение, находящееся в противоречии с законами тюркской фонетики, утвердилось в европейской исторической науке.

О действиях Сельджука известно только, что он принял ислам и освободил жителей мусульманских колоний в низовьях Сырдарьи от дани, которую они прежде платили огузам. При таких условиях казалось бы, что между жителями этих колоний и потомками Сельджука должно было произойти тесное сближение; между тем мы уже в XI веке находим в городе владетеля с мусульманским именем (Шах-Мелик), о котором говорится как об упорном наследственном враге сельджукского дома.

Переселившись на запад, огузы, по-видимому, совершенно утратили те начала государственности, которые были у них в Монголии, откуда ими в VI веке была образована одна из самых обширных когда-либо существовавших кочевых империй (занимающая в этом отношении второе место после монгольской) и где они несколько раз освобождались от ига китайцев и восстанавливали свое павшее государство. Правда, и на востоке эта государственность была им навязана силой, и хан в своих надписях чаще говорит о токуз-огузах, или просто огузах, как о врагах и мятежниках, чем как о своем народе.

В степях к востоку от Каспийского моря ни огузы, ни их потомки туркмены уже не достигали политического объединения и постоянно сражались между собой. Отдельные части огузского народа совершали обширные завоевания и уходили в далекие страны, но среди этих движений не было ни одного всенародного. По странному противоречию именно огузами, никогда не соединявшимися в одно целое, были основаны самые могущественные и прочные тюркские государства, до нынешней Турции включительно.

После тюркской империи VI–VIII веков самым ранним известием в истории движения огузов на запад было движение печенегов, относящееся к концу IX века; писавший в первой половине X века византийский император Константин Багрянородный^[81] говорит, что оно произошло лет за пятьдесят до него. Печенеги упоминаются у Рашид ад-дина и Махмуда Кашгарского среди огузских родов. Произношение *печенег* находится в русских летописях и не заимствовано у греков, правописание которых несколько иное; вероятно, русские передали его так, как слышали непосредственно, и, как оказывается, передали правильно. Прежде предполагали, что мы имеем здесь тюркское слово *биджнак* — «зять»; но в рукописи Махмуда Кашгарского дана именно вокализация *печенег*^[27].

Печенеги, по-видимому, рано отделились от остальных огузов и упоминаются как отдельный народ у арабских географов IX века. Тогда они были восточными соседями хазар и жили около Яика; в 922 году Ибн Фадлан еще нашел в этой стране небольшие остатки печенегов. Главная масса их прошла через владения хазар, с согласия или против воли хазарских владетелей, и основалась в Южной России, где они со времени Святослава угрожали самому Киеву. О печенежских набегах на Русь и борьбе с ними русских князей в летописи говорится часто. Константин Багрянородный также приводит о печенегах довольно много сведений и перечисляет печенежские роды.

К XI веку, уже после падения Хазарского царства, произошло новое движение огузов через Волгу, а оттуда через Южную Россию. На этот раз огузы упоминаются в византийских источниках под своим народным названием в форме *уз*; русские летописи называют их *торками*. Эти огузы не соединились со своими близкими родственниками печенегами, а вступили с ними в борьбу; печенеги были вынуждены бежать на Балканский полуостров, куда за ними последовали огузы. Это было время, когда Византия в Малой Азии подвергалась нападениям других огузов, пришедших туда вместе с потомками Сельджука; в

первый раз в истории тюрками, пришедшими туда с разных сторон независимо друг от друга, были наводнены византийские владения как в Малой Азии, так и на Балканском полуострове. К счастью для империи, объединения этих тюркских элементов в одно целое не произошло; к концу XI века, ко времени начала Крестовых походов, византийский император уже чувствовал себя в безопасности и жалел, что призвал против угрожавших ему со всех сторон тюрков помощь с запада, которая теперь уже была ему не нужна.

Принимавшие участие в этих движениях огузы, по-видимому, совершенно не были затронуты исламом и его культурой. В арабской литературе есть рассказ, сохранившийся у автора XIII века, но относящийся, конечно, к гораздо более раннему времени, о том, что среди огузов были христиане. Как с исламом, так и с христианством огузы могли познакомиться в Хорезме, с которым у них были наиболее оживленные торговые сношения. О том, что среди хорезмийцев были христиане, говорит хорезмский ученый XI века Бируни. Замечательно, что эти христиане принадлежали не к несторианскому вероисповеданию, как большая часть христиан в Персии и Туркестане, но к православному; в той же форме христианство, вероятно, было принято огузами.

После основания мусульманских колоний на Сырдарье, в той же местности, где было местопребывание главного предводителя огузов, здесь, как в других местах, должно было сказаться превосходство мусульманской культуры. Кроме того, часть туркмен поступила на службу к Саманидам, получила от них в свое распоряжение пастбища и обязалась защищать границы саманидских владений против своих немусульманских соплеменников. В числе тюрков, живших тогда в пограничных областях саманидского государства, были и люди, познакомившиеся с мусульманской культурой; тюрком по происхождению был знаменитый арабский философ X века Фараби^[82]. Во время борьбы между Саманидами и Караханидами огузы были то на одной, то на другой стороне; в начале XI века они перешли в государство газневидского султана Махмуда.

Персидские историки того времени проводят различие между первыми, совершенно неорганизованными пришельцами и более организованной силой потомков Сельджука, которые были уже «эмирами-завоевателями», а не только пастухами, как их предшественники. Первые могли причинять владениям Газневидов и других династий только экономический ущерб своими грабежами, эти грабежи захватили огромный район, но не вызвали никаких политических перемен; кочевники переходили с места на место, нигде не оставляя гарнизонов, не восстанавливая разрушенных городов, не стараясь уничтожить существовавшие государства и заменить их своим собственным. Потомки же Сельджука уже после своих первых побед в Хорасане при газневидском султани Масуде^[83], сыне Махмуда, начали присваивать себе права государей, вводить свои имена в хутбу^[84], читавшуюся по пятницам в мечетях, и чеканить их на монетах, хотя при этом в первое время не заботились о единстве государственной власти. Как империя тюрков в VI веке, так и государство потомков Сельджука в XI веке было основано двумя братьями, в последнем случае внуками Сельджука; в одно и то же время имя одного брата читалось в хутбе и чеканилось на монетах в Нишапуре, имя другого — в Мерве.

Только постепенно ими была усвоена идея единой державы. Замечательно, что при тюркских завоевателях впервые появился на монетах, чеканившихся в Хорасане, древнеиранский титул *шаханшах*; ни Саманиды, ни Газневиды не употребляли официально этого титула, оставаясь правоверными мусульманскими эмирами, подданными халифа, и отклоняя от себя всякое подозрение в желании воскресить домусульманские

государственные традиции; шаханшахами называли себя только правившие в Багдаде и Западной Персии шииты Буиды. По мере своего движения на запад потомки Сельджука обратились из шаханшахов в «султанов ислама». Слово «султан» получило при них более определенное значение, чем оно имело прежде; так стали теперь называть только верховных, независимых государей; вассальным и удельным князьям были присвоены титулы *мелик* и *шах*. Мусульманский мир представляли себе как одно целое, во главе которого стоят халиф как глава религии и «султан ислама», которому халиф вручает всю светскую власть. Замечательно, что в своих государственных устремлениях потомки Сельджука встретили меньше всего сочувствия со стороны своих соплеменников, пришедших в Иран раньше их. На требование признать власть потомков Сельджука эти огузы ответили резким отказом и были принуждены к повиновению только силой.

Вопрос об отношении представителей власти к тому народу, из которого они вышли, был в государстве потомков Сельджука еще более сложен, чем в государстве Караханидов. Караханиды называли себя только тюрками и домом Афрасиаба; ни одна из существовавших тюркских народностей не имела в их государстве преобладания, и ни один источник не говорил, из какой народности вышла сама династия. Потомки Сельджука сделали сначала шаханшахами, потом «султанами ислама»; для них тоже, как для Караханидов, была сочинена и принята ими легенда о происхождении их от Афрасиаба; и все-таки они признавали себя не только огузами, или туркменами, но и выходцами из рода кынык (такое произношение указано у Махмуда Кашгарского), одного из 24 (по Махмуду Кашгарскому из 22) огузских родов. Одни и те же названия родов приводятся у Махмуда Кашгарского и в монгольскую эпоху у Рашид ад-дина с той разницей, что у Махмуда эти названия приводятся в более древней форме: род, из которого впоследствии вышла Османская династия, называется «кайыг», а не «кайы», название рода «языр» пишется «язгыр». После Махмуда Кашгарского, как основательно разъяснено и в тюркской науке, должно отпасть мнение Марквардта, сблизившего название рода кайы с названием народа, жившего, по Бируни и некоторым другим источникам, на отдаленном востоке и носившего имя «кай»; на основании этого Марквардтом была создана теория о монгольском происхождении османцев. У Махмуда Кашгарского среди не чисто тюркских народов упоминается народ кай, и это название, конечно, не имеет ничего общего с названием рода кайыг.

Среди огузов в то время уже не было преданий о господстве их народа в прежние времена в Монголии. Родиной Тюрка, мифического предка тюрков, считалась местность около Иссык-Куля, и дальше к востоку предания огузов не простирались. С берегов Сырдарьи огузами были принесены на запад предания о народном патриархе и певце Коркуде, выразителе и хранителе народной мудрости. Могила Коркуда до сих пор показывают на Сырдарье; в то же время предания о нем сохранились у туркмен; в X веке имя Коркуд встречается у печенегов. Все это заставляет полагать, что предания о Коркуде были унаследованы принявшими ислам огузами от домусульманских времен и принесены ими на запад.

По уровню культуры огузы стояли ниже тюрков государства Караханидов, но зато более сохраняли национальные тюркские черты быта. До нас дошло на сирийском языке сочинение автора XIII века Абу-ль-Фараджа^[85] — описание свадьбы султана Тогрул-бека (старшего из внуков Сельджука) с дочерью халифа; при этом описывается танец тюрков, которые во время этого танца «садились и вставали»; по-видимому, речь идет об известной в России «пляске вприсядку», заимствованной, по всей вероятности, у тюрков.

Несмотря на то что к огузам до ислама проникло христианство, у них, по-видимому, до принятия арабского алфавита не было письменности, тогда как в государстве Караханидов употреблялся уйгурский алфавит, только постепенно вытесненный арабским. Надписи уйгурским алфавитом встречаются и на могилах Караханидов; как впоследствии на монетах монгольских ханов, уйгурскими буквами писалось преимущественно имя хана, даже когда это имя было арабское; незнакомством огузов с уйгурским алфавитом объясняется разница в правописании среднеазиатских и переднеазиатских тюрков.

Как «султаны ислама» потомки Сельджука были еще более ревностными защитниками правоверия, чем Караханиды. Они должны были содействовать не только торжеству правоверия внутри своего государства, но также победе ислама над внешними врагами и расширению пределов мусульманского мира. Естественно, что эту обязанность они выполняли преимущественно в Западной Азии, где победы и завоевания были связаны с большими экономическими выгодами. Сюда относится борьба с христианами в Малой Азии и на Кавказе и борьба с шиитами в Сирии и Египте. Торжество ислама в борьбе с Византией всецело связано с установлением в халифате тюркской власти. Перед этим, в эпоху господства иранской династии Буидов, во второй половине X и первой половине XI века, византийцы воспользовались обострением розни между суннитами и шиитами для значительного распространения своих пределов в Сирии и Месопотамии; теперь же они не только лишились этих завоеваний, но в первый раз ислам проник в глубь Малой Азии, где возникло мусульманское и в то же время тюркское государство^[28]. Какое значение потомки Сельджука придавали пограничной войне в этой местности, видно из того, что именно сюда они направили своих соплеменников.

Население восточных областей Ирана, географически находившихся ближе к той стране, откуда пришли огузы, в общем сохранило свой прежний этнографический состав, тогда как северо-западная область Персии, Азербайджан и Анатолия сделались по языку постепенно чисто тюркскими; вместе с тем в Анатолии религией большинства населения постепенно становился ислам. Проследить постепенный ход развития этого процесса мы пока не можем, но очевидно, что распространение ислама в издавна привыкшей к христианству стране шло медленно; еще в первой половине XIII века главной статьей дохода местного мусульманского правительства считалась джизья, то есть налог с немусульман, из чего можно заключить, что последних тогда было еще очень много.

Вопрос еще осложняется тем, что процесс тюркизации, как прежде процесс арабизации, не совпадал с процессом распространения ислама. Известно, что арабский язык был принят и теми жителями Сирии и Египта, которые остались христианами или иудеями. В эпоху тюркского господства случалось не только, что люди, оставшиеся христианами, принимали тюркский язык, но случалось также, что люди, сохранившие свой прежний язык, принимали ислам. Ислам в этих случаях прилаживался к языку населения; Султан-Велед^[86], сын Джелал ад-дина Руми^[87], во второй половине XIII века писал стихи не только по-персидски и по-тюркски, но и по-гречески, и эти греческие стихи, написанные арабским алфавитом, представляют большой интерес для лингвистов как единственный памятник того греческого наречия, на котором тогда говорили в окрестностях Коньи.

На Кавказе победы ислама и тюркского языка в то время были менее значительны. Слово *азери*, означавшее прежде иранский диалект Азербайджана, означает теперь тюркское наречие, на котором говорит в Азербайджане почти все население и пределы распространения которого и на севере, и на юге идут гораздо дальше границ персидской

области, сохранившей название Азербайджан; но известия о распространении здесь тюркского языка относятся только к послемонгольской эпохе, и можно сомневаться в том, получил бы здесь тюркский язык такое преобладание без новой тюркской волны, которую принесло с собой монгольское нашествие. Очень скоро, после побед сельджукских султанов, на Кавказе политический перевес перешел к христианам. XII век и начало XIII века были временем процветания могущественного грузинского царства; мусульманские соседи грузин переживали в это время такое же унижение, как и мусульманские соседи Византии во второй половине X — первой половине XI века, с той разницей что грузинские цари не относились враждебно к мусульманской культуре, чеканили для мусульманских областей монеты с арабскими надписями и даже, по словам одного арабского автора, среди своих подданных не делали различия между мусульманином и христианином.

Как «султаны ислама» потомки Сельджука должны были обратить внимание на области Средней Азии, откуда они сами вышли и где в то время господствовали Караханиды.

Уже султан Алп-Арслан^[88], при котором началось завоевание тюрками Анатолии, совершал победоносные походы на Сырдарью и во владения Караханидов; его сын и преемник Меликшах (1072–1092), при котором сельджукская империя достигла высшей степени могущества, доходил до Узгенда в Фергане и принял выражение покорности от кашгарского хана, так что при нем власть «султана ислама» признавалась на всем пространстве мусульманской Азии от границ области уйгуров до Средиземного моря; независимыми оставались пока только Газневиды в Афганистане и Индии, где хутба стала читаться с именем сельджукского султана только при сыне Меликшаха — Санджаре^[89]. В Средней Азии, как везде, сельджукские султаны достигли своих целей только силой; нет никаких признаков, чтобы тюркское население видело в них своих природных государей или чтобы они сами старались опираться на тюркскую национальную идею. Сельджукские султаны могли сделать своими вассалами Караханидов, но прочного объединения всех мусульманских тюрок в одно государство не произошло и не могло произойти; велика была уже тогда разница между тюрками Средней Азии и ушедшими на запад огузами. Даже огузы не были верноподданными сельджукских султанов: последний из могущественных потомков Сельджука, султан Санджар, как некогда тюркские ханы VIII века, должен воевать со своим собственным народом; султан даже провел некоторое время в плену у огузов и спасся из этого плена только бегством.

Помимо находившихся вне сферы влияния ислама культурных тюрок на востоке — уйгуров, было еще значительное число кочевых тюрок на северо-западе, также оставшихся в то время чуждыми если не мусульманской культуре, то исламу как религии. В XI веке быстро достиг большого распространения народ кипчаков, вышедший с берегов Иртыша. О переменах, происходивших среди живших там тюркских народностей, мы можем судить только по изменению их названий. В орхонских надписях несколько раз упоминается река Иртыш, но ничего не говорится о том, какие народы там жили; по-видимому, до Иртыша доходили владения западноогузского или тюркешского кагана. Название реки Иртыш, несомненно, нетюркское, хотя есть несколько тюркских народных этимологии. Арабские географы помещают на Иртыше народ кимаков, занимавший обширную территорию к северу от огузов, доходившую на запад до Волги или Камы (Кама считалась тогда верхним течением реки, носившей название Итиль). Кимаки разделялись на несколько родов, среди которых были роды кипчак и йемек; Марквардт, несомненно неудачно, объясняет слово *кимак* из *ики-йемек*, предполагая существование двух родов йемеков. У Махмуда

Кашгарского слова *кимак* уже нет; на Иртыше помещаются йемеки, которых автор называет племенем из кипчаков.

Впоследствии рядом с народом кыпчак часто упоминается народ канглы; у Махмуда Кашгарского слово *канглы* как народное название не встречается, говорится только, что Канглы — имя великого мужа из кипчаков; кроме того, слово *канглы* известно автору в значении «телега». Из сочинения персидского историка Бейхаки^[90] мы знаем, что кипчаки задолго до сочинения Махмуда Кашгарского доходили на юг до границ областей ислама и были соседями Хорезма. К движению кипчаков на юг относятся, по-видимому, слова Махмуда о какой-то тюркской народности булак или эльке-булак, уведенной в плен кипчаками, но потом, с божьей помощью, освободившейся из этого плена; здесь мы опять, как во многих местах сочинения Махмуда, имеем темный намек на историческое событие, о котором нам было бы желательно иметь более подробные сведения, с указанием даты.

Возможно, что происходившее в XI веке движение огузов на запад и на юг отчасти было вызвано давлением кипчаков с севера; этим же, может быть, следует объяснить упоминаемое арабскими географами занятие огузами в X веке Мангышлакского полуострова, до тех пор безлюдного. Ман-гышлакский полуостров с тех пор оставался туркменским до последних веков, когда туркмены здесь вынуждены были уступить новому давлению с севера, давлению казаков (казахов); после революции Мангышлак был включен в состав Казахстана.

Происшедшая в XI веке этнографическая перемена выразилась в том, что обширная степь, которую географы X века называют «гузской», по имени огузов, теперь стала называться кипчакской (Дешт-и Кипчак); название удержалось и тогда, когда кипчаков как народа больше не было, и сохраняется в мусульманской научной литературе до сих пор, как название Хазарское море — для Каспийского моря. К кипчакам вместе с тесно связанным с ними народом канглы перешло наследие огузов на Сырдарье и наследие печенегов, вытесненных огузами, в Южной России, так что их владения заняли огромную территорию с востока на запад; по-видимому, и на севере в их владении, как теперь во владении казаков (казахов), оставалась вся степная полоса, и новых народных движений с севера уже не было. На западе кипчаки вошли в соприкосновение с русскими и с западными европейцами, хотя ни те, ни другие не знали слова «кипчак»; русские называли кипчаков половцами, западные европейцы — команями. Насколько мне известно, слово «команы» не встречается в мусульманской литературе, кроме писавшего в XII веке в Европе Идриси^[91] и тех авторов, которые пользовались его сочинением.

О происхождении половцев в Новейшее время появился талантливый труд Марквардта, старающегося доказать, что в состав кипчаков вошел упоминаемый некоторыми мусульманскими авторами народ кун на отдаленном востоке и что это же название, *Cuni*, получило известность в Западной Европе. Вопреки всем доводам Марквардта мне не представляется доказанным ни то движение с востока на запад, которое им предполагается, ни даже самое существование народа кун. В той же местности, к востоку от киргизов, у Гардизи помещается народ фури, находившийся на более низком уровне культуры, чем киргизы. Столь же малоубедительны попытки Марквардта доказать, на основании некоторых китайских известий, что у кипчаков была династия, пришедшая в более позднее время, в XII веке, с Дальнего Востока.

Движение кипчаков представляет редкий пример занятия народом огромной территории без политического объединения и без создания своей государственности. Были

отдельные кипчакские ханы, но никогда не было хана всех кипчаков. Огромный район, населенный кипчаками, оставался в то время вне мусульманского мира, и на Кавказе кипчаки в XII веке принимали участие в нашествиях на мусульманские земли, иногда в союзе с грузинами, иногда, наоборот, грузины и мусульмане соединялись для отражения нашествий с севера. Эти нашествия были не только грабительскими набегами; мусульмане лишились на некоторое время Дербента с городом Шабераном; вернуть себе эти земли им удалось с помощью грузин. Среди врагов, нападавших здесь на мусульманские области около 1175 года, упоминаются и русские. В русских летописях об этом нет известий; по-видимому, это были только вольные отряды, без участия какого-либо из тех княжеств, на которые тогда разделялась Россия.

Кипчакские ханы имели у себя на службе представителей мусульманской культуры, особенно специалистов военного дела; но даже в непосредственном соседстве с мусульманскими областями были немусульманские кипчакские ханства, в состав которых входили и города. Столицей одного из таких ханств, с которым имели дело хорезмийцы во второй половине XII века, был город Сугнак (ныне развалины Сунак-курган), упоминаемый у Махмуда Кашгарского уже как город в области огузов. Мусульманские источники вполне определенно говорят, что жившие здесь кипчаки и канглы (эти народы так часто упоминаются вместе, что трудно отличить один от другого) только во второй половине XII века, под влиянием сближения с Хорезмом, приняли ислам.

Из труда Махмуда Кашгарского не видно, как далеко простиралось влияние ислама на северо-запад; также не всегда ясно, к каким местностям и к каким тюркским народностям относятся приводимые им образцы тюркской поэзии, народной и искусственной, сведения о тюркских верованиях, обычаях, подробностях государственного управления и т. п. Приведенные автором стихи касаются самых различных местностей. Называется по имени только один поэт, Джуджу (или Чучу), причем говорится только, что это — имя тюркского поэта; не сказано, из какого тюркского народа происходил этот поэт, где и когда он жил.

Как влияние персидской культуры не могло сразу вытеснить прежнюю поэзию, так и принятие ислама не могло сразу уничтожить прежние верования. Сохранялся даже культ упоминаемого в орхонских надписях божества Умай; по словам Махмуда Кашгарского, так назывался дух — покровитель младенцев в чреве матери; существовала поговорка: «Кто будет служить Умай, тот получит сына». Упоминается и старый термин *йог* — в смысле «поминки по умершем»; в то время так называлось угощение, предлагавшееся людям после возвращения с похорон и продолжавшееся три или семь дней. Существовало поверие, что накануне битвы между двумя войсками сражаются между собой духи соответствующих местностей; воины в ночь накануне битвы боялись выходить из палаток, чтобы не попасть под стрелы духов. Эти стрелы духов назывались *джави*; победа того или другого отряда решала участь сражения между людьми. Когда осведомлялись о новорожденном, то вместо того, чтобы спросить, родился ли мальчик или девочка, спрашивали: «Родился волчонок или лисичка?»

Из подробностей государственного управления говорится, например, о внешних знаках ханской власти. Одним из таких знаков было знамя (*туг*); высшее число знамен, которое могло быть у одного хана, было девять; когда говорили о «хане с девятью знаменами» (*токуз туглук хан*), то это вызывало представление о самых могущественных ханах. Приводятся и некоторые подробности, относящиеся к ханам немусульманских тюрков, именно к уйгурскому хану. При слове *камду* сказано, что так назывались куски хлопчатобумажной

ткани длиной в четыре локтя (около 2 метров) и шириной в один палец (*шибр*), на которые накладывалась печать уйгурского хана и которые служили мерилем ценности при торговых сделках; через каждые семь лет эти куски ткани зашивались, мылись и печать накладывалась вновь. Употребление кусков хлопчатобумажной ткани вместо денег часто встречалось в Китайском Туркестане и после, до новейших времен. Иногда отмечается разница в государственной терминологии между государством Караханидов и государством огузов, то есть потомков Сельджука. Так, у чигилей, то есть восточных тюрок, уже тогда, как впоследствии в Монгольской империи, был термин *ярлык*, которого огузы не знали; с другой стороны, у огузов было слово *тугра* (*тугра*) в смысле «печать и накладывающий печать сановник», причем автор говорит об этом слове: «Тюрки его не знают, и я не знаю его происхождения».

Автор монгольской эпохи Ибн аль-Муханна приводит вместе, на одной и той же странице, слова *ярлык* и *тугра*, но известно, что слово *тугра* и потом употреблялось только сельджукскими и, после них, османскими тюрками и совершенно не было известно в Средней Азии. Вопрос о происхождении этого культурного слова, принесенного огузами в Западную Азию и совершенно неизвестного другим тюркам, представляет большой интерес для историка.

О других сторонах культурной жизни тюрок нам придется говорить в следующей лекции в связи с вопросом о культурных связях тюрок с Западом и Востоком в последние века до монгольского нашествия.

Лекция VII

Махмуд Кашгарский сообщает некоторые сведения о борьбе Караханидов на севере с народом ябаку, более ни у кого не встречающиеся, и на востоке с уйгурами, но ничего не говорит о начавшейся еще в первой половине XI века борьбе с китаями, которые тогда приобрели господство на Дальнем Востоке. Мы видели, что по имени этого народа главная культурная страна Дальнего Востока до сих пор носит у русских, монголов и отчасти у мусульман название Китай, хотя господство в этой стране китаев прекратилось уже в XII веке, а народ и его язык, вероятно, прекратили свое существование в эпоху Монгольской империи. Во время своего господства в Китае китаи дали своей династии название Ляо, и под этим именем она известна в китайской истории; в мусульманских источниках это династическое название не встречается. Народ носит у мусульманских историков название «хытай».

Овладев Северным Китаем, императоры династии Ляо утвердили свою власть и в Монголии, где в 924 году встретили мусульманских купцов; об этой встрече мы узнаем только из китайских источников, но не из мусульманских. Киргизы были вытеснены китаями из Монголии и вернулись, по-видимому, на Енисей, где мы встречаем их потом. Китаем подчинились и прежние владыки Монголии, уйгуры, жившие тогда в Китайском Туркестане. Китай предлагали уйгурам вернуться в свои прежние земли в Монголии, но этим предложением народ, успевший привыкнуть в Китайском Туркестане к земледельческой и городской жизни, не захотел воспользоваться.

Писавшие по-арабски историки, начиная с современника Махмуда Газневидского Утби^[92], часто говорят о нашествиях на государство Караханидов с востока, причем приписывают все эти нашествия китаем. Если бы это были военные походы, предпринимавшиеся китаем, то о них едва ли могла бы умолчать китайская «История династии Ляо», между тем никаких сведений о походах китаев на запад там не оказалось. Гораздо вероятнее, что в то время шли на запад не сами Китай, но приведенные ими в движение монгольские народы, занявшие сначала Восточную, потом Западную Монголию. Такое впечатление производит письмо, посланное одним из несторианских епископов Средней Азии несторианскому католику в Багдад; в письме говорится о нашествии народа, разделявшегося на восемь родов. Очень вероятно, что речь идет о найманах, монгольском народе, занимавшем в эпоху Чингисхана Западную Монголию. Слово «найман» значит по-

монгольски «восемь», что указывает на разделение этого народа на восемь родов.

Династия Ляо, может быть, более всех других инородческих династий, правивших в Китае, усвоила китайскую культуру; последним представителям ее, однако, пришлось уйти из Китая, когда в Маньчжурии усилились чжурчжэни, у мусульман джурджи, народ тунгусского происхождения. В 1125 году чжурчжэни покорили государство династии Ляо и заняли ее место в Северном Китае, где основали «Золотую династию» (Цзинь — по-китайски, Алтан-ханы — по-монгольски, Алтун-ханы — по-тюркски). Последний представитель династии Ляо тогда ушел на запад, но за ним последовала только часть его народа; другие китаи остались в Китае, подчинились чжурчжэням и потом, во время усиления Чингисхана и его войны с чжурчжэнями, подняли против них восстание. Мусульманские источники впоследствии дают одно и то же название (кара-китай) как китаем, ушедшим на запад, так и китаем, подчинившимся власти чжурчжэней.

О движении китаев на запад мы находим в мусульманских источниках более ясные и полные известия, чем в китайских. Китайцы упоминают только о движении китаев, под властью родственника последнего императора династии Ляо, через страну уйгуров, оказавших им поддержку, в Восточный Туркестан. Только из мусульманских источников мы знаем, что это движение кончилось неудачно; китаи были совершенно разбиты кашгарским ханом, и об этой победе ислама сельджукский султан Санджар написал халифу. Успех имело движение другой части кара-китаев, более северным путем, через Западную Монголию, где они у верховьев Енисея подверглись нападению со стороны киргизов, но счастливо миновали эту местность, прошли несколько дальше на юго-запад и основали город Эмиль в районе Чугучака, в местности, где в XI веке происходили войны Караханидов с народом ябаку. По-видимому, эта местность оставалась и в XII веке, как в XI веке, вне влияния ислама; самым северным мусульманским владением с этой стороны была по-прежнему область города Баласагуна, находившаяся под властью одного из Караханидов. На этот раз Караханидам не удалось, как столетием раньше, когда враг был уже в восьми днях пути от Баласагуны, отразить нашествие. Победе китаев содействовали раздоры междуханом и находившимися у него на службе кочевниками; китаи приняли сторону хана в этой борьбе, но, освободив его от противников, устранили его самого и заняли его область, которая с тех пор сделалась местопребыванием главы кара-китайского государства. Оттуда кара-китаи подчинили себе Кашгарское ханство, которое им не удалось завоевать с востока, и предприняли поход на северо-восток для наказания своих прежних врагов — киргизов; под властью их оставались и уйгуры. В 1137 году они вмешались в дела Западного Туркестана, где также происходила борьба между ханами и предводителями кочевников, причем на этот раз кара-китаи приняли сторону кочевников против хана, а не наоборот, как в Баласагуне. Самаркандский хан был разбит около Ходжента; в 1141 году от кара-китаев потерпел поражение в степи Катван, к северу от Самарканда, сам султан Санджар. Это поражение могущественного сельджукского султана в борьбе с неверными произвело сильное впечатление на современников; темные известия о нем дошли до крестоносцев, которые в то время вели борьбу с мусульманами в Палестине и Северной Месопотамии. Событием 1141 года, по-видимому, была создана в Европе легенда, будто с востока нападает на мусульманский мир и идет на соединение со своими единоверцами в Палестине какой-то царь-священник Иоанн.

В действительности кара-китаи тогда остановились на Амударье, впоследствии подчинили себе еще область к югу от этой реки с городом Балхом; их верховной власти

подчинился весь мусульманский Туркестан до Бухары включительно и Хорезм. Кара-китайские императоры, жившие около Баласагуна, назывались одинаково у мусульман и у монголов гурханами; этот титул не встречается, по-видимому, ни прежде, ни после, и происхождение его остается загадочным; мусульманские авторы придают ему значение «хан ханов». Под властью гурханов находилась огромная территория от Хорезма до страны уйгуров, но в Китае у них больше не было владений; тем не менее китайские историки причисляют и этих Западных Ляо к китайским императорским династиям, приводят названия «годов правления» отдельных императоров по принятому в Китае обычаю обозначать этими «годами правления» время отдельных событий, не употребляя собственного имени императора, вследствие чего иностранцы, мусульмане и европейцы, часто употребляли в смысле имени императора название его «годов правления». В истории это единственный случай, что инородческую династию, потерявшую свои владения в Китае, все-таки продолжали причислять к китайским императорским династиям; когда в XIV веке из Китая были вытеснены монголы, то этим самым считалась прекратившейся династия Юань (так называли потомков Чингисхана) как китайская императорская династия и ни о каких «годах правления» потомков Чингисхана, правивших в одной Монголии, не было речи. Факт, что только для династии Ляо было сделано исключение, наглядно показывает, насколько кара-китаями была усвоена культура «Поднебесной империи»; по-видимому, их почти перестали считать инородцами.

То немного, что мы знаем из мусульманских источников об управлении гурханов, заставляет полагать, что они и на западе пользовались в делопроизводстве китайским языком и приносили с собой китайские принципы управления. У них существовал, как впоследствии у монголов, термин *пайза* для обозначения должностных знаков и грамот. От обычного типа кочевых государств империя кара-китаев отличалась тем, что в ней не произошло распада на уделы; о первом гурхане даже говорится, что он никому не отдавал под начало более 100 всадников. Зато широко применялся принцип внутренней автономии вассальных государств. Кара-китаями было уничтожено только караханидское владение в Баласагуне, где гурхан стал управлять сам, хотя город по составу населения оставался и потом мусульманским. Во всех остальных завоеванных областях, в Кашгаре и в Мавераннахре, по-прежнему оставались ханы из Караханидов; оставались также прежние династии на западе в Хорезме, на востоке в Уйгурии; подчинение гурхану выражалось в уплате дани; кроме того, при дворе отдельного князя иногда был представитель гурхана. Как впоследствии в Монгольской империи, эта форма подчинения иногда заменялась более льготной; иногда представитель гурхана приезжал ко двору вассального владетеля только для сбора дани и потом уезжал; иногда вассальный владетель даже получал право сам отвозить дань гурхану. У кара-китаев, по китайскому образцу, была система подворного обложения: с каждого дома взималось по динару, то есть по одной золотой монете. Эта система находилась в противоречии как с традициями мусульманского мира, так и с традициями кочевников; впоследствии монголы в самом Китае старались провести систему подушной подати, что вызвало энергичное сопротивление китайских чиновников. Однако нововведение кара-китаев, по-видимому, не прошло в Средней Азии бесследно, и случаи подворного обложения мы видим в среднеазиатских государствах даже в XIX веке.

С Ташкента при кокандских ханах взималась подать по числу домов, причем по какой-то старой ведомости, когда домов было гораздо меньше; как при гурханах в XII веке, так и при кокандских ханах взималось по одной тилле, то есть по одной золотой монете, с дома. К

сожалению, до сих пор известно слишком мало о системах податного обложения в промежутке между XII и XIX веком, так что остается неясным, можно ли установить историческую связь между системами управления кара-китайских гурханов и кокандских ханов, или мы имеем здесь только случайное совпадение.

Вообще до сих пор остается спорным вопрос, как отразился факт установления в Средней Азии господства народа с дальневосточной культурой на истории среднеазиатских мусульман вообще и тюрок в особенности. Этот вопрос, в числе многих других, затронут в труде Марквардта о происхождении половцев, где государству гурханов придается очень большое значение; по словам Марквардта, культурное государство кара-китаев резко выделяется на фоне общей безотрадности истории XII–XIII веков. Никакими фактами Марквардт своего мнения не подтверждает, и, по-видимому, оно объясняется только его общими отрицательными суждениями об исламе и тюрках.

Прежде всего довольно безотрадную картину представляла жизнь самой династии Западных Ляо. Здесь не было, как в мусульманских и кочевых государствах, смут, связанных с родовым строем и удельной системой; зато управление несколько раз переходило в руки женщин и их любовников; одна из таких правительниц вынуждена была собственноручно убить своего любовника на глазах народа, чтобы усмирить вызванное его действиями мятежное настроение. Нет также известий о каких-либо успешных попытках гурханов поднять культурный уровень своей державы. Если была сделана попытка обезоружить беспокойных кочевников — находившиеся на службе у Караханидов отряды карлуков — и приучить их к земледелию, то эта попытка не имела прочного успеха, и Карахидам скоро опять пришлось усмирять восстания карлуков. Вообще едва ли был период, когда бы гурханам удалось установить на пространстве своей державы внешний и внутренний мир. Несмотря на подчинение Хорезма гурхану, Хорезм не получил помощи от кара-китаев, когда подвергся нападению со стороны султана Санджара, оправившегося от поражения; нет также известий о вмешательстве гурханов в другие смуты, происходившие в Туркестане. Наконец, не видно, чтобы кара-китаи представляли собой в Туркестане высшую культуру и чтобы в руки представителей этой культуры переходило управление; напротив, везиром последнего гурхана был Махмуд-бай, очевидно мусульманский купец.

Образование империи кара-китаев должно было, однако, оказать благоприятное влияние на успехи культуры в том отношении, что содействовало сближению входивших в состав империи различных культурных элементов. Подчинение мусульманских областей верховной власти немусульманских правителей содействовало, может быть, движению на запад немусульманских культурных элементов. Не вполне объяснено до сих пор существование в Джетысуйской области, в долине реки Чу, христианских надписей на сирийском и тюркском языках. большая часть этих надписей, как и надписи на Иссык-Куле, относятся к XIV веку, к монгольскому периоду, но есть и надписи, относящиеся к первым годам XIII века, то есть еще к эпохе кара-китайского государства. Сравнивая христианские надписи Джетысуйской области с надписями, найденными в области Турфана, русский академик Коковцов^[93] находит, что турфанские христиане были образованнее джетысуйских и что в данном случае можно предполагать влияние одних христиан на других только в направлении с востока на запад, но не наоборот. Кроме уйгурских христиан свое влияние могли распространять на запад и уйгурские буддисты; для эпохи кара-китаев мы не имеем об этом известий, но уже в первые десятилетия монгольского владычества, в 1253 году, путешественник Рубрук нашел уйгурских буддистов к северу от Или, в городе Каялыке.

Возможно, что уйгуры-буддисты также пришли сюда еще при кара-китаях, но доказательств этого нет.

Вообще же XI и XII века были временем усиленной христианской религиозной пропаганды. Мы знаем целый ряд монгольских народностей, принявших в это время христианство. Не только христианские, но и мусульманские источники называют христианами найманов в Западной Монголии и кераитов в Восточной Монголии; исследования Пельо, кроме того, показали, что христианами были онгуты в Южной Монголии, на границе Китая. Что в этой пропаганде христианства принимали участие уйгуры, видно из того, что Чингисхан нашел в стране найманов уйгурского хранителя печати и через него ознакомился с уйгурским алфавитом. В пользу того, что джетысуйские христиане были из уйгуров, говорит факт, что мы находим у них ту же систему счисления («один-двадцать» в смысле «одиннадцать» и т.п.), как в орхонских надписях и уйгурских текстах. Центром уйгурских христиан было, по-видимому, селение Булаик к востоку от Турфана, где были найдены только христианские фрагменты, притом на различных языках — сирийском, согдийском и тюркском. Правда, джетысуйские христиане пользовались не уйгурским алфавитом, заимствованным у согдийцев, а алфавитом сирийского происхождения, с присоединением к нему некоторых новых знаков.

Как всегда, миссионерская деятельность соединялась с торговой; в сирийском рассказе о принятии христианства кераитами прямо говорится, что кераитский хан получил сведения о христианском учении от христианских купцов. Замечательно, однако, что, несмотря на полное отсутствие сведений о пропаганде ислама в Монголии, мусульманские купцы имели для поднятия в Монголии культурного уровня еще больше значения, чем христианские. Монголы заимствовали от тюрок слово *сарт* в смысле «купец», от *сарт* было образовано слово *сартак* (как *согдак* от *Согд*), и это слово сделалось у монголов названием того народа, из которого в Монголию преимущественно приходили купцы, то есть иранцев-мусульман. К народным названиям монголы, для обозначения принадлежащих к данному народу мужчин, прибавляли слог *-тай*; так образовалось слово *сартактай* — «мужчина из народа сартаков, или сартов». О характере деятельности людей иранско-мусульманской культуры в Монголии свидетельствуют монгольские предания о богатыре Сартактае как искусном строителе, воздвигавшем чудесные плотины на больших реках и озерах; очевидно, мусульмане знакомили монголов с системой искусственного орошения. Сартаки, или сартактай, были для монголов не столько людьми определенной национальности, сколько людьми определенного культурного типа; Чингисхан называл сартактаем первого из подчинившихся ему мусульманских владетелей, карлукского Арслан-хана, хотя карлуки были по языку, конечно, не иранцами, а тюрками. От того же корня *сарт* монголами было еще образовано слово *сартагул*, или *сартаул*, также встречающееся еще при Чингисхане. Впоследствии Рашид ад-дин переводил слово *сартаул* словом «таджик», Ибн аль-Муханна — словом «мусульмане».

Предания о Сартактае, в связи с полным отсутствием сведений о религиозной пропаганде, наглядно показывают, что деятельность мусульманских купцов в Монголии в то время мало была связана с распространением ислама. В монгольскую эпоху богатыми торговцами строились медресе и ханаки^[94], но между торговцами и представителями ислама как религии и в то время было мало общего, часто даже отношения между ними были явно враждебные.

После распада халифата политические границы мусульманских государств

определялись только возвышением и упадком той или другой династии и были настолько изменчивы, что население устраивало свою экономическую жизнь независимо от этих перемен. Мы видели, что даже в эпоху сравнительно могущественной и прочной династии Саманидов в степи возникали мусульманские колонии, подчинявшиеся не Саманидам, а местным тюркским правителям. Несмотря на отсутствие в то время крупных учреждений современного типа, по выдаваемому в одном месте документу можно было получить деньги в другом городе, находившемся под властью другого правительства. В недавно открытом и изданном сочинении историка XI века Абу Шуджа^[95] говорится, что по ассигновкам купцов было гораздо легче получать деньги, чем по ассигновкам, выдававшимся государственной властью. Вследствие преобладания среди торговцев иранцев широкое распространение получило персидское слово *чек*, перешедшее потом в Западную Европу и широко распространившееся в коммерческом мире.

В Средней Азии в торговле, конечно, принимали участие и тюрки; впоследствии монголы для обозначения купцов употребляли тюркское слово *ортак* — «товарищ», «участник товарищества», что указывает на значение для торговли товариществ купцов. Махмуд Кашгарский, по-видимому, знал еще слово *ортак* только в смысле «товарищ», а не в смысле «торговец», так что развитие торговых товариществ среди тюрков произошло, вероятно, после XI века.

Вследствие первенства в то время мусульманской культуры всякое столкновение ислама с другими культурами должно было в конце концов привести к расширению области распространения ислама. Кара-китаи настолько подверглись воздействию китайской культуры, что не могли, как впоследствии монголы в Средней Азии, сами, без принуждения, сделаться мусульманами; но и при кара-китайском владычестве, хотя и в меньшей степени, чем впоследствии при монгольском, подчинение мусульман господству иноверцев только расширило пределы распространения ислама. При появлении кара-китаев не было мусульманских владений севернее Баласагунского ханства; но менее чем через сто лет, перед приходом монголов, в северной части Джетысуйской области упоминается владение карлукского Арслан-хана, мусульманина, с городом Каялык, местоположение которого пока известно только приблизительно. Рубрук прошел через него через некоторое время после переправы через Или, на пути к озеру Ала-куль, причем дорога тогда, по-видимому, проходила ближе к Балхашу, чем теперь, так как Рубрук мог издали видеть Балхаш. Не только город Каялык, но и карлукское владение возникли при кара-китаях, и карлукский хан был вассалом гурхана. В другом городе, Алмалыке, к северо-западу от Кульджи, который тоже не упоминается ни у Махмуда Кашгарского, ни в рассказе о нашествии кара-китаев, незадолго до появления монголов получил власть не вассал гурхана, а мятежник против него, предводитель разбойничьей шайки, происходивший или из карлуков, или из народа канглы (такое противоречие мы видим в различных, одинаково старых рукописях одного и того же сочинения, главного первоисточника для изучения событий конца XII и начала XIII века — «Истории мирозавоевателя» Джувейни). Во всяком случае, владетель Алмалыка тоже был мусульманином. Таким образом, к концу господства в Средней Азии иноверцев, кара-китайских гурханов, мусульмане были министрами немусульманского императора и возникали новые мусульманские владения там, где их прежде не было.

Трудно было расширить область распространения ислама к востоку, где преграду такому распространению представляли культурные уйгуры. Здесь граница мусульманского мира проходила и во время образования Монгольской империи там же, где при Махмуде

Кашгарском, то есть к востоку от Кучи; есть только известие, что один из тюркских мусульманских богатырей в Куче, Хизр-бег, прославился победами над уйгурами, тогда уже считавшимися мирным народом, неспособным оказать сопротивление храбрым воинам; за помощь, оказанную кашгарскому хану против его врагов, Хизр-бег потом получил от него ханский титул. Зато в южной части бассейна Тарима при Махмуде Кашгарском пограничным пунктом ислама был Черчен, а в XIII веке, при Марко Поло, мусульманами уже были и жители местности около Лоб-Нора.

Остается еще сложный вопрос, насколько в культурной жизни мусульманской Азии в то время принимали участие тюрки. Полного подчинения тюрков арабско-персидской культуре нигде не произошло; нигде не было случая утраты тюрками своего языка; но все же влияние арабской и персидской культуры было так сильно, что тюркский язык нигде не смог сделаться языком государственности и культуры. В самом западном из тюркских государств, в Малой Азии, государственным языком до XIII века был арабский; это известие находится в анонимном сочинении, написанном в Малой Азии в XIV веке на персидском языке, и казалось мне сомнительным^[29], но в пользу его, как заметил покойный Макс ван Бершем^[96], говорит эпиграфический материал.

На султанов оказывал влияние персидский эпос, что видно из частого употребления таких имен, как Кайхусрау и Кайкубад; рядом с этим, однако, встречаются и чисто тюркские имена, ясно показывающие, что султаны не забывали своего тюркского происхождения. То же самое относится к сельджукским владениям в Иране, где языком делопроизводства и культуры все более становился персидский. Персидским языком все более вытеснялся арабский из области делопроизводства и литературы и в Туркестане, находившемся под властью династии Караханидов. Характерно, что в X веке, при Саманидах, была составлена на арабском языке история Бухары; когда этот труд был переведен в XII веке на персидский язык, то появление такого перевода объяснялось, между прочим, тем, что люди не питают больше склонности к чтению арабских книг. Арабский язык вытеснялся персидским даже из области преподавания богословия; были преподаватели, читавшие лекции в медресе на персидском языке. То же самое относится к первоначальному преподаванию веры; об авторе продолжения истории Нишапура Медж ад-дине Абд аль-Гафире, родившемся в 451 / 1059–1060 году, говорится, что он в пятилетнем возрасте усвоил начала веры по-персидски. Несмотря на это, в государственном делопроизводстве во владениях Караханидов во второй половине XII века еще употреблялся арабский язык.

Документы этого же и последующего времени показывают, однако, что в государстве Караханидов, даже в Самарканде, где среди населения говоривших по-тюркски, наверное, почти не было, не был совершенно исключен из государственной терминологии и тюркский язык. Тюркское прилагательное *улу* прибавлялось, например, к слову *везир*, а на монетах, чеканившихся самаркандским ханом в конце XII века, даже к титулу хана.

Ханы продолжали носить до конца существования династии тюркские имена и в особенности тюркские титулы, причем сохранялся обычай, известный из истории правивших в Монголии огузских и уйгурских ханов, что хан при вступлении на престол менял свой прежний титул на новый, употреблявшийся вместо собственного имени. Этот обычай иногда причиняет затруднения историкам, которым не всегда легко решить, принадлежат ли различные титулы, встречающиеся приблизительно в одно и то же время на монетах, чеканенных в одной и той же местности, одному лицу или нескольким.

В Самарканде, однако, насколько известно, не было речи о литературе на тюркском

языке; при дворе ханов жили и пользовались их покровительством персидские поэты. Более благоприятное положение для создания мусульманской литературы на тюркском языке было в Кашгарии, хотя и туда проникло персидское влияние, постепенно усиливавшееся.

В 462/1069–1070 году была написана в Кашгаре для местного хана уроженцем города Баласагуна Юсуфом, занимавшим придворную должность хаджиба, дидактическая поэма на тюркском языке под тюркским заглавием «Кутадгу билик», то есть «Знание, делающее счастливым», или «Знание, достойное царей»; слово *куш* — «счастье» часто употреблялось, в том числе и в самой поэме, в смысле современного «величество», для обозначения царского звания. Этого рода литература, то есть поучительные произведения об обязанностях государей, сановников и т.п., издавна была популярна на Востоке, в том числе и в иранском мире; самое ценное в таких произведениях — рассказы об исторических событиях или легенды, которыми подтверждаются или объясняются те или иные наставления. Но именно этого элемента в произведениях Юсуфа Баласагунского нет совсем. Им не выводятся никакие исторические лица; его царь (илиг) — только безжизненная аллегорическая фигура, олицетворяющая справедливость; другие достоинства олицетворяются везиром, его сыном и братом. Вследствие этого «Кутадгу билик» стоит гораздо ниже своих персидских образцов.

Очевидно, что быстро были забыты после принятия ислама памятники буддийской, манихейской и христианской литературы на тюркском языке. А та тюркская мусульманская поэзия, о существовании которой мы узнали из сочинения Махмуда Кашгарского, еще не вызвала появления книг. Литература на тюркском языке должна была появиться именно в Кашгаре, где население говорило, по словам Махмуда, на «тюркском хаканском языке», самом красноречивом из тюркских наречий, тогда как языком сельских местностей за Кашгаром был кенджекский язык, то есть язык местного, первоначально нетюркского, но отороченного населения.

Остается вопрос, насколько «Кутадгу билик» была связана с тюркскими традициями по стилю и форме изложения и насколько она могла оказать влияние на современников. Поэма эта дошла до нас в трех рукописях, одна уйгурским алфавитом, написанная в 1439 году в Герате, и две — арабским, из которых одна была найдена в Египте, другая — в Фергане. Возбуждает до сих пор споры вопрос, как писал свой труд сам автор, уйгурскими или арабскими буквами. Самоё название и употребление слова *куш* в смысле «величество» показывают, что в Кашгаре мусульманское, и, в частности, персидское, влияние не успело вытеснить тюркские традиции даже из области придворной жизни. Название «Кутадгу билик» мы потом снова встречаем в монгольскую эпоху; так назывался сборник изречений, приписывавшихся Чингисхану, на который, как и на Ясу^[97], ссылались как на источник права, действовавшего в Монгольской империи и в государствах, образовавшихся после ее распада. Из слов автора XV века Ибн Арабшаха^[98] можно заключить, что название «Кутадгу» применялось и к употреблявшемуся монголами уйгурскому алфавиту, причем Ибн Арабшах, ошибочно сближал это слово с названием племени, из которого вышел Чингисхан. Было высказано мнение, что уйгурский «Кутадгу билик» Богра-хана мог, по крайней мере по заглавию, оказать влияние на монголов и вызвать появление «Кутадгу билик» Чингисхана. Но после издания труда Махмуда Кашгарского уже не подлежит сомнению, что подданные Караханидов не называли себя уйгурами и что для Юсуфа Баласагунского язык, на котором он писал, не был уйгурским; столь же невозможно, что такое произведение, как «Кутадгу билик» Богра-хана, проникнутое духом ислама, могло быть усвоено уйгурами,

остававшимися буддистами и христианами и впоследствии оказавшими влияние на монголов.

Из слов Махмуда Кашгарского не ясно, знал ли он произведение Юсуфа Баласагунского, написанное всего за два года до того, как он приступил к своему собственному лингвистическому труду, в котором он, по его собственным словам, не имел предшественников. Мартин Хартманн^[99] видел разницу между Юсуфом Баласагунским и Махмудом Кашгарским в том, что первый примыкал к придворным кругам, второй — к традициям народной поэзии. Едва ли это мнение справедливо. Мы видели, что среди стихов, приведенных Махмудом Кашгарским, есть образцы придворной поэзии; с другой стороны, Юсуф Баласагунский пользовался для своих дидактических целей и народной мудростью. В «Кутадгу билик» есть отдельные места, в которых выражаются теми же словами те же мысли, что и в образцах народной мудрости, приведенных в книге Махмуда Кашгарского.

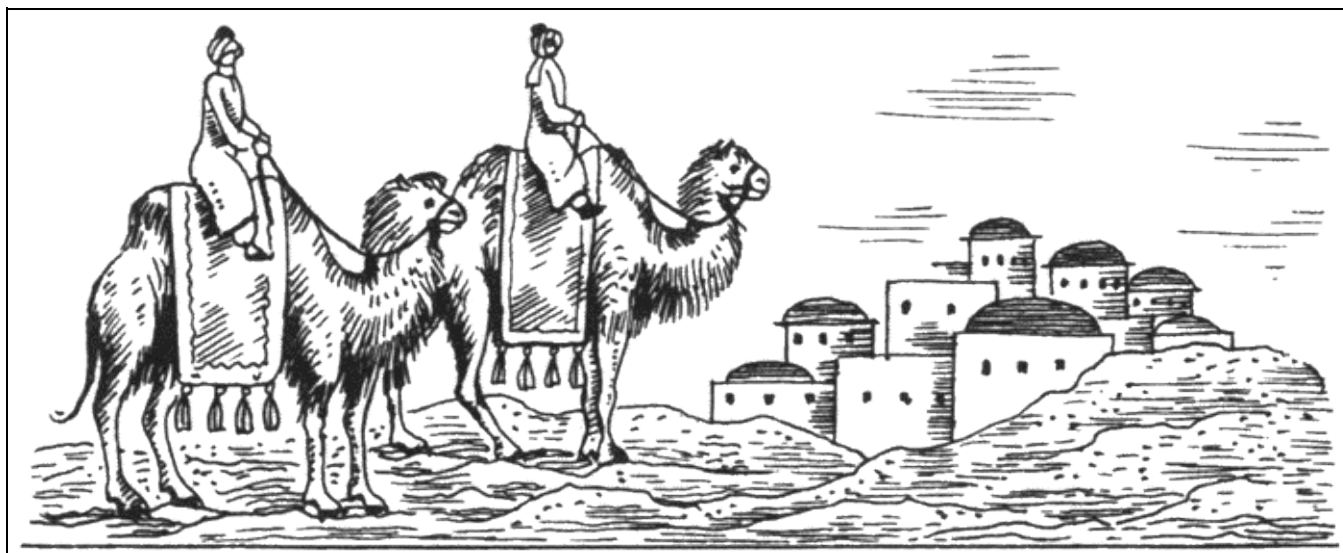
Что «Кутадгу билик», несмотря на небольшое число известных до сих пор рукописей, пользовалась в свое время популярностью, видно из того, что в Сарайчике, близ устья Яика, был найден глиняный сосуд с надписью, содержащей стихи из «Кутадгу билик». Кроме того, в Турции было найдено и издано несколько более позднее произведение в том же роде, которое Ахмад ибн Мухаммед Югнека написал на «кашгарском языке» для какого-то эмира Дад Испехсалар-бека; оно содержит такие же сухие нравоучения и наставления, без какой-либо связи с событиями действительной жизни. Открытие этого произведения показало, что «Кутадгу билик» не стоит совершенно одиноко и что в тюркской литературе был «кашгарский период», имевший, по-видимому, очень мало влияния на ее последующую судьбу.

В то время следы прежней близости тюрков к китайской культуре сохранялись не только в ханском титуле. Сочинение Махмуда Кашгарского показало, что существовало китайское название должности «таянгу», соответствовавшей арабскому «хаджиб», причем слово *таянгу* производилось из тюркского *теенмек* — «доверять», «полагаться». Сохранялось также известное из орхонских надписей слово *кунчуй* в смысле «госпожа», причем слово *хату* тогда обозначало более высокое положение женщин, чем слово *кунчуй*.

Из многочисленных слов для обозначения предметов материальной культуры, приведенных у Махмуда Кашгарского, обращает на себя внимание слово, обозначающее «кусочек шелка, который человек носил у себя за пазухой, чтобы очищать им свой нос». Известно, что в древности и в Средние века носовые платки не употреблялись ни в античной Греции, ни в мусульманском мире; в Западной Европе они вошли в употребление только в XV веке, после ознакомления европейцев с дальневосточной культурой, где они, как в Китае так и в Японии, употреблялись издавна; под влиянием Китая, мы встречаем их и в Монголии. Существование носовых платков у тюрков в XI веке, вероятно, также должно быть признано одним из остатков влияния дальневосточной культуры, впоследствии утраченных.

Следующим после Кашгара центром мусульманской тюркской литературы сделалась местность по нижнему течению Сырдарьи вместе с Хорезмом. К вопросу о значении в истории тюрков этой местности я перейду в следующей лекции.

Лекция VIII

Мы видели, что для Хорезма, по его географическому положению, торговля с кочевниками имела больше значения, чем для других культурных областей Средней Азии. То же географическое положение не могло не влиять на этнографический состав и язык населения Хорезма. По всей вероятности, это замечалось и в то время, когда соседями Хорезма были кочевники иранского происхождения; по крайней мере, была попытка доказать, что хорезмийцы принадлежат к тому же аланскому народу, который владел степями от низовьев Сырдарьи до низовьев Дона^[30]. После отюречения степи Хорезм больше других областей подвергался влиянию тюркского элемента. В первые века ислама в Хорезме говорили на иранском наречии, хотя и непонятном для прочих иранцев; на этом языке не только говорили, но и писали еще в XI веке, однако в персидских словарях «хорезмийскими» словами часто называются явно тюркские. В X веке отмечалось также сходство между хорезмийцами и тюрками по наружности. В XIII веке, в эпоху монгольского нашествия, о Хорезме уже говорили как о стране по языку совершенно тюркской. Процесс отюречения совершился, следовательно, между XI и XIII веком, когда Хорезм находился под властью сельджукских наместников тюркского происхождения, сохранявших, однако, старый иранский титул *хорезмшах*. В последние годы XI века здесь утвердилась наследственная династия хорезмшахов, представители которой почти все носили тюркские имена. Хорезм при них, в первый и последний раз за всю свою историческую жизнь, сделался ядром великой державы, в состав которой вошел целый ряд областей Средней Азии и Персии. Из наместников сельджукских султанов хорезмшахи постепенно сделались верховными владыками восточной части мусульманского мира и как «султаны ислама» требовали признания за ними всех прав, прежде принадлежавших сельджукским султанам; они не хотели даже примириться с фактом восстановления в первой половине XII века светской власти аббасидских халифов; последние хорезмшахи требовали, чтобы их власть, как прежде власть сельджукских султанов, признавалась в самом Багдаде.

Хорезм, конечно, находился под влиянием персидской культуры; среди ученых и поэтов, писавших по-персидски, были и хорезмийцы; при хорезмшахах персидский язык был языком государственного делопроизводства, но едва ли в Хорезме, как в Согде, местное иранское наречие как язык массы населения было вытеснено персидским языком. По всей вероятности, хорезмийский язык оставался языком населения и уступил место только

тюркскому языку.

Процессу отюречения еще раньше должны были подвергнуться колонии, основанные на Сырдарье частью хорезмийцами, частью, вероятно, согдийцами. В XI веке здесь были города, населенные тюрками; у Махмуда Кашгарского упоминаются Сауран и Сугнак (в XII веке столица немусульманского кипчакского владения, теперь развалины Сунак-курган) как города огузов.

К юго-востоку от Саурана, между ним и Фарабом, или Отраром, у географов X века упоминается город Шавгар; судя по расстоянию, он по местоположению приблизительно соответствовал нынешнему городу Туркестану. Название «Шавгар» — иранское; был ли этот город в X веке населен иранцами или тюрками, не известно. По одному тексту (Ибн Хаукаля) к Шавгару относится известие о походе Саманида Насра ибн Ахмада^[100] (914–943) с войском в 300000 человек (цифра, конечно, преувеличена); если так, то Шавгар был местопребыванием сильного владетеля; но в рукописях источника Ибн Хаукаля, сочинения Истахри^[101], мы находим в соответствующем месте разночтения; поэтому остается неясным, куда был направлен поход, тем более что других известий об этом событии нет. Кроме Шавгара, по Сырдарье был еще другой Шавгар в 4 фарсах (около 25 километров) к юго-западу от Аулие-Ата. К обоим Шавгарам одинаково могут относиться слова Самани^[102] (XII век, со ссылкой на автора XI века) о «пограничной местности с тюрками» и слова Якута (XIII век, со ссылкой на автора XII века Имрани) об одном «из тюркских городов».

Ни Самани, ни Якут не знают на месте Туркестана города Ясы, или Еси, хотя это название существовало уже в XII веке, когда прославился происходивший из того города или, по крайней мере, живший и умерший в нем святой Ахмад Есеви (или Ясеви)^[103]; год его смерти — 562 / 1166–1167. По некоторым известиям, Ахмад происходил из Сайрама, под которым следует понимать город на небольшом расстоянии к востоку от нынешнего Чимкента, известный также под названиями Исфиджаб и Белый город (аль-Мадинат аль-байда); этот Сайрам упоминается уже у Махмуда Кашгарского.

Ахмад, получивший от тюрков прозвание «отец Ясеви» (Ата Ясеви), имел, по-видимому, большое влияние на распространение среди них ислама и мусульманского мистицизма. Его стихотворения в мистическом духе на тюркском языке получили широкую популярность, и до сих пор под им подражают среднеазиатские народные поэты. К сожалению, эти стихи, именно вследствие своей популярности, не дошли до нас в своем первоначальном виде; многочисленные переписчики изменяли язык подлинника в духе своего времени, делали вставки. Таким же образом биография Ахмада Ясеви известна нам почти исключительно по позднейшим легендарным рассказам. По этим легендам, у Ахмада Ясеви был тюркский предшественник Арслан-баба, или Баб-Арслан (известно, что в Туркестане слово *баб*, по-арабски «ворота», употреблялось для обозначения распространителей ислама); сын Арслана, Мансур-Ата, был первым халифом, или преемником^[104], Ахмада. Сам Ахмад был третьим халифом приехавшего из Хамадана в Туркестан персидского мистика Юсуфа Хамадани^[105], умершего в 1140 году в Мерве, где он много лет стоял во главе школы мистиков. Юсуф Хамадани, по словам его биографа, совершенно не знал по-тюркски, что не помешало ему сделать своим учеником основателя тюркского мистицизма. Вторым халифом Юсуфа, то есть непосредственным предшественником Ахмада, был шейх Абу Мухаммед Хасан бин Хусейн аль-Андаки, умерший в 1157 году. Об аль-Андаки дает некоторые сведения его современник и знакомый Самани, тогда как об Ахмаде Самани ничего не было известно, и даже нисба^[106] Ясеви в словарь Самани, специально посвященный нисбам,

преимущественно богословов, не вошла.

Культ Ахмада Ясеви, как тюркского святого по преимуществу прочно держался на Сырдарье, как показывает великолепное здание, построенное над его могилой в конце XIV века Тимуром. Среди учеников и преемников Ахмада был целый ряд мистиков, писавших по-тюркски и носивших тюркское прозвание *ата* — «отец», в том числе Хаким-Ата, или Сулейман Бакыргани^[107], деятельность которого была связана с Хорезмом. Подобно Ахмаду, Хаким-Ата оставил сборник мистических наставлений на тюркском языке, но не в стихах, как Ахмад, а в прозе. Изречения Хаким-Ата, подобно изречениям Ахмада, были написаны простым языком и предназначены для широких масс^[31].

Жизнь Хорезма в эти века, когда он подвергался процессу отюречения, представляет большой интерес в связи с вопросом, насколько постепенно установившееся в Туркестане преобладание тюркского элемента влекло за собой упадок культуры. Из европейских ориенталистов о роли тюрков как элемента, враждебного культуре, определеннее всего высказался знаменитый немецкий ориенталист Нёльдеке^[108]. По мнению Нёльдеке, завоевание тюрками государства Саманидов было «одной из самых печальных катастроф в истории этих стран». Позже Нёльдеке добавил, что считает вторжение тюрков в образованный мусульманский мир «всемирно-историческим несчастьем первой степени». Но в Хорезме мы имеем пример высококультурной страны, где не только установилась власть тюрков, но даже получил преобладание тюркский язык; между тем трудно было бы привести какие-нибудь факты, которые бы свидетельствовали о более низком культурном уровне Хорезма XIII века сравнительно с Хорезмом X и XI веков. Сведения о Хорезме, сообщенные Якутом, бывшим там непосредственно перед монгольским нашествием, свидетельствуют о значительном развитии городской жизни и даже о расширении культурной площади, особенно в юго-западной части Хорезма. Из других известий мы знаем, что хорезмийские купцы совершали в Средней Азии еще более отдаленные путешествия, чем прежде, и приобретали влияние в еще более отдаленных странах; в 1218 году к хорезмшаху Мухаммеду^[109] приезжал хорезмиец Махмуд в качестве посла от Чингисхана. Очень вероятно, что этот Махмуд — одно и то же лицо с «послом Махмудом» Махмудом Ялавачем^[110], который в монгольскую эпоху был наместником Пекина, тогда как его сын Масуд-бек^[111] управлял культурными областями Средней Азии. Титул *бек* и чисто тюркские имена двух из сыновей Масуда заставляют полагать, что сам он и его отец Махмуд были по языку тюрками.

О высоте умственной культуры свидетельствует широкое распространение в Хорезме, еще в XI веке, рационалистической богословской школы мутазилитов, процветавшей и в XIII веке. Богословские споры велись в Хорезме с большим тактом, без проявления грубого фанатизма; если кто-нибудь пытался в слишком резких словах отстаивать свое мнение, его тотчас останавливали.

Насколько прочно утвердилась в Хорезме мутазилитская школа, видно из того, что она пережила монгольское нашествие, хотя именно Хорезм, вследствие оказанного им в 1221 году упорного сопротивления, подвергся со стороны монголов особенно страшному опустошению. Сельскохозяйственная культура, по-видимому, не могла быть восстановлена в полной степени, и культурная площадь еще в XIV веке была менее значительна, чем в домонгольскую эпоху, но столица Хорезма Ургенч уже через несколько лет после 1221 года была восстановлена приблизительно на том же месте и описывается путешественниками монгольской эпохи, мусульманскими и европейскими, как один из главных городов на

торговом пути из Передней Азии и Европы на Дальний Восток. Арабский путешественник Ибн Баттута^[112], бывший там в 1333 году, называет Ургенч «одним из самых больших, значительных и красивых тюркских городов».

Хорезм и культурно связанные с ним города по нижнему течению Сырдарьи были местом оживленной литературной и научной деятельности как до монгольского нашествия, так и после него. Большое число имен авторов, писавших в Хорезме и соседних с ним местностях, и названий их сочинений приводится в истории арабской литературы Брокельмана^[113]; насколько мне известно, константинопольские библиотеки дают возможность значительно пополнить эти сведения. Преобладают, конечно, памятники богословской литературы, но и эти памятники представляют интерес не только для богословов; в одном из них, как мне сообщили, приводятся фразы на хорезмийском языке. Среди происходивших из Хорезма или действовавших там в XII веке мы видим таких ученых мирового значения, как Замахшари^[114] и Шахрастани^[115]. Разумеется, от таких ученых в то время трудно было ожидать проявления местного или национального (тюркского) патриотизма, но любопытно, что для последнего хорезмшаха Джелал ад-дина^[116] (он покинул Хорезм в начале 1221 года, в ноябре того же года бежал в Индию, с 1223 года действовал в Западной Персии и в 1231 году погиб в войне с монголами) была составлена неким Мухаммедом ибн Кайсом, о котором мы никаких других известий не имеем, «большая книга» о тюркском языке, по-видимому по-арабски. После сочинения Махмуда Кашгарского это, насколько известно, первый труд о тюркском языке; к сожалению, книга Мухаммеда ибн Кайса не дошла до нас и существование ее известно только по двум ссылкам писавшего уже при монголах Джемаль ад-дина Ибн Муханны.

По-видимому, тюрки в Хорезме не только усвоили высокую для этого времени культуру, которую они там нашли, но воспользовались ею для дальнейшего развития тюркско-мусульманской литературы. Без тюркско-хорезмийской культуры домонгольского периода трудно было бы понять то значение, которое в монгольский период имели в истории тюркской литературы Хорезм и Золотая Орда. Произведение золотоордынского поэта хорезмийского происхождения, относящееся к 1353 году, написано на том литературном языке, который потом, в эпоху Тимуридов^[117], был назван чагатайским; притом оно написано не в Хорезме, откуда происходил автор (его прозвание — Хорезми^[118]), а на берегах Сырдарьи. Поэт Хорезми имел предшественников; сохранилась рукопись поэтического сочинения, написанного не при Джани-беке^[119], как произведения Хорезми, но для его старшего брата Тинибекана^[120], который назван царевичем (шахзаде), из чего видно, что автор писал еще при его отце Узбеке^[121], то есть до 1340 года. Даже в Крыму, где в домонгольский период мусульман, насколько известно, не было совсем, была написана поэма о Юсуфе и Зулейхе, известная нам по старому переводу на южнотюркский литературный язык, возникший в монгольский период и впоследствии названный османским.

На нижнем течении Сырдарьи, в городе Барчкенде, известном также под названиями Барчын и Барчынлыг, во второй половине XIII века жил ученый факих Хусам ад-дин Хамиди аль-Асими Барчынлыги, писавший сочинения на трех языках, причем, по словам знавшего его лично историка Джемалья Карши, его сочинения на арабском языке были красноречивыми, на персидском — остроумными, на тюркском — правдивыми. Насколько известно, это первое в мусульманской литературе сопоставление языков арабского,

персидского и тюркского как трех литературных языков мусульманского мира. Сам Джемаль Карши был родом из Алмалыка, где он родился около 1230 года, и впоследствии большей частью жил в Кашгаре; с Хусам ад-дином он познакомился в Барчкенде, куда ездил в 672 / 1273–1274 году. Рассказ Джемалья Карши показывает, что культура Золотой Орды оказывала влияние на культуру Туркестана еще в XIII веке. Факт этого влияния до последнего времени оставался совершенно неизвестным как самим среднеазиатским тюркам, так и европейским ученым. Бабур^[122] в начале XVI века полагал, что произведения классического чагатайского поэта Алишера Навои^[123] написаны на том же языке, на котором при нем говорили в Фергане, в городе Андижане. Радлов в 1888 году старался доказать, что Бабур ошибался и что чагатайский язык был искусственным литературным языком, не связанным с местной разговорной речью; по мнению Радлова, происхождение этого языка связано исключительно с культурными влияниями, идущими с востока на запад, начиная с литературного языка уйгуров (об орхонских надписях тогда не было сведений) и кончая составленной в 1310 году и написанной, как полагал Радлов, «еще чистым уйгурским языком» «Книгой о пророках». Распространение того же литературного языка в Золотой Орде, о чем свидетельствует язык относящихся к концу XIV века ярлыков Тохтамыша^[124] и Тимур-Кутлуга^[125], Радлов относит, по-видимому, только к XIV веку; по его мнению, ярлыки были написаны человеком, «сведущим в литературном чагатайском языке». В его время еще нельзя было предполагать, что самый чагатайский язык образовался в связи с культурным влиянием Золотой Орды на Туркестан, а не наоборот.

Образование чагатайского литературного языка было бы невозможно без монгольского нашествия. Монгольские завоевания XIII века занимают, как известно, совершенно исключительное место в мировой истории. Несмотря на частые случаи нашествия кочевников на культурные страны, мы не знаем другого примера, чтобы один и тот же народ в короткое время завоевал культурные государства Дальнего Востока, Передней Азии и Восточной Европы. Естественно, что о монголах писали во всех странах, завоеванных монголами, так что в источниках мы находим о Монгольской империи много материала. Европейская наука также посвятила Монгольской империи больше внимания, чем едва ли не всем прочим государствам средневекового Востока; тем не менее далеко не все вопросы, связанные с образованием этой империи, могут считаться выясненными. Так, имеющий для нас самое большое значение вопрос о столкновении между государствами Чингисхана и хорезмшаха Мухаммеда рассматривался преимущественно в связи с воинственными планами победителя, Чингисхана; причем часто старались доказать, что эти планы были если не вызваны, то поддержаны влиянием аббасидского халифа Насира^[126]; до сих пор в научной литературе иногда высказывается мнение, что Чингисхана призвал против хорезмшаха халиф. Между тем сопоставление мусульманских известий об этой борьбе приводит к заключению, что война была если не вызвана, то ускорена воинственными планами не Чингисхана, а хорезмшаха.

В обязанности «султанов ислама», какими хотели быть последние хорезмшахи, входили не только защита веры и основанной на ней справедливости внутри мусульманского мира, но также, при благоприятных обстоятельствах, освобождение мусульман от владычества неверных. В царствование Мухаммеда этому способствовали упадок государства каракитайских гурханов и восстания в некоторых из подчиненных им мусульманских областей. Ни о причине, ни о ходе этих восстаний подробными сведениями мы не располагаем. Одним из первых мусульманских владетелей, восставших против гурхана, был, по-видимому, султан

Хотана; об этом несомненно тюркском и мусульманском владении говорится только по этому случаю; монет, которые бы были чеканены в Хотане в домонгольский период, мы также не имеем. Приблизительно в то же время на противоположной окраине государства гурхана, в Бухаре, против господства гурхана и в то же время против своих местных владетелей выступило само население. Незадолго перед этим Бухара сделалась совершенно независимой — от жившего в Самарканде тюркского хана вся власть перешла к «семье Бурхан», из которой происходили садры, главы местного мусульманского духовенства; садры были непосредственно подчинены кара-китаем и имели право сами отвозить дань в орду гурхана, то есть к ним применялась самая мягкая из форм вассальной зависимости, известных в истории кара-китаев и потом в истории Монгольской империи. И вот господство садров было уничтожено народным восстанием, вообще направленным против местной аристократии; во главе восставших был человек из ремесленного класса, которого обвиняют в жестоком преследовании вельмож, чем достаточно выясняется характер восстания. Замечательно, что садры, несмотря на религиозный авторитет, на котором основывалась их власть, обратились с просьбой о поддержке в орду языческих кара-китаев. Кара-китаи исполнили их просьбу, но вместо военной силы смогли поддержать их только грамотами, не оказавшими, вследствие общего упадка могущества государства гурхана, никакого действия.

Бухарскими событиями воспользовался хорезмшах Мухаммед для своего первого похода против кара-китаев осенью 1207 года. Можно было ожидать, что им будет поддержано народное движение, также направленное против владычества гурхана, но этого не случилось; предводитель движения, по-видимому не имевший возможности оказать сопротивление войску хорезмшаха, был уведен в плен в Хорезм. Тогда же хорезмшах вступил в переговоры с вассалом гурхана, самаркандским ханом. Два последних владетеля Самарканда из династии Караханидов, Ибрахим и его сын Осман, носили громкий титул *султан ас-салатин* («султан султанов»), причем на монетах Ибрахима к этому арабскому титулу присоединено тюркское прилагательное *улу* — «великий».

Кроме этого и титула Ибрахима, *тамгач-хан*, на монетах обоих ханов нет других признаков тюркского происхождения династии; только из сочинения их персидского современника Ауфи^[127] нам известны полные тюркские титулы Ибрахима и Османа — *Кылыч Тамгач-хан* и *Кылыч Арслан-хан хакан*. Нет также сведений о том, насколько был значителен тюркский элемент среди войска и подданных обоих ханов. Любопытно, что озеро, куда впадают остатки Зеравшана, уже тогда носило название Кара-куль, из чего можно вывести заключение, что даже в Бухарской области, по крайней мере в местности, ближайшей к пустыне и к Хорезму, уже тогда был некоторый тюркский элемент.

Поход 1207 года не имел больших результатов; по-видимому, временно завоеванные хорезмшахом области снова должны были подчиниться гурхану. Только осенью 1210 года хорезмшаху Мухаммеду удалось недалеко от Таласа разбить войско кара-китаев. Победа не была вполне решительной и не привела к объединению вокруг хорезмшаха мусульманских подданных гурхана; хорезмшах даже не мог оказать поддержки восставшим против гурхана жителям Баласагуна. Тем не менее он воспользовался победой для придания нового блеска своей державе. Он стал называть себя султаном Санджаром, по имени последнего могущественного сельджукского султана; кроме того, он принял имя Искандера, то есть Александра Македонского, чем ясно показал, что стремится к завоеваниям в мировом масштабе, а не только в той степени, в какой это было необходимо для «султана ислама».

Участь государства кара-китаев, однако, была решена не столько действиями хорезмшаха, сколько прибытием монголов или, как их называли в то время, татар, причем сначала пришли, по выражению историка Ибн аль-Асира, «первые татары», вытесненные из Монголии Чингисханом, потом — войска самого Чингисхана.

Историк Рашид ад-дин связывает широкое распространение в домонгольский период народного названия татар с могуществом татар в собственном смысле слова, живших около озера Буир-Нор. Теперь мы знаем, что название татар было широко распространено гораздо раньше, начиная с эпохи орхонских надписей, то есть с VIII века; в X веке мы видим его в рукописи Туманского, в XI веке — у Махмуда Кашгарского. По всей вероятности, так с самого начала назывались народы, говорившие на монгольском языке. Из данных, приведенных у Рашид ад-дина и в других источниках, можно заключить, что граница между районами господства языков монгольского и тюркского проходила тогда приблизительно там же, где проходит теперь. По-монгольски говорили найманы, владевшие Западной Монголией от Орхона до Верхнего Иртыша, и даже их северные соседи ойраты у истоков Енисея, причем эти истоки назывались Секиз-мурэн, что указывает на смешение здесь монгольского языка с тюркским (*секиз* — тюркское числительное «восемь», *мурэн* — монгольское «река»). К северу от ойратов на Енисее, или Кеме, как река всегда называлась тюрками, жили говорившие по-тюркски канглы и кипчаки, может быть, карлуки, центром которых был возникший не ранее XII века город Каялык в северной части Джетысуйской области. Монгольские народности занимали с юга на север пространство от Китайской стены по крайней мере до Байкала и находились на различных степенях культурного развития; китайцы различают белых татар на юге, по соседству с Китаем, черных татар дальше к северу и диких татар, или, как их называли сами монголы, «лесные народы», на крайнем севере; в отличие от черных татар, эти народы были не кочевниками, а звероловами. В этом отношении сведения о монголах XIII века богаче и разнообразнее, чем более ранние сведения о тюрках. Ни в китайских, ни в других источниках не говорится, были ли рядом с тюрками-кочевниками тюрки-звероловы, вообще каковы были в то время отношения между степняками и лесными народами; исключение представляют только несколько слов у Гардизи о киргизах и их восточных соседях. Из сочинения Рашид ад-дина мы узнаем, что шаманизм был первоначально религией не кочевников, а звероловов и еще в то время самыми искусными шаманами считались шаманы, жившие в северных, лесных областях. По поводу обладавшего особой шаманской силой племени лесных урянхитов у Рашид ад-дина приводится рассказ, из которого видно, что зверолову жизнь кочевника представлялась таким же невыносимым рабством, как кочевнику — жизнь оседлого земледельца.

Междоусобия, которые предшествовали объединению Монголии под властью Чингисхана, происходили преимущественно среди кочевников. Основной чертой этих междоусобий, как теперь доказано, была борьба между степной аристократией, во главе которой стоял Чингисхан, и народными массами, объединившимися вокруг прежнего друга Чингисхана, потом разошедшегося с ним, Джамухи^[128], принявшего, по примеру кара-китайского государя, титул *гурхан*. Джамухе удалось создавать для Чингисхана все новых врагов среди ханов и предводителей отдельных монгольских народностей, но борьба кончилась отчасти истреблением, отчасти бегством из Монголии всех приверженцев и союзников Джамухи.

Последняя битва с Чингисханом, в которой принимал участие Джамуха, относится к

1204 году; в 1205 году Джамуха, по монгольским известиям, был выдан Чингисхану и казнен. Любопытно, однако, что историк Джувейни говорит о каком-то богатыре Гурхане, находившемся на службе у Чингисхана, перешедшем на сторону мусульман и убитом при взятии монголами Бухары в 1220 году. Возможно, что Джамуха, вопреки монгольскому преданию, нашел убежище во владениях хорезмшаха.

Из монгольских врагов Чингисхана на запад удалились мергиты, жившие на Селенге, и найманы. Те и другие были разбиты Чингисханом в 1208 году; после 1209 года они разделились: мергиты направились более северным путем и пришли в страну кипчаков, найманы — в страну кара-китаев. Как мергиты, так и найманы подверглись перед этим влиянию христианской пропаганды; найманы, сверх того, как мы видели, усвоили от уйгуров письменность. О культурном влиянии тюрок на монголов говорят и многие другие факты, в том числе большое число собственных имен и титулов у народов монгольского происхождения. О мусульманской пропаганде, несмотря на присутствие в орде Чингисхана мусульманских купцов, притом еще до его выступления из Восточной Монголии, известий нет. Едва ли не единственное указание, что уже при Чингисхане были монголы-мусульмане, мы находим в имени одного из мергитских предводителей, брата жены Чингисхана — Джемаль-ходжа.

Во время борьбы с мергитами и найманами Чингисхану в 1207 году подчинился первый тюркский народ — киргизы на Енисее; впоследствии они восстали против него и в 1218 году были усмирены старшим сыном Чингисхана Джучи^[129], перешедшим через Енисей по льду. В то время уже не было, как в VIII веке, киргизского хакана; народ разделялся на две части, имевшие каждая своего предводителя; ни тот, ни другой не назывался ханом. Впоследствии киргизы даже утратили воспоминание о том, что у них когда-либо были ханы. Радлов слышал у кара-киргизов предание, по которому киргизы обратились к «великому хану», то есть Чингисхану, с просьбой дать им в князя своего сына Джучи; Джучи, в то время маленький мальчик, попал в стадо куланов (диких ослов) и был уведен ими; Аксак («хромой») Кулан-Джучи-хан был первым и последним ханом киргизов. Несмотря на фантастичность рассказа, в нем сохранилось воспоминание о подчинении Чингисхану и его сыну Джучи. Даже рассказ о куланах, может быть, представляет отголосок предания о стихах, будто бы произнесенных Чингисханом на тюркском языке в 1227 году после получения известия о смерти Джучи: «Подобно кулану, лишившемуся (вследствие преследования охотниками) своего детеныша, я разлучен со своим детенышем; подобно разлетевшейся в разные стороны стае уток, я разлучен со своим героем-сыном».

В 1209 году, за год до победы хорезмшаха над кара-китаями, Чингисхану подчинился предводитель другого, более культурного тюркского народа — идикут уйгурский, до тех пор находившийся в вассальной зависимости от кара-китайского гурхана. Этот факт находился в связи с преследованием бежавших на запад врагов Чингисхана; мергиты и найманы хотели пройти через владения идикута, но встретили с его стороны сопротивление и были разбиты, что более всего способствовало отделению друг от друга этих двух народов, до тех пор действовавших сообща. В 1211 году, через год после победы над кара-китаями хорезмшаха, объявившего себя освободителем мусульман от ига неверных, подданным Чингисхана признал себя другой вассал гурхана, мусульманский владетель карлукский Арслан-хан.

Этот факт свидетельствует об упадке авторитета хорезмшаха даже среди мусульман Средней Азии. Вообще личные качества хорезмшаха как государя находились в полном противоречии с его громкими титулами и внешним блеском его державы; в покоренных

странах он совершенно не был в состоянии сдерживать свое войско и защищать население от притеснений воинов. Этим объясняется такой характерный факт, как разрыв в 1212 году между хорезмшахом и самаркандским ханом, вновь перешедшим на сторону кара-китаев. В рассказе Джувейни о переговорах, предшествовавших этому разрыву, интересна подробность, что после женитьбы самаркандского хана на дочери хорезмшаха мать хорезмшаха, желая подольше удержать хана в Ургенче, ссылалась на тюркский обычай, по которому зять первый год после брака должен был прожить в доме тестя. Вернувшись в Самарканд, хан в полном согласии с жителями своей столицы поднял восстание против своих мусульманских освободителей, и хорезмшаху пришлось подавить это восстание потоками крови.

После этого границей владений хорезмшаха сделалась местность по Сырдарье (в том числе и правое побережье) на всем пространстве от Ферганы до Аральского моря; остальные мусульманские области, прежде подчинившиеся кара-китаем, за исключением подчинившегося Чингисхану карлукского владения, перешли под власть предводителя пришедших с востока найманов Кучлука, христианина, по некоторым известиям перешедшего в государстве кара-китаев к идолопоклонству, то есть, вероятно, к буддизму. По-видимому, Кучлук завладел государством гурхана в 1211 году, еще до восстания против хорезмшаха самаркандского хана. Хорезмшах вступил в борьбу с Кучлуком, но не имел успеха; по словам Ибн аль-Асира и Якута, он был вынужден отказаться в пользу Кучлука от некоторых уже занятых им областей, а именно от Исфиджаба (Сайрама), Ташкента и северной части Ферганы; покидая эти области, он будто бы опустошил их и увел с собою население. Может быть, таковы были намерения хорезмшаха, но едва ли ему удалось вполне осуществить их; то состояние, в котором находились эти области менее десяти лет спустя, в эпоху монгольского нашествия, не свидетельствует о полном опустошении.

Замечательно, что, несмотря на отдаленность Монголии от Туркестана, несмотря даже на то, что монголы с 1211 года были заняты войной с Китаем, авторитет Чингисхана был в мусульманской Средней Азии сильнее авторитета «султана ислама». В это время образовалось новое мусульманское княжество в городе Алмалыке (в Кульджинском крае), возникшем, по-видимому, незадолго перед тем. Основатель этого княжества был прежде разбойником и конокрадом, что не помешало ему сделаться родоначальником династии, существовавшей еще в начале XIV века. С самого начала он подчинился Чингисхану; впоследствии Кучлук захватил его на охоте и убил, но вдове убитого удалось отстоять от войска Кучлука Алмалык до прибытия помощи из Монголии. Против другого вассала Чингисхана, Арслан-хана карлукского, Кучлук, по-видимому, ничего не предпринимал. Все свои силы он направил против Кашгарии; после завоевания им этой области там, в первый и последний раз в истории Средней Азии, произошло гонение против ислама; был издан приказ мусульманам принять одежду кара-китаев, было запрещено мусульманское богослужение, казнен один из имамов в Хотане, в мусульманских домах были размещены найманские воины, которые, очевидно, должны были следить за строгим исполнением приказов правительства. И в этом случае мусульмане не получили никакой помощи от «султана ислама» и освободились от притеснителей только в 1218 году благодаря приходу монгольского войска.

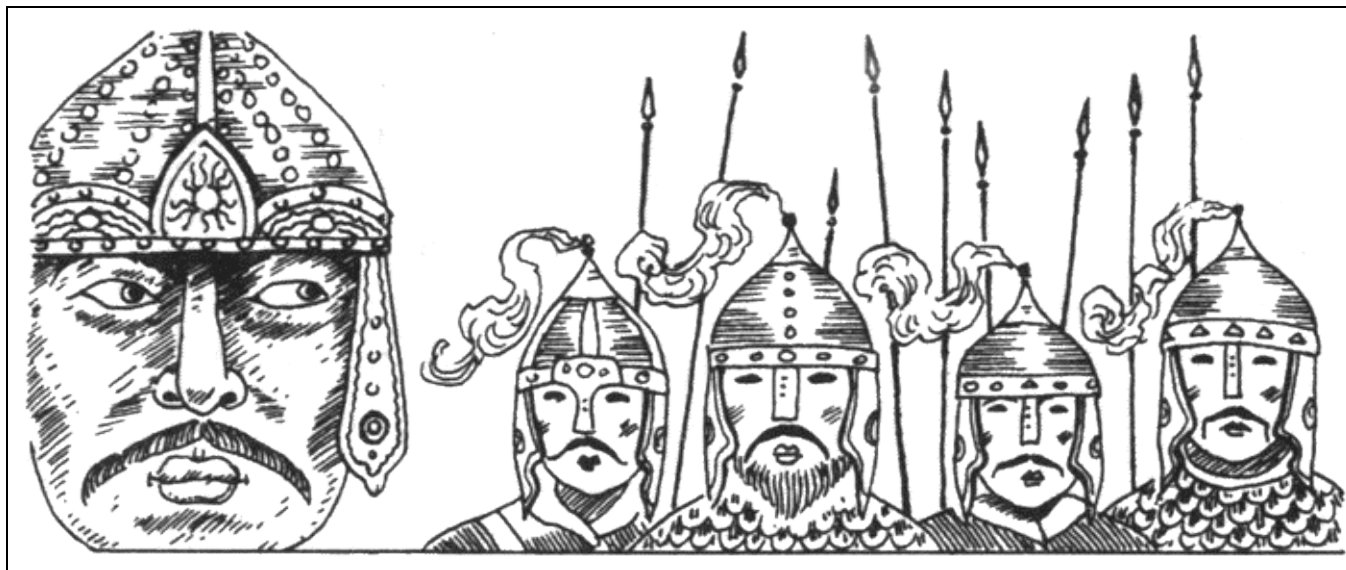
Хорезмшах в это время продолжал войну с неверными, но направлял свои удары против менее сильных и организованных врагов — кипчаков в местности к северу от Сырдарьи. Здесь, около Иргиза, произошло более или менее случайное столкновение между

хорезмийским войском и монголами под предводительством Джучи, преследовавшими остатки мергитов.

Несмотря на свои неудачи, хорезмшах продолжал мечтать о славе мирового завоевателя, надеялся со временем овладеть Китаем и потому был огорчен известием о взятии в 1215 году Чингисханом Пекина. Чтобы проверить это известие и вообще собрать известия об успехах Чингисхана, им был отправлен посол Беха ад-дин Рази, заставший Чингисхана еще в Китае. Рассказ об этом посольстве передается историком Джузджани^[130] со слов самого посла и не вызывает никаких сомнений; следовательно, не халифом Насиром, а самим хорезмшахом было отправлено посольство к монгольскому завоевателю.

Известно, как сложились дальнейшие события, как к Чингисхану, независимо от посольства, пришел из государства хорезмшаха торговый караван, как потом были отправлены из Монголии ответное посольство и ответный караван, как хорезмшах принял посольство и потом ночью отдельно посла-хорезмийца, Махмуда, и как купцы, все мусульмане, были перебиты в пограничном городе владений хорезмшаха Отраре. Особенно характерно требование хорезмшаха, чтобы Махмуд, как хорезмиец, признал себя естественным подданным султана и сообщил ему все нужные сведения о государстве Чингисхана. С точки зрения современного европейца, такое требование кажется вполне естественным, и, например, английское правительство не поколебалось бы предъявить его ко всякому англичанину, который бы случайно находился на службе в стране какого-нибудь дикого или полудикого народа; но средневековые мусульманские купцы не считали себя связанными с правительством тех областей, откуда они вышли, и не видели основания содействовать осуществлению воинственных планов мусульманских государей. Очень вероятно, что эти обстоятельства были одной из причин гибели в Отраре прибывших из Монголии мусульманских купцов. Во всяком случае, поход монголов на государство хорезмшаха после отрарского события был совершенно неизбежен, и ни в каком призывании монголов халифом Насиром или кем-нибудь другим не было надобности. При враждебных отношениях между халифом и хорезмшахом слухи о таких действиях халифа должны были возникнуть; мы знаем, что такое обвинение высказывал против халифа уже сын и преемник хорезмшаха Мухаммеда — Джелал ад-дин, но доказательств у него не было. Поход Чингисхана на мусульманские земли был прямым последствием отрарского события; столь же естественно, что мусульманские купцы оказывали полное содействие Чингисхану и позже, как мы увидим, извлекли больше всего выгоды из порядков, создавшихся после победы монгольских войск.

Лекция IX

Известия о событиях, непосредственно предшествовавших монгольскому нашествию на Туркестан, несколько противоречивы; известия источников и мнения ученых расходятся даже по вопросу, произошло ли вооруженное столкновение между войском хорезмшаха и войском Джучи, кончившееся отступлением монголов, до или после отрарского события. В государстве хорезмшаха Мухаммеда была значительная поэтическая литература, преимущественно на персидском языке, касавшаяся и политических событий, но эта литература известна нам только по кратким ссылкам и цитатам. Сюда относятся: приведенные у Якута арабские стихи, сочиненные от имени самого хорезмшаха Мухаммеда, о разорении покинутых им окраин Мавераннахра; слова Ауфи о составляющейся поэтом Меджд ад-дином Мухаммедом Паизи в городе Неса (в нынешнем Туркменистане, к западу от Ашхабада) поэме в эпическом стиле о событиях царствования хорезмшаха; приведенные тем же Ауфи стихи поэта Омара Хурремабади, с прославлением хорезмшаха как второго Александра, где, между прочим, говорится: «Знай, что со стороны Китая было бы ошибкой искать столкновения с твоим войском; если он искал его, то, без сомнения, он испытал последствия невежества. (Ясно), как день, что если татары не подчинятся твоему повелению, то для всех их день тотчас станет мрачной ночью». Не известно, говорится ли здесь о столкновении с Чингисханом и его монголами или о столкновении с «первыми татарами» — Кучлуком и найманами.

Столкновение около Иргиза не имело дальнейших последствий; нападающей стороной в этом случае был хорезмшах. Ни то, ни другое войско не ожидало этой встречи; хорезмшах воевал в этой местности с кипчаками, Джучи — с мергитами; Джучи даже велел передать хорезмшаху, что не имеет от своего отца поручений вступить с ним в борьбу, но получил ответ, что султан одинаково считает своими врагами всех неверных.

Когда война сделалась для хорезмшаха оборонительной, она стала рассматриваться как защита областей ислама от нашествия неверных, хотя в 1218 году монгольский полководец восстановил в Кашгарии свободу мусульманского богослужения, а причиной войны было убиение в государстве хорезмшаха мусульманских купцов; кроме того, в монгольском войске были мусульманские отряды из Каялыка и Алмалыка, не говоря уже о находившихся на службе у Чингисхана мусульманских купцах. Среди последних в то время, наверное, кроме таджиков были и тюрки; монголы называли всех купцов тюркским словом *ортак* —

«товарищ», очевидно потому, что купцы для снаряжения караванов соединялись в товарищества.

Войско хорезмшаха состояло из представителей разных национальностей. Характерно, что в гарнизоне главного города Мавераннахра, Самарканда, число тюрок и таджиков, по словам Джувейни, было почти одинаково (60000 тюрок, 50000 таджиков). Возможно, что на стойкости этого войска несколько отражалась национальная рознь. По поводу отношений в начале XIII века между Хорезмом и чисто иранской областью, Мазандераном, один из историков^[131] замечает, что настоящей дружбы между тюрком и таджиком быть не может. Еще более характерно столкновение в Газне между тюрками и уроженцами иранской горной области Тур; предводитель тюрок хотел достигнуть соглашения с предводителем гурцев, но получил ответ: «Мы — гурцы, а вы — тюрки, вместе жить мы не можем».

Монголам тюрки, конечно, были ближе представителей других национальностей; кроме того, в войске Чингисхана было несколько тюркских отрядов; наконец, тюрок сближали с монголами общие среднеазиатские кочевые традиции; тем не менее мы не видим со стороны монголов попытки объединиться с тюрками и сделать их участниками своих завоеваний. Если с тюрками иногда велись переговоры, то это была только обычная для монголов военная хитрость: посредством ложных уверений в дружбе они разъединяли своих врагов, чтобы потом уничтожить одних после других, в том числе и тех, которых раньше называли своими друзьями и союзниками. Чингисхан даже уверял в своей дружбе мать хорезмшаха Мухаммеда, в то время находившуюся во вражде со своим сыном, чтобы удержать царицу, в распоряжении которой были многочисленные отряды тюрок, от вмешательства в войну. Во время осады Самарканда монголы согласились принять к себе на службу тюркскую часть гарнизона, во главе которой был дядя хорезмшаха, брат его матери; но после взятия города все эти тюрки, будто бы в числе 30000 человек, под начальством двадцати предводителей, были окружены на ровном месте и истреблены.

Таким же образом монголы в Дагестане, где против них выступили аланы в союзе с кипчаками, сказали кипчакам, как тюркам: «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им». Получив от монголов подарки, кипчаки покинули алан, но после победы над аланами монголы тотчас обратились против кипчаков и отняли у них вдвое больше, чем раньше дали. Когда половцы, то есть кипчаки, нашли помощь у своих постоянных врагов, русских, монголы стали уверять и русских князей, что не собираются нападать на русскую землю, а пришли только против своих «холопов и конюхов, поганых половцев» (выражение русского летописца), причинивших и русским много зла. Точно так же в Передней Азии монголы некоторое время вели переговоры с теми владельцами, которые потом были уничтожены монгольским нашествием, например с исмаилитами и багдадским халифом.

Султан Джелал ад-дин, по-видимому в 1226 году, послал из Исфахана приказ своему везиру, действовавшему в Азербайджане, — обыскивать караваны, приходившие из Сирии, так как, по дошедшим до него сведениям, в Сирию отправился через Багдад вместе с исмаилитскими купцами татарский посол; Джелал ад-дину нужны были доказательства, на основании которых он мог бы упрекать отдельных князей и правительство халифа в сношениях с татарами. Никаких доказательств добыто не было, хотя везир не остановился не только перед обысками, но и перед истреблением исмаилитских караванов, чем поставил потом в затруднительное положение своего государя. Слухи о переговорах тем не менее могли соответствовать действительности.

Хорезмшах Мухаммед, погибший, как известно, в конце 1220 года на одном из островов Каспийского моря, так мало проявил себя в борьбе с монголами, что монголам осталось неизвестным даже его имя; все действия правительства хорезмшаха во время войны и до нее, в том числе и убиение купцов в Отраре, приписываются монгольскими источниками сыну и преемнику Мухаммеда — Джелал ад-дину. Бегство Джелал ад-дина в Индию в конце ноября 1221 года, в сущности, положило конец борьбе, хотя в следующие годы еще говорится об усмирении некоторых восстаний и взятии некоторых горных крепостей. Летом 1223 года Чингисхан покинул Туркестан и лето 1224 года провел на Иртыше. Еще при жизни Чингисхана, умершего в 1227 году, Джелал ад-дин вернулся в Иран; некоторое время спустя, в 1228 году, монголы одержали над ним победу недалеко от Исфахана, но понесли такие потери, что должны были очистить Иран; отряды Джелал ад-дина преследовали их до Амударьи, но никаких попыток поколебать власть монголов в Хорезме и Мавераннахре сделано не было.

Монгольские завоевания, по всем известиям, были связаны со страшным избиением населения. Европейскими учеными обыкновенно принимается в расчет только избиение кочевниками жителей культурных стран; на самом деле политическое объединение самих кочевников и в этом случае, как во всех других, было достигнуто только после долгой и кровавой борьбы, иногда связанной с систематическим истреблением целой народности, так что трудно сказать, было истреблено войском Чингисхана больше народа в степи или в культурных странах. Столь же трудно доказать, что монгольские завоевания принесли только выгоду кочевникам и только ущерб оседлому населению. Монгольские походы не были связаны, как, например, сельджукское нашествие на Переднюю Азию, с переселением целого народа; подавляющее большинство монголов осталось в Монголии, куда вернулся и сын Чингисхана и где после него еще более тридцати лет было местопребывание его преемников. В области государственного права был перенесен господствовавший в частном праве принцип, по которому отец при жизни выделял одного за другим старших сыновей и оставлял свое основное имущество младшему сыну; поэтому коренной юрт Чингисхана, Монголия, перешел к его младшему сыну Тулюю^[132]. Монгольская регулярная армия состояла из 129000 человек, из которых Тулуй получил 101 000; эти цифры наглядно показывают, как ничтожно было число ушедших в другие страны монголов по сравнению с оставшимися в Монголии.

Обширные завоевания к западу от Монголии были поделены между тремя старшими сыновьями Чингисхана, причем каждый из них получил из регулярной армии всего 4000 человек (остальные были розданы другим членам ханского рода). Границы владений каждого сына были определены только в самых общих чертах. Как к младшему сыну должен был перейти отцовский юрт, так старший сын, Джучи, должен был получить самые отдаленные из завоеванных земель; поэтому удел Джучи по мере успехов Чингисхана все более передвигался на запад. В то время, когда Чингисхан владел только Монголией, уделом Джучи были земли к западу от Селенги; во время побед на западе предполагалось, что в состав удела Джучи войдут земли «до тех пределов, до которых дойдут копыта монгольских коней». При жизни Чингисхана сюда вошли кипчакские степи к западу от Иртыша, в том числе и та местность, где были истреблены остатки мергитов, до границ царства волжских болгар. После смерти Чингисхана в состав владений потомков Джучи вошли также это царство и все русские княжества (вторжение монголов в Польшу, Венгрию и другие западноевропейские области не привело, несмотря на целый ряд побед, к прочным

завоеваниям). Потомками Джучи предъявлялись также притязания на земли к югу от Кавказа и к западу от Каспийского моря; эти притязания были одной из причин частых войн между потомками Джучи и тем государством, которое в 1250-х годах было образовано монголами в Персии.

Во время действий во владениях кара-китаев и хорезмшаха, от Иртыша и на запад до Амударьи и дальше, о присоединении этих земель к владениям Джучи не говорится, за исключением городов по нижнему течению Сырдарьи и Хорезма. Именно потому, что Хорезм должен был войти в состав его владений, Джучи в 1221 году старался, хотя и безуспешно, спасти Ургенч от угрожавшего ему разорения.

Большой интерес представляет факт объединения под одной государственной властью бассейна Волги и низовьев Амударьи, между которыми и прежде была тесная культурная связь, но которые никогда, ни раньше, ни после (до завоевания Туркестана русскими), не входили в состав одного и того же государства. В первой половине XIV века Хорезм был даже теснее связан с бассейном Волги, чем с местностью по Сырдарье; при хане Узбеке монеты с именем этого хана одинаково чеканились в городах бассейна Волги и в Хорезме, тогда как в Сугнаке в это время чеканились монеты с именем другого хана, хотя тоже происходившего из рода Джучи. В состав владений Джучи и его дома первоначально входили также северные окраины империи кара-китаев: часть Джетысуйской области с городом Каялыком и вообще вся местность от Иртыша к озеру Ала-куль и дальше к Или и Сырдарье. Во время путешествия Плано Карпини^[133] в 1246 году в восточной части этого района, вероятно недалеко от Иртыша, жил старший сын Джучи — Орда^[134]; западная часть, вероятно область между Или и Сырдарьей, принадлежала младшему сыну Джучи — Шибану^[135]; мусульманским преданием это имя впоследствии было переделано в Шейбан, вследствие чего в начале XVI века потомок Шибана, основатель узбекского государства в Туркестане, принял поэтическое прозвище Шейбани^[136], совпадающее с названием арабского племени, более известным как прозвище (нисба) знаменитого факиха^[137] ханифитского толка, ученика Абу Ханифы^[138] и Абу Юсуфа^[139]. Очень вероятно, что это популярное в мусульманском мире имя было причиной переделки имени Шибан в Шейбан и появления имени Шейбани.

По преданию, приведенному у Абулгази^[140], Шибан получил от своего брата Батыя^[141] земли между владениями самого Батыя и владениями Орды, с тем чтобы он проводил лето на берегах Иргиза, Ори, Илека и вообще к востоку от Яика и Уральских гор, зиму — в Каракуме, на берегах Сырдарьи, Чу и Сары-су.

Абулгази — поздний автор (XVII век) и не называет своих источников; но, в общем, его известия находятся в согласии со словами современника Орды, Батыя и Шибана — Плано Карпини. Владения Шибана оставались до XV века в руках его потомков, генеалогия которых приводится, без особенно значительных разногласий, у Абулгази и у анонимного историка XV века, автора генеалогического сочинения «Му-изз аль-ансаб» («Прославляющее генеалогии»). Из всех частей, на которые распались владения Джучи, во владениях потомков Шибана более всего преобладала кочевая жизнь; тем не менее здесь в течение более 200 лет власть оставалась в руках членов одного и того же ханского рода — явление довольно редкое у кочевников. Менее всего затронутые городской культурой, потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников и потому могли выступать в роли завоевателей в такое время, когда могущество династии Чингисхана почти везде пришло в полный упадок.

Вместе с некоторыми другими аналогичными фактами этот факт говорит против мнения Радлова, объясняющего продолжительность существования Монгольской империи, сравнительно с другими кочевыми государствами, только тем, что в состав этой империи вошло много значительных государств оседлых народов и потому она распалась не на союзы кочевых племен, но на культурные государства, стоявшие под властью потомков Чингисхана: Китай, Среднюю Азию, Персию и т. п. На самом деле господство потомков Чингисхана оказалось прочнее всего там, где они менее всего могли опираться на государственные традиции домонгольского периода — в кипчакских степях, в бассейне Волги и в Крыму. По-видимому, для прочности государственного порядка созданная гением Чингисхана военная организация имела не меньше значения, чем те советы в области гражданского управления, которые могли быть получены от представителей оседлой культуры.

Последние были, конечно, склонны преувеличивать то влияние, которое они имели на ханов, и благодетельные последствия этого влияния. В особенности это относится к китайцам, не признававшим культуры, кроме своей собственной, и представлявшим себе прогресс только в виде усвоения начал китайской культуры. Этим объясняется та роль, которую приписывают китайские известия министру Елюй Чу-цаю^[142], китайцу по образованию, но не по происхождению (он был из кара-китаев). Из китайских источников можно было бы вывести заключение, что Елюй Чу-цай был истинным устройтелем Монгольской империи; взгляд китайцев, несмотря на полное отсутствие сведений о Елюй Чу-цае в некитайских источниках, был принят и европейским издателем Рашид ад-дина Блоше^[143]; по его представлению только Елюй Чу-цай объяснил монгольским ханам, что нельзя ограничиваться избиением и порабощением населения культурных стран. Влиянию Елюй Чу-цай и вообще представителей китайской культуры, по словам Блоше, не подверглось только государство Джучи, и потому оно осталось погруженным в «невыразимое варварство»^[32].

На самом деле западная часть владений Джучи, где правил его второй сын Батый (Бату), считавшийся также верховным владыкою всего удела своего отца, достигла при монголах значительной степени культуры. Довольствуясь взиманием дани с русских князей и назначением при них, в первое время, своих представителей, монголы поселились в уничтоженном ими государстве волжских болгар. При возвращении из Руси к Чингисхану в 1223 году монголы были окружены болгарами и должны были проложить себе путь с большими потерями; за это они отомстили в 1236 году, когда им удалось завоевать государство болгар и разрушить их столицу. Разрушенный город скоро был восстановлен; все постройки и надписи, сохранившиеся в нем теперь, относятся к эпохе монгольского владычества. Город Болгар был некоторое время единственным во владениях дома Джучи, где чеканились монеты монгольских ханов. Из надписей видно, что население еще в начале XIV века сохраняло свой прежний, домонгольский язык, остатком которого является теперь чувашский; но постепенно оно должно было подвергнуться влиянию тюркского языка кипчаков, сделавшегося государственным языком и здесь, как в монгольской Средней Азии. Города, основанные в XIV веке на среднем течении Волги при монголах, как Казань, по всей вероятности, с самого начала были чисто тюркскими. На нижнем течении Волги новые города устраивались уже при Батые. Монах Рубрук на пути в Монголию в 1253 году видел на Волге «новый поселок, который татары устроили вперемешку из русских и сарацин (мусульман), перевозящих послов как направляющихся ко двору Батыя, так и возвращающихся оттуда». Имеется в виду Укек близ Саратова. При возвращении из

Монголии, в 1254 году, Рубрук упоминает «новый город, построенный Батыем на Этиле» (Волге), — Сарай. Сам Рубрук проехал через Сарай, но говорит только, что «Сарай и дворец Батыея находились на восточном берегу»; ни город, ни дворец не описываются. Вблизи тех же мест, на среднем рукаве Волги, был какой-то город домонгольского периода Суммеркент; монголы будто бы осаждали этот город восемь лет.

Город Суммеркент не упоминается ни в каких других источниках; остается неизвестным, кому он принадлежал и можно ли отождествить его, как иногда предлагалось, с Саксином, городом, находившимся, по словам автора XII века Абу Хамида Гарнати^[144], в руках огузов. Местоположение Саксина также остается спорным, но чаще всего его искали при устье Яика или Волги (Саксин XII века в таком случае не имеет ничего общего с тем Саксином, который упоминается у Махмуда Кашгарского как болгарский город, тождественный с Суваром). Нигде, впрочем, не говорится, чтобы монголы встретили в Саксине продолжительное сопротивление.

Сарай — персидское слово, рано перешедшее к тюркам и встречающееся уже в «Кутадгу билик». При монголах так обыкновенно назывались ханские дворцы, и это же название переносилось на возникавшие около дворцов города. Так возникли селение Сарай на Амударье, выше Термеза, Сарай на Волге и Бахчисарай в Крыму. О местоположении приволжского Сарая в научной литературе были споры; в связи с упоминанием на монетах и в некоторых письменных источниках Нового Сарая обсуждался также вопрос, принадлежало ли название Сарай двум городам или только одному. Судя по данным Рубрука, первоначальный Сарай, построенный Батыем, находился там, где теперь развалины вокруг селения Селитренного; другой Сарай, связывавшийся с именем брата Батыея, Берке^[145], находился на месте Царева (ныне Ленинск) и имел, судя по сохранившимся там развалинам и по сделанным во время раскопок находкам, гораздо большее значение в истории. Делаются попытки доказать, что на месте Селитренного находился не только Сарай Батыея, но и Сарай Берке и что Новый Сарай на месте Царева возник только при Узбеке и получил дальнейшее развитие при Джанибеке; между тем в источниках Сараем Берке называется именно Сарай, существовавший при Узбеке. До нас дошла монета, чеканенная в Новом Сарае в 710/1310–1311 году, до воцарения Узбека; кроме того, в Константинополе имеется рукопись богословского сочинения, написанного в Новом Сарае в 705 / 1305–1306 году. Эпитет «новый» встречается на монетах в эпоху монгольского владычества в Южной России при таком большом числе городов, что трудно предположить, что во всех этих случаях были два города, старый и новый, носившие одно и то же имя; гораздо более вероятно, что при расширении города новые кварталы рассматривались как «новый город».

В противоположность восточным областям владений Джучи, в государстве преемников Батыея и Берке все более развивалась городская жизнь. Мы видим целый ряд городов, в которых чеканились монеты; особенно замечательно, что каждый город выработал свой тип монеты. Ценность монеты была приблизительно одинакова, и в этом отношении мы видим в монгольский период больше единообразия, чем когда-либо раньше или после. Во всех государствах, образованных монголами, кроме Китая, постепенно установилась серебряная монетная система, причем большие серебряные монеты назывались динарами, мелкие — дирхемами; динар равнялся шести дирхемам. В государстве потомков Джучи для дирхема был установлен вес 1/3 золотника (мискаль), и этот же вес был потом принят в Средней Азии и в Персии, в чем особенно наглядно проявляется то значение, которое имели в то время для международной торговли области государства потомков Джучи, в особенности

Хорезм. Но по отношению к внешнему виду монет, характеру надписей, внешней форме букв, орнаменту и т. п. в каждом городе были свои традиции. В связи с этим возникает вопрос, насколько по культурной жизни отдельных городов можно судить о культурном состоянии государства потомков Джучи в целом. На основании находок, сделанных в Сараях и в других местах, стали говорить о культуре Золотой Орды, как называется государство Батыея в русских летописях (в восточных источниках этого названия, насколько мне известно, нет) и даже о культуре татарского народа. Потребуется, вероятно, еще продолжительные исследования, прежде чем можно будет сказать с уверенностью, какая национальность преобладала в том или другом городе или местности и как произошла культурная эволюция, окончившаяся победой ислама и тюркского языка.

Монгольский элемент не мог быть в Золотой Орде значителен, и преобладание тюркского языка, вероятно, установилось довольно скоро, особенно с тех пор, как прекратилась связь Золотой Орды с Монголией. Батый и при его жизни Берке еще принимали участие в решении дел, касавшихся всей империи, и ездили для этого в Монголию. Рубрук в 1253 году говорит о разделении всей империи на области влияния Батыея и жившего в Монголии императора Мункэ^[146]; граница между этими областями проходила между реками Талас и Чу. Мусульманские авторы тоже говорят о подчинении власти Батыея и потом Берке городов Мавераннахра; только после 1260 года в Средней Азии утвердилась власть Алгуя^[147], потомка второго сына Чингисхана, Чагатая, и даже распространилась на некоторые области, с самого начала входившие в состав Золотой Орды; Алгуй занял Хорезм, через несколько лет отнял у Берке и разрушил город Отрар. Эти области потом снова вошли в состав Золотой Орды, но дальше к востоку власть золотоордынских ханов не простиралась; уже в царствование Берке (1257–1266) золотоордынский хан из второго лица в Монгольской империи сделался владельцем самостоятельного государства, хотя только следующий хан, Менгу-Тимур^[148] (1266–1280), стал чеканить монеты со своим именем. Номинально золотоордынскому хану подчинялись все другие ханы из дома Джучи, в том числе потомки Орды и Шибана, но это подчинение не имело действительного значения. Некоторые историки называют Золотую Орду Синей, владения потомков Орды — Белой, причем употребляются не монгольские слова, а тюркские — *кок* и *ак*. Однако в некоторых источниках термин «Синяя орда» прилагается к владениям потомков Орды; один анонимный историк начала XV века даже утверждает, будто деление на орды Белую (восточную) и Синюю (западную) образовалось только при хане Тохте^[149] (1291–1312; настоящая монгольская форма этого имени, как видно из письма монгольского хана Персии французскому королю в 1305 году — Тогтага) после борьбы между ним и мятежным царевичем Ногаем^[150] (Ногай был убит в 1300 году); по этому источнику, ханы Белой орды были потомками Ногаем, что совершенно не соответствует действительности и показывает, как неверно представляли себе уже в XV веке в Персии (где писал аноним) историю потомков Джучи. Абулгази называет Белой ордой владения Шибана. Если не принимать в расчет владений потомков Орды и Шибана, то Золотая Орда с самого начала была более сплоченным государством, чем владения других потомков Чингисхана. В отдельных местах были царевичи, имевшие свои орды и располагавшие особыми военными отрядами, хотя и признававшие над собой власть хана; о торговом городе Судак в Крыму один из египетских авторов говорит, что доходы его делились между четырьмя татарскими царями; но никаких всемогущих династий домонгольского происхождения на всем пространстве Золотой Орды от Дуная до Хорезма и низовьев Сырдарьи не было.

Монголы принесли с собой в Золотую Орду, как всюду, уйгурскую письменность, которая до них в стране едва ли была известна. До нас дошли написанные уйгурскими буквами золотоордынские ярлыки конца XIV века; к этому же периоду относятся последние монеты хана Тохтамыша, где уйгурскими буквами написано имя хана. Эти монеты показывают, что имя хана иногда произносилось монголами, вероятно и некоторыми тюрками, иначе, чем оно писалось арабским шрифтом; так, имя хана Джанибека (1341–1357) писалось уйгурскими буквами *Чамбек*. По словам Абулгази, монгольский язык даже в XV веке еще не вполне вышел из употребления, но доказательств этого нет. Монет с монгольскими надписями в Золотой Орде не было, тогда как встречаются монеты с тюркской надписью *кутлуг болсун*, хотя только анонимные и, вероятно, поздние. Ибн Баттута, посетивший орду хана Узбека, слышал там только тюркские слова; так, среди женщин придворного штата упоминаются *улу хатун* и *куну к хатун*, то есть большая и малая *хатун*. Сам же хан называл своего духовного наставника из сейидов тюркским словом *ата* — «отец». Тюркский язык употреблялся и в мусульманском богослужении; в городе Азаке в присутствии Ибн Баттуты проповедник произнес проповедь по-арабски, молясь за султана (то есть хана Узбека), за эмира (эмир Азака был по происхождению хорезмиец) и за присутствующих, потом он же перевел свою речь на тюркский язык. Правда, это происходило не в мечети, а на пиру; после чтения Корана пели песни, сначала по-арабски, потом по-персидски и по-тюркски. Ибн Баттута прибавляет, что арабские песни назывались «разноцветными», «пестрыми»; так впоследствии называлась речь, в которой арабские слова смешивались с персидскими и тюркскими.

Распространение ислама, может быть, было больше связано с влиянием тюрок Хорезма и Средней Азии, чем с влиянием волжских болгар. Местные тюрки, кипчаки, еще в домонгольский период подвергались влиянию христианства с двух сторон, из Руси и Западной Европы; что эта пропаганда продолжалась и в монгольский период, видно из относящегося к концу XIII века команского (кипчакского) словаря, где приводятся в переводе на тюркский язык тексты Евангелия и католические гимны (так называемый *Codex Comanicus*)^[33]. Перевод сделан очень удачно и свидетельствует о хорошем знании языка миссионерами. Ибн Баттута видел кипчаков-христиан в Крыму, между Керчью и Кафой. В Крыму были и местные христиане других национальностей. В начале 1382 года в Каире умер Анас, отец будущего султана Барку-ка^[151], черкес, происходивший из Крыма; о нем говорится, что он прежде был христианином, потом принял ислам. Он и в Египте не научился хорошо говорить ни по-арабски, ни по-тюркски и говорил только по-черкесски, так что при нем должен был быть переводчик.

Под влиянием культурного превосходства в то время мусульманского мира ислам принимали представители и таких народностей, где традиции христианства были продолжительнее и прочнее, чем среди кипчаков. Аланы, или асы, всегда, в том числе у Рубрука, описываются как христиане; между тем Ибн Баттута видел в Сарае асов-мусульман. Насильственных мер для обращения христиан в мусульманство не принималось; христианское духовенство наравне с мусульманским освобождалось от податей; в самом Сарае в 1261 году, в царствование хана-мусульманина Берке, была основана православная епархия.

О принятии Берке ислама есть разные известия; так, по Абулгази, он был обращен в мусульманство, уже будучи ханом, двумя купцами, прибывшими с караваном из Бухары; по другим известиям, он еще до вступления на престол подвергся влиянию мусульманских

шейхов в Ходженте или в Бухаре (называют знаменитого Сейф ад-дина Бахарзи^[152], умершего в 1261 году); на Берке даже была перенесена легенда, рассказанная у Рашид ад-дина об Огуз-хане, об отказе пить молоко матери-язычницы. Из рассказа Рубрука видно, что Берке был мусульманином еще при жизни Батыея, в 1253 году, и в его орде не употреблялось свиное мясо. Орда Берке находилась тогда между Дербентом и Волгой, где, по словам Рубрука, «лежал путь всех сарацин (мусульман), едущих из Персии и Турции»; направляясь к Батью, они привозили дары Берке. Рубрук прибавляет, что в 1254 году Батый велел Берке переселиться в местность к востоку от Волги, не желая, чтобы Берке доставалась часть даров, привозившихся послами. На почве общей вражды с персидскими монголами Берке впоследствии сблизился с египетскими султанами и принимал несколько египетских посольств, которым мы обязаны подробным описанием орды Берке и его наружности. Мусульманином был не только сам хан, но и его жены и приближенные; у каждой из его жен и у каждого эмира были имам и муэдзин; были школы, где детей учили читать Коран; и в то же время языческие обычаи соблюдались с такой же строгостью, как в Монголии, в том числе и обычай, более всего находящийся в противоречии с требованиями ислама: не употреблять речной воды для мытья. Египетских послов предупредили, чтобы они «не мыли платья в орде, а если уж случится мыть его, то делать это тайком». В большей степени должны были усвоить мусульманскую культуру те из современников Берке, которые прибыли из Золотой Орды в Египет.

Известно, что Берке выдал свою дочь за султана Бейбарса^[153] (1260–1277); от этого брака родился первый преемник Бейбарса, Саид-хан Мухаммед^[154], которого называли также Насир ад-дин Берке-хан; очевидно, он кроме мусульманского имени носил монгольское. Египетский историк Кутуби^[155] относит его рождение к 658 году хиджры (1260 год), что едва ли возможно; сношения между Берке и египетским правительством начались только в 1262 году. В апреле 1279 года молодой султан вместе со своей матерью, дочерью Берке-хана, прибыл в Дамаск. Вскоре после этого в Сирии произошло восстание; султан послал свою мать уговаривать мятежников; при ее приближении вельможи вышли ей навстречу, поцеловали землю перед ее носилками и разложили под копытами мулов ткани согласно обычаю. Переговоры, по вине приближенных царицы, кончились безуспешно; султан отправил свою мать в крепость Карак и потом сам был сослан туда же.

По словам Кутуби, он отличался щедростью и милосердием и был чужд жестокости; его щедрость проявилась и в Караке, что вызвало подозрение его тестя Калауна^[156], к которому перешла власть. В марте 1280 года султан умер, причем полагали, что он был отравлен по приказу Калауна; его жена Газия-хатун, дочь Калауна, не переставала плакать о нем до своей смерти (она прожила до 1288 года). В 1281 году мать султана привезла тело своего сына в Дамаск, где оно было похоронено в мавзолее Бейбарса.

Египетские послы, бывшие в орде Берке, вполне определенно говорят, что у хана не было сына, а были только дочери; между тем, по Кутуби, в феврале 1280 года умер в Каире дядя султана со стороны матери, эмир Бадр ад-дин Мухаммед, сын Берке-хана^[157]; говорится, что он писал арабские стихи, составившие два тома; кроме того, ему приписывается целый ряд богословских сочинений, в том числе толкование Корана. Он умер в Каире скоропостижно (упал с высокого места), не достигнув пятидесяти лет.

После смерти Берке в Золотой Орде снова правили ханы-язычники; окончательное утверждение ислама произошло только при Узбеке (1312 или 1313–1340). По Ибн Баттуте, наставником Узбека был один из сейидов^[158], Абд аль-Хамид. Есть рассказ, по которому

Узбека обращал в ислам и дал ему имя Султан Мухаммед Узбек-хан, туркестанский шейх Сей-ид-Ата (его собственное имя было Ахмад), ученик похороненного близ Ташкента мусульманского святого Зенги-Ата; это будто бы произошло в 720 году хиджры, в год Курицы (1321 год). При этом рассказывается легенда, как святой потом увел народ Узбек-хана в Мавераннахр, где он по имени хана стал называться узбеками, тогда как не послушавшиеся шейха и оставшиеся в Туркестане получили название «калмак» (будто бы от глагола *калмак* — «оставаться»). Эта легенда, конечно, фантастичная, но народное название узбеков производят от имени Узбек-хана и другие источники, в том числе Абулгази; по аналогичным примерам эту этимологию, по-видимому, надо признать правильной, вместо принятого многими учеными, в том числе Радловым, толкования *öz beg* в смысле «сам себе господин». Историки XV века часто называют государство, или улус, потомков Джучи улусом Узбека; в Средней Азии впоследствии слову «узбек», как народному названию, противопоставлялось слово «чага-тай», как, по имени второго сына Чингисхана, назывались составлявшие военную силу местных ханов кочевники Туркестана.

Среднеазиатские шейхи оказывали влияние на золотоордынских ханов и после принятия ими ислама. В 1360-х годах в Сарае некоторое время правил Азиз-хан^[159] (на монетах Азиз-шейх); хан вел развратный образ жизни, за что подвергся упрекам другого Сейид-Ата, именно сейида Махмуда Ясеви, потомка Ахмада Ясеви. Хан послушался сейида, выдал за него свою дочь и выразил раскаяние, но через три года вернулся к прежнему образу жизни и был убит.

В первой половине XV века, по-видимому, все воинское население улуса Узбека рассматривалось как один народ; по мере распада Золотой Орды и утраты самостоятельности отдельными ее частями слово «узбек» как народное и государственное название совершенно исчезло из употребления в Южной России и осталось только за теми племенами, которые перешли в Туркестан. Русские всегда продолжали называть население Золотой Орды татарами, как в то время, когда государственным языком был монгольский, так и после отюречения всей страны. «Татарскими» были все ханства, с которыми имели дело русские в XV и XVI веках, — Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское. Из этих ханств дольше всего, как известно, существовало Крымское, и здесь, казалось, прочнее всего установился термин *татары*; так называли крымцев, кроме русских, и турки-османы, подчинившие себе Крым в 1475 году. Известно, что теперь именно крымцы отказываются от названия татар и называют себя турками, тогда как на Волге местная интеллигенция, после некоторых споров, приняла слово *татар* как название своего народа. Русские некоторое время употребляли название «татары» очень широко; еще Радлов иногда называл татарами узбеков и вообще говорящих по-тюркски жителей Средней Азии. С тех пор этому названию старались придать более определенное значение, но и теперь едва ли можно считать установленными этнографические и лингвистические признаки татарской народности среди других тюркских народов.

В XV и в особенности XVI веке упоминается, кроме татар, еще народ ногайцы, составлявший не только этнографическую, но и политическую единицу и имевший своих князей; центром ногайцев тогда был город Сарайчик (то есть Малый Сарай) при устье Яика, место погребения золотоордынских ханов. Начиная с Абулгази, Сарайчик часто смешивали с Сараем; в русской науке тоже была сделана попытка отождествить Сарайчик с Новым Сараем. Политическому значению ногайцев здесь положило конец образование во второй половине XVI века яицкого казачьего войска, сначала независимого от Москвы, а в XVII веке

подчинившегося московским царям. Замечательно, что термин «ногайцы» употребляли в то время только русские; в восточных источниках, в том числе у Абулгази, ногайцы называются мангытами, по имени одного из отюреченных монгольских народов. Теперь, наоборот, слово «ногай» употребляется в Средней Азии в более широком значении, чем в России, и ногаями там называют и волжских татар. В Южной России, наоборот, слово «но-гай» употребляется в Среднем Крыму и на Северном Кавказе, причем диалект ногайцев, как народности, образовавшейся уже в монгольский период, отличают от более старых и более близких языку домонгольских кипчаков диалектов кумыков, карачаевцев и балкарцев.

Еще менее выяснен до сих пор вопрос, как сложилась в XIII и XIV веках этнографическая и политическая жизнь тюрков и отюреченных монголов в Средней Азии. К этому вопросу мы обратимся в следующей лекции.

Лекция X

Если золотоордынские ханы, по отдаленности их владений от Монголии, с самого начала были до некоторой степени самостоятельными государями, то гораздо менее определенным было политическое устройство завоеванных монголами областей Туркестана и вообще Средней Азии. Несомненно, что Чингисхан хотел предоставить свои завоевания к западу от Монголии своим трем старшим сыновьям и что все три царевича осуществляли свои права еще при жизни своего отца; но совершенно неясен вопрос как о границах владений каждого из них, так и об объеме их прав по сравнению с правами главы империи. Несмотря на обширность империи, орды всех трех царевичей находились сравнительно близко одна от другой. Орда Джучи находилась на Верхнем Иртыше, и там же он, по более ранним источникам, был похоронен, хотя впоследствии его могилу показывали гораздо западнее, на Сары-су, во владениях Шибана, что было бы более согласно с монгольским обычаем, по которому орда отца переходила к младшему сыну; на Иртыше после Джучи жил его старший сын, Орда. Несколько южнее, на берегу реки Эмиль, впадающей в Ала-куль, была орда третьего царевича, впоследствии императора, Угэдэя^[160]; место погребения Угэдэя было, по словам Рашид ад-дина, на высокой горе в двух днях пути от Иртыша, откуда вытекал один из притоков этой реки. Китайский отшельник Чанчунь^[161], проезжавший здесь в 1221 году, упоминает о дороге через Алтай, проведенной во время прохода монгольского войска по приказу Угэдэя, из чего можно заключить, что Угэдэй при жизни своего отца считался владельцем и этой местности. Точного определения границ владений Угэдэя мы не находим ни в одном из источников; Джувейни говорит только, что юрт Угэдэя при жизни его отца находился «в пределах Эмиля и Кобука»; известно, что эти две реки вытекают приблизительно в одном и том же месте и текут одна на запад, другая на восток.

Гораздо определеннее говорится у того же Джувейни об орде и владениях второго царевича, Чагатая; его орда была «в месте Куяш, по соседству с Алмалыком»; его владения простирались «от границ области уйгуров до Самарканда и Бухары». По словам Чанчуна, Чагатай первым провел дорогу мимо озера Сайрам и через перевал Талки; он же в 1222 году восстановил разрушенные во время войны мосты на Амударье. О местоположении Куяша и орды Чагатая мы знаем по другим источникам, что они находились в Кульджинском крае, к югу от реки Или; мы видели, что Куяш (как Куяс) упоминается уже у Махмуда Кашгарского как город, расположенный «за Барсханом»; в другом месте сказано, что название Каяс, или

Куяс, носит вся область тухсийцев и чигилей, причем были три крепости с этим названием: Саблыг-Куяс, Урунг-Куяс и Кара-Куяс. Орда Чагатая и его ближайших потомков упоминается у Джувейни также под тюркским названием «Улуг-Ив», то есть «Большой дом»; появление тюркского названия для орды монгольского хана в такой ранний период представляет интерес. О месте погребения Чагатая и его потомков нет никаких сведений.

Таким образом, орды трех старших сыновей Чингисхана находились сравнительно на небольшом пространстве от Верхнего Иртыша до местности к югу от Или. Уже из этого видно, что на эти орды нельзя смотреть как на столицы трех отдельных государств. Особенно неясным остается положение владений Чагатая и Угэдэя по отношению к Монголии.

После смерти Чингисхана Угэдэй был избран императором и переехал в Монголию, где построил город Каракорум и несколько дворцов как в самом городе, так и в его окрестностях и где, очевидно, осуществлял все права государя, не считаясь с правами Тулуя как наследника отцовского юрта, то есть Монголии. Несмотря на подчинение Чагатаю земель до Самарканда и Бухары, Мавераннахром управлял Махмуд Ялавач, живший в Ходженте и назначенный не Чагатаем, а Угэдэем; таково было положение еще в 636 / 1238–1239 году, во время народного, преимущественно крестьянского восстания против монголов в Бухаре. Вскоре после этого Чагатай, не посоветовавшись с братом, низложил Махмуда и назначил вместо него другого наместника. Когда Махмуд пожаловался Угэдэю, Чагатай в ответ на запрос послал брату извинительное письмо. Угэдэй удовлетворился этим, утвердил распоряжение Чагатая и пожаловал Махмуду Мавераннахр во владение (употреблен монгольский термин *инджу*^[162]). Можно было бы думать, что после того Мавераннахром будут управлять наместники по назначению Чагатая; между тем еще при Угэдэе, по словам Рашид ад-дина, наместником Кара-Ходжа и Бешбалька (то есть Уйгуристана, Хотана, Кашгара, Алмалыка, Каялыка), Самарканда и Бухары до берега Джейхуна был назначен, опять-таки Угэдэем, Масуд-бек, сын Махмуда Ялавача (сам Махмуд Ялавач был назначен губернатором Пекина и в этой должности умер в 1254 году). Персидский историк Джузджани не мог представить себе таких государственных порядков и потому ошибочно называет Масуд-бека министром Чагатая. Мы имеем известия, что Масуд-бек осуществлял права на всем обширном пространстве своего наместничества, от Бешбалька до Самарканда и Бухары; особое предпочтение им было оказано Бухаре, где им было построено обширное медресе Масудийе; это здание было разрушено в 1273 году персидскими монголами, но потом восстановлено, и в 1289 году в нем был похоронен его строитель. Другое Масудийе было построено им в Кашгаре, куда в начале XIV века перенес свое местопребывание третий сын Масуд-бека. Замечательно, что мусульманский купец-хорезмиец мог сохранить свою власть при политических переменах, происшедших при его жизни в Средней Азии, и передать ее своим сыновьям.

Одной из причин смут в Монгольской империи было отсутствие закона о престолонаследии. После смерти каждого хана подвергался долгому обсуждению вопрос о его преемнике; требовалось признание его всеми членами ханского рода и торжественное возведение его на престол при их участии, для чего созывался курултай; воля предшествующего хана принималась во внимание, но не связывала безусловно царевичей. Между смертью хана и курултаем, на котором происходило восшествие на престол его преемника, проходило несколько лет; правительницей в это время считалась вдова умершего, но ее власть признавалась не всеми, и многие царевичи произвольно

распоряжались в своих областях, не считаясь с правами главы империи.

Таким смутным периодом был уже период после смерти Угэдэя (1241 год) и до возведения на престол (вопреки воле умершего, назначившего другого наследника) его сына Гуюка^[163] (1246 год). Среди прочих в это время почувствовал себя небезопасным в своем наместничестве Масуд-бек и ушел к Батью; но еще до избрания Гуюка он вернулся, и, как наместник, явился на курултай 1246 года. Гуюк утвердил его наместником «Мавераннахра, Туркестана и других областей».

Гуюк умер в 1248 году; после него престол перешел к потомству другого сына Чингисхана, Тулуя, и в 1251 году был провозглашен главой империи старший сын Тулуя, Мункэ. Тотчас после его вступления на престол возникло дело о действительном или мнимом заговоре против него многих царевичей из рода Чагатая и Угэдэя; обвиненные в заговоре царевичи частью были казнены, частью подвергнуты изгнанию; произошел почти полный разгром улусов Чагатая и Угэдэя. Формально эти улусы не были уничтожены; вдова Гуюка осталась в его орде в Эмиле, вдова Кара-Хулагу^[164], внука Чагатая, Эргэнэ-хатун^[165], осталась владельницей орды Чагатая; но в действительности вся власть перешла к домам Тулуя и Джучи, а Мункэ-хан в 1253 году говорил Рубруку: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Батья». По словам Рубрука, граница между сферами влияния Мункэ и Батья проходила к востоку от Таласа, так что часть земель улуса Джучи входила в сферу влияния Мункэ.

О действиях Масуд-бека во время смутного периода и заговора сведений нет; говорится только, что жизнь его подвергалась опасности из-за его привязанности к Мункэ. После установления порядка границы наместничества Масуд-бека были еще более расширены: ему были подчинены Мавераннахр, Туркестан, Отрар, область уйгуров, Хотан, Кашгар, Дженд, Хорезм и Фергана. Осенью 1253 года из Монголии выступил с войском брат Мункэ, Хулагу^[166], которому было суждено завоевать Багдад, уничтожить династию аббасидских халифов и образовать новое монгольское государство в Передней Азии. Войско Хулагу, как прежде Чингисхана, двигалось медленно и только в начале 1256 года переправилось через Амударью. В 1254 году его встретила в Алмалыке и Улуг-Иве Эргэнэ-хатун; около 1255 года оно провело сорок дней в окрестностях Самарканда, где его угощал Масуд-бек.

После смерти Мункэ-хана (1259 год) положение снова изменилось. Произошла борьба за престол между его братьями Хубилаем^[167] и Ариг-Букой^[168]; первый был провозглашен великим ханом в Китае, второй — в Монголии. Вследствие этого прекратился подвоз хлеба из Китая, в котором нуждалась Монголия; Ариг-Бука решил отправить на запад чагатайского царевича Алгуя, чтобы устроить подвоз провианта и необходимых товаров, в том числе оружия, из Туркестана. Алгуй быстро подчинил своей власти все бывшие области Чагатайского улуса, даже захватил Хорезм, входивший в состав улуса Джучи, но, разумеется, сделал все это для себя и не думал выполнять поручений Ариг-Буки. Эргэнэ-хатун отправилась к Ариг-Буке с жалобой на Алгуя; туда же, вероятно, уехал и Масуд-бек. Ариг-Бука потом вступил в борьбу с Алгуюем, но после некоторых успехов потерпел поражение. Покидая Туркестан, он послал к Алгую Эргэнэ и Масуд-бека; Алгуй женился на Эргэнэ и послал Масуд-бека наместником в Самарканд и Бухару. С помощью денег, собранных Масуд-беком, Алгуй до своей смерти, последовавшей, вероятно, в 1265 году, успел еще завоевать Отрар, входивший в состав владений Берке.

После смерти Алгуя чагатайским ханом был провозглашен на берегу Ангрена сын Эргэнэ от первого брака, Мубарек-шах^[169], мусульманин; у него потом отнял престол

посланный Хубилаем, одержавшим победу в Монголии, другой чагатайский царевич, Борак (Барак)^[170]; Борак, в свою очередь, должен был подчиниться Хайду^[171], внуку Угэдэя, сначала находившемуся в войске Ариг-Буки, потом, после его ухода, самостоятельно продолжавшему войну против Алгуя и его преемников. Хайду в 1269 году созвал курултай на берегу Таласа. Между прочим были приняты меры для защиты культурных земель от кочевников; царевичи обязались жить в горах и степях и не выпускать своих стад на пашни. Управление культурными областями было поручено тому же Масуд-беку. Он и его два старших сына получили назначение от Хайду, третий сын Масуд-бека — от сына и преемника Хайду Ча-пара^[172], возведенного на престол в местности около Эмиля в 1303 году.

Местопребыванием Хайду и его преемника оставалась местность, с самого начала принадлежавшая Угэдэю, хотя место погребения Хайду находилось в горах между Чу и Или. Несмотря на то что верховная власть принадлежала потомкам Угэдэя, возводились на престол и чагатайские ханы; дольше всего (1282–1306) ханом был сын Борака — Тува^[173], переживший Хайду. Нет никаких известий о том, были ли установлены границы между улусами Угэдэя и Чагатая.

Даже вопрос о границах в Средней Азии между улусами четырех сыновей Чингисхана в это время остается неясным. На севере в состав улуса Тулуя, по-видимому еще в первой половине XIII века, вошли некоторые земли, причислявшиеся прежде к владениям Джучи, в том числе земля киргизов. Об этом ясно говорится в истории Хубилая; кроме того, мы имеем у Абулгази интересный рассказ, правда не подтверждаемый никакими другими источниками, о походе монголов из страны киргизов к устью Енисея, в страну Алакчин. Поход был произведен по распоряжению вдовы Тулуя, царицы Сорхахтани^[174], следовательно, в промежуток времени между смертью Тулуя (1233 год) и смертью царицы (в феврале 1252 года). На северо-западе владения Хубилая, по-видимому, доходили до Иртыша. Есть известие, что граница между владениями Хубилая и Хайду проходила близ Каялыка, но с этим трудно было бы привести в согласие известие о возведении на престол Чапара в местности около Эмиля.

При описании областей нынешнего Китайского Туркестана Марко Поло причисляет к владениям Хубилая Хотан и области к востоку от него; но тут же сказано, что земли «от Кашгара досюда и еще далее принадлежат к Великой Турции», как называется у самого Марко Поло государство Хайду. О Яркенде определенно говорится, что он принадлежал племяннику великого хана, как Марко Поло называет по ошибке того же Хайду. Интересно известие Рашид ад-дина, что область уйгуров во время борьбы между Хубилаем и Хайду оставалась нейтральной; уйгуры старались поддерживать хорошие отношения с обеими сторонами. По-видимому, там все еще правила династия идикутов. Подчинившийся Чингисхану в 1209 году идикут Барчук принимал участие в походе 1218 году против Кучлука, потом в походе на государство хорезмшаха Мухаммеда и в последнем походе Чингисхана, на Тангут. Барчуку, умершему в царствование Угэдэя, наследовали один за другим три его сына; первый умер во время правления вдовы Угэдэя Туракины^[175] (1241–1246), второй был казнен в начале царствования Мункэ по обвинению в намерении убить в одну из пятниц в соборной мечети всех мусульман в Бешбальке; ему отрубил голову его брат, позже назначенный его преемником. Дальнейших сведений о династии идикутов, по-видимому, нет^[176].

Если государство великого хана несколько расширило свои пределы на счет государства Хайду, то государство среднеазиатских монголов при Хайду могло расширить свои пределы

на юг и на запад за счет государств потомков Хулагу и потомков Джучи. В государство Хайду входила северная часть Афганистана от Бадахшана до берегов Мургаба, где стоял с войском один из его 24 сыновей, Сарбан. Улус Джучи, по-видимому, постепенно лишился своих восточных окраин — областей к востоку от низовьев Сырдарьи, хотя точных сведений о том, где было во второй половине XIII века местопребывание потомков Орды, мы не имеем. По рассказу Рашид ад-дина, один из среднеазиатских монгольских отрядов на пути в орду Кончи, потомка Орды, проходил через Дженд и Узгенд, из чего можно заключить, что местопребывание Кончи было еще дальше к западу или северо-западу. Марко Поло помещает страну Кончи где-то далеко на север, где люди «живут как звери», где нет никакого хлеба и где в некоторых местностях вместо лошадей ездят на собаках. Кончи умер еще при жизни Хайду; власть перешла к его сыну Баяну, против которого выступил, с помощью Хайду, другой правнук Орды, Куйлюк; борьба между ними еще продолжалась во время составления труда Рашид ад-дина. Арабские историки, писавшие в Египте и Сирии, начиная с Абу-л-Фида^[176], говорят, что Кончи и его потомки правили в Газне и Бамиане; это известие, совершенно не подтвержденное более осведомленными персидскими авторами, вошло и в европейские книги. Арабские авторы, вероятно, смешали имя Кончи с именем Кули, сына Орды, принимавшего участие в завоевании Персии Хулагу; впоследствии он был казнен в Персии, его отряды во время борьбы между Хулагу и Берке ушли на восток, овладели Газной и Бамианом и там подчинились чагатайским царевичам.

Помимо разделения Средней Азии между членами ханского рода, здесь, в противоположность Золотой Орде, еще в начале XIV века был целый ряд местных династий домонгольского происхождения. Сведения о них мы находим частью у писавшего в начале XIV века Джемалья Карши, частью в надгробных надписях, исключительно на арабском языке. Все правители носят арабский титул *мелик*, как в домонгольский период назывались вассальные князья в Персии и Средней Азии; иногда к этому присоединяются более громкие титулы — «султан» и «хан». В одном из рассказов Джемалья Карши упоминается, со слов узгендского святого Бурхан ад-дина Кылыча, владетель Ферганы Ильчи Меликшах; в Узгенде сохранилась могила его сына и преемника, Сатылмыш Мелик-шаха, умершего в 665 / 1266–1267 году. Судя по их именам и титулам, все князья были тюркского происхождения; некоторые имена и титулы производят впечатление глубокой старины; так, в Аулие-Ата похоронен умерший в 1262 году местный князь Балыг Бульге Улуг Бильге Икбал-хан. Надписи сочинялись по-арабски учеными; Джемаль Карши приводит сочиненную им самим в Дженде арабскую надпись над могилой тюркского святого Кемаль ад-дина Хорезми Сугнаки, известного у туркмен под именем Шейх-Баба и умершего в Дженде в конце ноября 1273 года 85 лет от роду. Джемаль Карши приводит персидский перевод, также в стихах, арабского стиха над одной могилой на берегу Сырдарьи недалеко от Ходжента. Кроме того, приводятся персидские стихи в честь хотанского султана (не известно, какого времени) Мунмыш-тегина, где сказано: «Живи так долго, шах, чтобы сказал тюрк: очень старым стал Мунмыш-тегин».

О существовании в XIII веке вассальных династий свидетельствуют и чеканенные в разных городах Средней Азии (например, в Отраре) монеты; обыкновенно они чеканились от имени местного мелика, причем имя его не называется. Нет ни одной монеты, где бы находились имена Хайду, Тувы и других, тогда как в Золотой Орде монету со своим именем чеканил уже хан Менгу-Тимур. Нет никаких указаний, чтобы существовала граница между территорией, которая бы непосредственно управлялась ханами, и территорией, оставленной

прежним местным династиям.

В местности к северу от Или, несколько южнее Каялыка, Рубрук видел город с мусульманским населением, но говорившим не по-тюркски, а по-персидски; по всей вероятности, это были недавние переселенцы из южной части Мавераннахра. Вообще же городская жизнь в равнине к северу от Или уже находилась в полном упадке. Прежде там было много городов, но татары разрушили большую часть их, чтобы воспользоваться превосходными пастбищами этой местности; тут же Рубруком сказано, что земля большею частью занята туркменами. Трудно сказать, следует ли понимать эти слова Рубрука в смысле указания на определенный тюркский народ, носивший это имя, или под туркменами понимали и тогда, как теперь на Кавказе, особенно в арабской форме множественного числа, *теракиды*, наиболее отсталые элементы населения, особенно тюркского. На это указывают и слова Джемаля Карши о теракимах близ Барченда и Дженда, где тогда едва ли жили туркмены. Слова Рубрука об упадке культуры подтверждаются словами китайского современника Рубрука, Чан Дэ, проехавшего здесь в 1259 году^[177]. Чан Дэ говорит, что в местности, где прежде жили кара-китаи, было многочисленное население и много каналов, орошавших пашни; теперь же он видел здесь много развалин.

Нет основания связывать разрушение городов с политикой монгольских ханов или с установлением преобладания тюркской национальности. Мы видели, что ханы, в том числе Хайду, принимали меры для защиты земледельческой культуры от кочевников; кроме того, Хайду и Тува построили новый город в Фергане, Андижан, которому была суждена большая будущность, и этот новый город сделался тюркским по преимуществу; в начале XVI века в Андижане, по словам Бабура, не было никого, ни в городе, ни на базаре, кто бы не знал по-тюркски. В противоположность большей части городов монгольского периода, в этом случае ничего не говорится ни о ханских дворцах, ни вообще о местопребывании ханов. Хань, по видимому, построили этот город исключительно в интересах населения, а не для самих себя.

На интересах торговли и в связи с этим на городской жизни должны были крайне губительно отразиться рано начавшиеся в Монгольской империи смуты. Помимо других причин, эти смуты вызывались также разнообразием культурных элементов, оказывавших влияние на монголов; были примеры, что в одной и той же ханской семье одни сыновья получили христианское воспитание, другие — мусульманское. Представители различных культурных народов, покоренных монголами, постоянно интриговали в ханской орде друг против друга; то же самое относится к людям, соперничавшим между собою за власть в какой-нибудь одной стране. Исследователями русской истории доказано, что главной причиной гибели многих русских князей и вельмож в Золотой Орде были интриги против них других князей и вельмож; смертный приговор произносился и приводился в исполнение татарами, но они в этом случае были только орудием в руках врагов осужденных. Тот же самый вывод можно распространить и на другие страны, покоренные монголами. Только первый преемник Чингисхана, Угэдэй, умел стоять выше этих интриг и своими беспристрастными решениями восстанавливать мир среди враждовавших между собой царевичей и вельмож. Тотчас после его смерти началась эпоха жестоких казней в орде; десять лет спустя таким казням стали подвергаться в большом числе (единичные случаи были и раньше) члены ханского рода; еще десять лет спустя начались войны между отдельными монгольскими государствами и случаи избиения в одной стране ни в чем не повинных купцов, прибывших из другой.

После своего поражения в 1262 году на Тереке в битве с войском Берке Хулагу велел

перебить всех купцов, прибывших из государства его врага; Берке ответил на это избиением купцов из государства Хулагу.

Во время смут, как всегда, временные и частные интересы должны были получить преимущество перед общими интересами империи. Таковы были, по рассказу историков, уже те действия, к которым прибегал в 1260-х годах Алгуй для утверждения своей власти в Средней Азии; еще более характерно сознательное разорение в 1273 году персидскими монголами Бухары как опорного пункта для наступления на Персию из Туркестана. Бухара не только быстро оправилась от монгольского нашествия 1220 года, но достигла в первые десятилетия монгольского владычества такого процветания, какого не достигала прежде. Джувейни называет Бухару городом, подобного которому не было в мусульманском мире; Марко Поло (его отец и дядя провели в Бухаре три года, 1262–1265) — лучшим городом по всей Персии, то есть в странах, где говорили по-персидски. Даже восстание против монгольского владычества в 1238–1239 годах не отразилось на благосостоянии города; Махмуд Ялавач сумел убедить монголов, и в особенности хана Угэдэя, что уничтожить богатый город из-за преступления нескольких мятежников было бы не в интересах правительственной власти. Иначе действовали во время смут отдельные ханы и царевики, для которых были важны не столько доходы, которые мог доставить город за долгий период, сколько возможность немедленно получить в свое распоряжение значительные средства. С 1260-х годов Бухара несколько раз подвергалась поборам и разграблению; даже после события 1273 года город все еще мог привлекать грабителей, и остатки его доставили большую добычу двум мятежным царевицам, сыновьям Алгуя. После этого Бухара в течение семи лет (вероятно, 1275–1282 годы) не существовала вовсе, и только со вступлением на престол Тувы могли быть приняты меры для ее восстановления.

То, что говорится в источниках о Бухаре, наверное, повторялось и в других местах, о которых наши сведения еще более скудны. Джемаль Карши посвящает отдельные главы различного размера нескольким городам (Алмалык, Кашгар, Хотан, Ходжент, ферганские города, Шаш, то есть Ташкент, Барчкенд и Дженд) с краткой характеристикой каждого города и кратким перечислением происходивших из него ученых и других замечательных людей. Следы упадка отмечаются в Кашгаре, который в то время был разорен, и в Дженде, который «в прежнее время был большим городом», хотя и в то время в нем происходила оживленная торговля. Только о Кашгаре сообщается, что он подвергся нашествию *джута* (*джете*) — термин, который встречается здесь впервые и потом употреблялся в Китайском Туркестане в том же смысле, как в Западном Туркестане слово *казак*, то есть для обозначения отряда кочевников, отделившихся от своего рода и племени и обратившихся в разбойничьи шайки. Нападение джута произошло зимой, год не указывается; было перебито много народа и уведено в плен до 4000 малолетних. В культурно-историческом отношении интересно сообщение, что в Кашгарской области при обработке полей не пользовались ни быками, ни коровами, довольствуясь огородными инструментами (слово, употребленное в тексте, собственно, имеет значение «топор»).

В XIII веке продолжались, хотя и очень медленно, исламизация и отюречение Туркестана. Еще при Чингисхане произошло обратное тому, на что рассчитывал Кучлук: те из кара-китаев, которые уцелели во время занятия края монголами, приняли мусульманскую одежду. Положение мусульман теперь было лучше в бывших владениях кара-китаев, чем в бывшем государстве хорезмшаха Мухаммеда. В Самарканде в 1221 году старшины были поставлены из представителей разных народов; главный начальник был человеком

китайской культуры из кара-китаев; мусульмане могли владеть садами и пашнями только сообщая с китайцами, кара-китаями или другими. Несколько лет спустя, при Угэдэе, наместником Самарканда и Бухары был назначен человек с китайским именем или титулом (*Чонсан-тайфу*), упоминающийся еще в 1268 году; этим, вероятно, следует объяснить факт чеканки в Бухаре, единственный раз в истории этого города, медной монеты с китайскими иероглифами. В последующее время мы уже не видим в мусульманских областях правителей из немусульман, хотя говорится о прибытии в мусульманские города переселенцев с востока. По словам Чан Дэ, в Алмалыке вместе с мусульманами жили китайцы и даже постепенно получали преобладание китайские нравы.

Гонение на ислам, происходившее при Кучлуке, при монголах, конечно, не возобновлялось, хотя Чагатай, как ревнитель монгольского обычного права, иногда привлекал мусульман к ответственности за соблюдение обрядов ислама. По поводу смерти Чагатая (1242 год) Джувейни приводит персидское стихотворение одного поэта, оканчивающееся стихом: «Тот, из страха перед кем никто не входил в воду, потонул в океане, очень широком» (то есть в пучине смерти). Но и при Чагатае был врач-мусульманин Меджд ад-дин^[178]; кроме того, при нем пользовался влиянием богатый купец (происходивший, по Джемалю Карши, из Кермине; по Рашид ад-дину — из Отрара) Кутб ад-дин Хабаш-Амид^[179]; это влияние было так велико, что Хабаш-Амид мог приставить к каждому сыну Чагатая одного из своих сыновей. Правда, Хабаш-Амид, хотя он был мусульманином и даже строителем ханаки, не пользовался расположением мусульманского духовенства и сам не питал к нему расположения; его даже называли виновником смерти одного из самых известных ученых того времени, Юсуфа Секкаки^[180], по происхождению хорезмийца. От этого ученого сохранилось на арабском языке, кроме необыкновенно популярной в мусульманском мире филологической энциклопедии «Ключ наук» (Мифтах аль-улум), еще послание к одному из его учеников, Мухаммеду Сачаклы-за-де, очевидно западному тюрку.

О научной деятельности мусульманских ученых этого периода в Туркестане нам мало известно; мы не знаем даже, кто был наставником первых чагатайских ханов, принявших ислам, Мубарек-шаха и Борака; Джемаль Карши называет мусульманкой и мать Мубарек-шаха — Эргэнэ-хатун. Хайду не был мусульманином и был похоронен, по монгольскому обычаю, на высокой горе между Чу и Или; по его распоряжению даже мусульманин Борахан был похоронен на горе, то есть как монгол. Но вражды к исламу и к мусульманам Хайду ничем не проявлял. Джемаль Карши говорит о нем, что он был ханом справедливым, щедрым, милостивым, расположенным к мусульманам. Сам Джемаль Карши видел его два раза, в начале и в конце его царствования, и получил от него милостивую грамоту (не известно, на каком языке).

Более всего было бы любопытно знать, насколько мусульманские ученые Туркестана в то время знакомились со знаниями других культурных элементов государства. В этом отношении совершенно одиноко стоит известие об ученом туркестанце Хейбеталлахе, переселившемся потом в Персию и умершем в царствование Газан-хана^[181] (1295–1304). Хейбеталлах, по словам Рашид ад-дина, знал языки тюркский и сирийский, имел познания во всех науках и говорил речи «подобно шейхам», но Газан-хан будто бы причислял его к ученым второго сорта и сравнивал его с чиновниками, принимающими участие в государственных делах, но не имеющими доступа в самое помещение царской казны. «Я не удивлюсь, — прибавил Газан-хан, — что он и ему подобные не знают сокровенного, но то, что они знают, мне понравилось, и за это я их ценю». По-видимому, из этого можно

заключить, что Хейбеталлах был более светским ученым, чем богословом. К сожалению, до нас не дошло ничего из его трудов.

О значении тюркского языка в то время можно судить по тому, что, например, у Рашид ад-дина даже там, где говорится о семье Чингисхана, вместе с монгольскими терминами употребляются тюркские. Монгольский термин *нойон* — «князь» (в значении тюркского *бег*) для обозначения военной аристократии употреблялся в Туркестане до времени Тимура; при Чингисхане главным нойоном, как руководитель военного дела, был его сын Тулуй; это звание обозначается по-монгольски словами *еке нойон* — «великий нойон», но рядом приводится вместо монгольского прилагательного тюркское в том же значении (*улуг нойон*). Мы не видим, однако, со стороны мусульман попытки сделать тюркский язык языком государства.

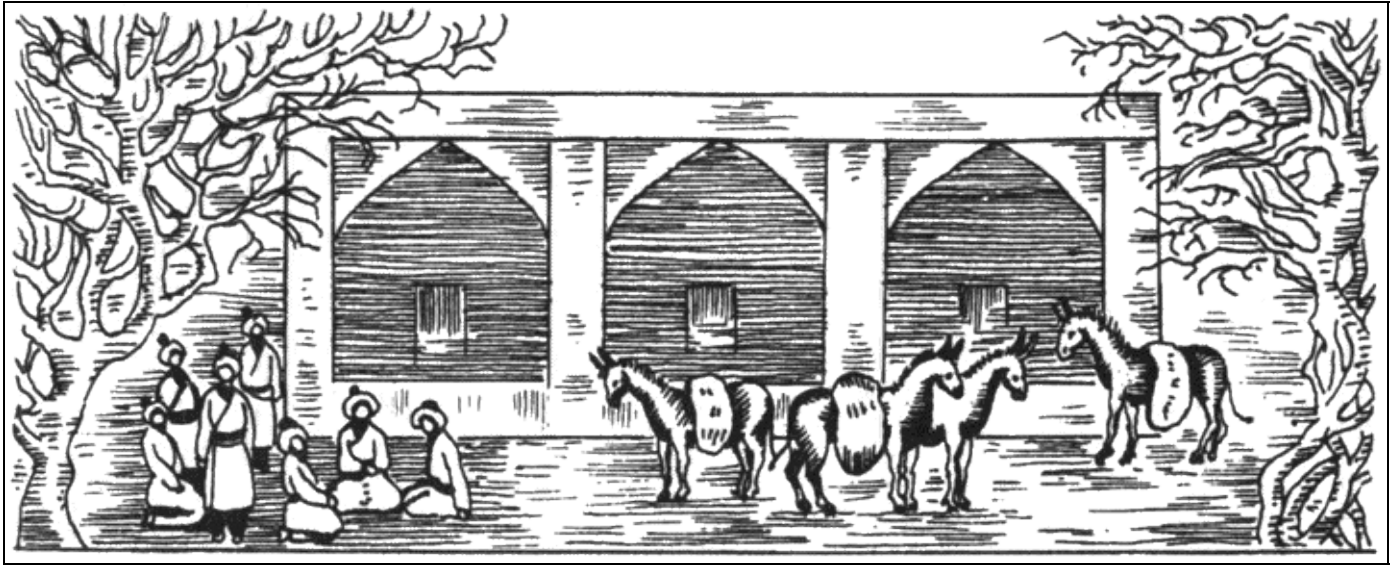
Когда Плано Карпини в 1246 году уезжал из Монголии, ему дали для папы грамоту, написанную «по-сарацински». Профессору Пельо удалось установить, что в архиве Ватикана до сих пор сохранилась эта грамота, написанная на персидском языке. Грамота (дата ее — конец джумада II 644 года хиджры, то есть начало ноября 1246 года) написана настолько безграмотно, что ясно — персидский язык не мог быть родным языком составлявших ее. Заглавие грамоты написано по-тюркски; замечательно, что имени Гююкхана нет и грамота послана от имени «хана великого улуса и вселенной»; встречаются тюркские слова и выражения и в тексте грамоты. Надо думать, что составителями грамоты были среднеазиатские купцы тюркского происхождения, старавшиеся писать по-персидски, как на принятом в их стране литературном языке.

От политических смут и связанного с ними перерыва торговых сношений среднеазиатские монголы должны были страдать больше других монгольских государств, для которых, не исключая и Золотой Орды, был открыт доступ к морю. Этим, может быть, объясняется, что именно в Средней Азии возник грандиозный план восстановления единства Монгольской империи в той форме, в которой это тогда только было возможно, — в форме федерации монгольских государств, с тем чтобы купцы свободно, не подвергаясь никаким поборам, могли переезжать из одного государства в другое. Историки приписывают инициативу в этом деле чагатайскому хану Туве, которому удалось убедить Чапара, после чего были отправлены послы в другие монгольские государства; везде было выражено согласие. Послы из Средней Азии прежде всего прибыли в Китай, к внуку и преемнику Хубилая (умершего в 1294 году) Тэмуру^[182]; затем в сопровождении посла Тэмура послы Чапара и Тувы отправились в сентябре 1304 года в Персию, в Мерагу, где тогда находился вступивший на престол султан Олджэйтү^[183]. В 1305 году Олджэйтү послал письмо на монгольском языке французскому королю Филиппу IV с извещением о достигнутом соглашении; это письмо дошло до нас и является единственным известным нам подлинным монгольским документом, относящимся к этому договору. Прежние войны объясняются в этом письме не злой волей и не корыстолюбием ханов, но клеветническими речами злых подданных (*караджу*); теперь, говорится дальше, мир восстановлен, все члены ханского рода, старшие и младшие, пришли к соглашению, все дороги открыты, и первый, кто нарушит договор, будет иметь против себя всех остальных. В письме высказывается наивное мнение, чтобы «франкские султаны», то есть европейские государи, установили между собой такой же мир и также поднялись бы все вместе против его нарушителя; между тем в Европе в то время происходили такие события, как борьба Филиппа IV с папой и завоевание англичанами Шотландии. По поводу такого же письма, полученного английским королем

Эдуардом I (1272–1307), новый король Эдуард II в своем ответе в 1307 году мог только выразить надежду, что, с помощью Божьей, возникшие в разных местах ссоры уступят место согласию и миру.

Пункт договора об общих действиях против всякого нарушителя мира остался, конечно, и в Монгольской империи такой же мертвой буквой, каким он был всегда, и раньше, и после. Мы увидим в следующей лекции, что первая половина XIV века была для Туркестана временем еще более ожесточенных междоусобий и еще большего культурного упадка.

Лекция XI

Мы не располагаем, к сожалению, ни одним среднеазиатским источником, где бы говорилось о восстановлении мира между монгольскими государствами и о его нарушении. Джемаль Карши, сведения которого доходят до весны 1303 года, ничего не знает о договоре; им только высказывается убеждение, что «наши хаканы» располагают достаточной военной силой для отражения всех попыток Тэмура (внука Хубилая) и его потомков завоевать города Средней Азии. Тот же автор еще называет Тува «крепким столпом» державы Чапара; очевидно, эти слова написаны еще до происшедшей в 1305–1306 годах войны между этими ханами.

Об этой войне и дальнейших событиях, как почти обо всем, что происходило в мусульманской Средней Азии до начала XIV века, мы располагаем только источниками, написанными в Персии. По этим известиям, столкновение произошло между царевичами домов Угэдэя и Чагатая, между Самаркандом и Ходжентом; Тува отправил послов к Чапару, объяснил столкновение «легкомыслием юношей» и предложил прекратить военные действия, а для разбора причин столкновения созвать третейский суд в Ташкенте. Чапар согласился, но чгатайские царевичи скоро нарушили это перемирие, вероятно, не без согласия Тувы, хотя сам он не выступал. Кроме Мавераннахра, были произведены грабежи на Таласе. В это время войско Тэмура напало на пограничные посты Чапара у Иртыша и Алтая; при этом определенно говорится, что эти войска призвал Тува. Покинутый почти всеми, Чапар всего с 300 всадниками пришел к Туве и подчинился ему; таким образом, восстановилось преобладание в Средней Азии дома Чагатая. Междоусобия продолжались еще некоторое время, до курултая, созванного летом 1309 года царевичем Кебеком^[184], сыном Тувы (Тува умер еще в 1306 году). Почти все царевичи дома Угэдэя частью ушли, частью лишились своих владений; из всех сыновей Хайду только один, Шах, сохранил особую тысячу и особый юрт.

С этим междоусобиями персидский историк Вассаф^[185] связывает полный упадок земледелия и торговли в Мавераннахре и Туркестане. В Мавераннахре культурные традиции были настолько продолжительны, что о полном исчезновении городов и земледельческих поселков не могло быть и речи, но в более северных областях постепенно установилось то положение, о котором говорит арабский автор Омари^[186], писавший со слов человека,

бывшего в Туркестане: «В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием».

Курултай 1309 года не прекратил бедствий Туркестана. Ханом был провозглашен старший брат Кебека, Эсен-Бука^[187] (первая часть имени — монгольское слово); при нем Туркестан подвергся нашествию монгольских войск из Китая; местность по Кобуку и притокам Верхнего Иртыша тогда была пограничной областью государства великого хана; войска, вторгшиеся оттуда в чагатайские владения, разграбили ставки Эсен-Буки, зимнюю (около Иссык-Куля) и летнюю (около Таласа). Из рассказа анонимного историка начала XV века можно заключить, что грабежи производились не только войсками врагов, но и войсками самого чагатайского хана. По этому рассказу, Эсен-Бука и Кебек выступили со своими войсками против врагов, вторгшихся со стороны Кара-Ходжа; Эсен-Бука шел из Кашгара, Кебек — из Алмалыка. Первый опустошал местности на своем пути в расчете, что таким образом в случае поражения врагу ничего не достанется, а в случае победы можно будет легко все восстановить. Кебек, наоборот, заботился о поддержке благосостояния областей, через которые проходил, чтобы в случае победы население враждебного государства под влиянием слухов о его справедливости легче перешло на его сторону, а в случае поражения его собственные подданные были на его стороне и облегчили ему отступление. Эсен-Бука был разбит, вследствие чего и Кебек должен был отступить. Во время отступления войско Эсен-Буки терпело большие бедствия и было вынуждено есть своих коней, тогда как войско Кебека везде находило все необходимое.

Преемником Эсен-Буки был Кебек (1318–1326), царствование которого, по-видимому, имеет большое значение в истории постепенного подчинения среднеазиатских монгольских ханов мусульманской культуре. Подобно своим предшественникам, Кебек оставался язычником, но переселился в Мавераннахр, даже в южную часть его, и построил для себя дворец на расстоянии двух с половиной фарсахов, то есть около 15 верст, от города Нахшеба, по нижнему течению Кашкадарьи. В смысле «дворец» монголами, даже в самой Монголии, употреблялось слово *карши*, и авторы того времени называют это слово монгольским, хотя оно встречается уже в «Кутадгу билик» и у Махмуда Кашгарского, причем последний даже не говорит, употреблялось ли оно только восточными тюрками или также западными. Тюрки, по-видимому, заимствовали его из языка коренного населения Китайского Туркестана. По этому дворцу город Нахшеб получил название Карши, сохраненное им и до сих пор, хотя местоположение нынешнего города не соответствует местоположению ни Нахшеба домонгольского периода, ни города XIV века. Таким образом, и в Туркестане мы видим пример обычного в Монгольской империи перенесения названия ханского дворца на город.

Другим нововведением Кебека была чеканка монеты с именем хана; как и в Персии, чеканились серебряные монеты большие и малые, динары и дирхемы, причем динар равнялся шести дирхемам. Монеты по-прежнему чеканились в больших торговых городах Мавераннахра, Бухаре, Самарканде, Отраре, Термезе. По имени Кебека эти монеты и потом назывались «кебеки», и с этим словом иногда ошибочно сближали русское «копейка». Были примеры чеканки, как в Золотой Орде, анонимной монеты с тюркской надписью *кутлуг болсун*, но уйгурскими буквами. Насколько известно, нет примера употребления на монетах

чагатайских ханов монгольских слов; тем более удивительно, что впоследствии мы на некоторых монетах Тимура встречаем написанные арабскими буквами монгольские слова *угеману* — «мое слово».

Переселение в Мавераннахр и постройка дворца не означали отказа от кочевой жизни; западная часть долины Каш-кадарьи привлекала кочевников, преимущественно в летнее время, еще со времени Чингисхана, который провел там лето 1220 года. Еще больше, чем Кебек, усвоил мусульманскую культуру его брат Тармаширин^[188], принявший ислам; но и Тармаширин даже зимой принимал путешественника Ибн Баттуту в шатре.

Нет никаких указаний на то, чтобы чагатайские ханы того времени знали монгольский язык. Ибн Баттута представляет себе Кебека говорившим по-тюркски; Тармаширин встретил Ибн Баттуту приветствием по-тюркски. Духовный руководитель хана, имам Хусам ад-дин аль-Яги, говорил по-персидски, но хан каждый день после ранней утренней молитвы до восхода солнца произносил зикр^[189] по-тюркски. Некоторые тюркские термины, приведенные у Ибн Баттуты, перешли в монгольский язык из уйгурского и употреблялись во всех монгольских государствах, например термин *ал тамга* (в Персии иногда сокращенно *ал*) — «алая печать»; хранитель печати заведовал всем письменным делопроизводством и знал, по-видимому, и арабский язык, так как служил для Ибн Баттуты переводчиком. Интересно, что Ибн Баттута употребляет тюркское *той* («пир») в смысле курултай. По словам Ибн Баттуты, той был ежегодно устраивавшимся собранием, куда приходили потомки Чингисхана, эмиры, знатные женщины и начальники войск. В это время той не созывался, что было одним из тех обвинений, которыми оправдывалось восстание против Тармаширина.

По словам Омари, принятие ислама Тармаширином содействовало оживлению торговых сношений между Мавераннахром и другими мусульманскими областями; но тот же факт увеличил отчуждение между Мавераннахром и восточными областями чагатайских владений. По словам Ибн Баттуты, существовал обычай, по которому хан раз в год ездил на восток, в области, пограничные с Китаем, где был Алмалык, все еще считавшийся столичным городом; между тем Тармаширин четыре года кряду оставался в областях, смежных с Хорасаном. Тармаширин отнюдь не отказывался от войн с мусульманскими государствами из преданности исламу; в самом начале своего царствования, в 1326 году, он совершил неудачный поход на Хорасан, после чего персидские монголы взяли и разграбили Газну; в 1329 году он вторгся в мусульманскую Индию и дошел почти до Дели. Но во внутреннем управлении он, как видно из приведенных выше слов Ибн Баттуты, был нарушителем монгольского обычного права (ясака) даже независимо от принятия им ислама. Нарушителем ясака называет Тармаширина и мусульманский анонимный автор начала XV века, хорошо знавший степные предания.

Вследствие этого в Туркестане возобновились смуты, продолжавшиеся до 1346 или 1347 года и окончившиеся фактическим уничтожением ханской власти в Мавераннахре и полным отделением Мавераннахра от восточных областей. Как происходили военные действия и отразились ли они на дальнейшем упадке городской жизни, не может быть установлено; рассказ о военных действиях мы находим только у Ибн Баттуты, и этот рассказ как по хронологическим датам, так и в других отношениях находится в полном противоречии с рассказами историков. Несомненно, что в ближайшие годы после низложения и убиения Тармаширина местопребывание хана вновь было перенесено на восток и что вместе с этим на некоторое время уменьшилось влияние ислама. При хане

Джен-кши^[190] (до 1338 года), монеты которого чеканились и в Мавераннахре, католические миссионеры смогли построить около Алмалыка прекрасную церковь. По словам мусульманского анонима, Дженкши «советовался о делах с бахшиями», то есть буддийскими жрецами. Антимусульманская реакция, однако, не могла иметь прочного успеха, и уже в начале 1340-х годов в Мавераннахре был возведен на престол один из шейхов тюркского происхождения, очевидно считавшийся потомком Чингисхана. Этот шейх, потом сделавшийся султаном, был некоторое время наставником известного бухарского святого Беха ад-дина Накшбенда^[191]. В биографии этого святого рассказывается, что он видел во сне тюркского святого Хаким-Ата (сам Беха ад-дин, несомненно, был таджиком) и этот сон был истолкован ему в том смысле, что его наставником будет дервиш из тюрков; когда Беха ад-дин встретил тюркского дервиша Халиля, этот дервиш произвел на него сильное впечатление, и он понял, что предсказание относилось к нему. Беха ад-дин оставался при Халиле и после возведения его на престол; после смерти Халиля он понял ничтожность земных благ и стал вести жизнь подвижника.

В исторических сочинениях среди имен чагатайских султанов мы не находим имени Халиля; у Ибн Баттуты упоминается среди правителей смутного времени Халиль, сын чагатайского царевича Ясавура; ему будто бы удалось победить Бузана^[192], первого преемника Тармаширина (ни Дженкши, ни другие ханы, о которых говорят историки, у Ибн Баттуты не упоминаются), и взять не только Алмалык, но даже Каракорум и Бешбалык; впоследствии он заключил мир с китайским императором и вернулся в Самарканд и Бухару. Его главным сподвижником был владетель Термеза Ала аль-Мульк, сейид, носивший титул *Худавенд-заде*; впоследствии Халиль по наущению клеветников из тюрков казнил Ала аль-Мулька, и этот поступок был причиной утраты им власти; он был взят в плен гератским владетелем Хусейном и будто бы жил в плену еще весной 1347 года, когда Ибн Баттута покинул Индию.

Несмотря на фантастичность рассказа, существование Халиля доказывается монетами с именем султана Халилаллаха, чеканенными в Бухаре в 742 и 743 годах хиджры (1342–1344). Историки знают только одного султана из сыновей Ясавура, Казана^[193] (монеты с его именем мы также имеем), жившего подобно Кебеку и Тармаширину в долине Кашкадаарьи, построившего для себя дворец Зенджир-сарай, в двух стоянках от Карши, и погибшего в 1346 или 1347 году в борьбе с восставшими главарями кочевников. Пока нет ответа на вопрос, можно ли признать имена Казан и Хал ил аллах двумя именами одного и того же хана.

Власть в Мавераннахре после смерти Казана перешла к тюркским эмирам; так они называются в персидских источниках; в том же значении тюрками употреблялось слово *бег*, иногда также монгольское *нойон*. Первым из таких эмиров был Казаган^[194]; его зимним местопребыванием было место Сали-Сарай на Амударье (ныне селение Сарай, выше Термеза); вероятно, оно имело такое же значение при чагатайских ханах; по словам анонима начала XV века, в Сали-Сарае был похоронен хан Казан. Судя по названию, там был ханский дворец; берег Амударьи издавна был местом зимовки для кочевников, в 1220–1221 годах там проводил зиму Чингисхан. Летом Казаган переходил в горную местность около города Мунка, или Бальджуана.

Казаган и его преемники возводили на престол подставных ханов, сначала из рода Чагатая, потом также из рода Угэдэя; монеты с именами этих ханов чеканились только в Мавераннахре, от Термеза до Отрара и Исфиджаба, или Сайрама, включительно. Мы знаем, что власть эмиров Мавераннахра распространялась и на северную часть Афганистана, но

нумизматических доказательств этого факта, по-видимому, нет. Восточные области бывшего чагатайского ханства политически совершенно отделились от Мавераннахра; там были свои ханы и свои верховные, или улусные, эмиры, некоторое время возводившие на престол ханов. Дальнейшая история Средней Азии сложилась так, что в Мавераннахре эмиры держали власть в своих руках; из их среды вышла такая исключительная личность, как Тимур, создавший обширную державу, которую наследовали, хотя и в меньшем размере, его потомки, постепенно отказывавшиеся от обычая прикрывать свою власть подставными ханами. С другой стороны, на востоке возникла династия ханов, постепенно лишивших всякой власти эмиров. Первый из этих ханов, Туклук-Тимур^[195], родился в 730 / 1329–1330 году и сделался ханом 18 лет от роду, то есть в 748 / 1347–1448 году. Это хронологическое совпадение заставляет предполагать причинную связь между низложением Казан-хана и возведением на престол Туклук-Тимура, хотя в источниках никаких указаний на такую связь нет и вообще время окончательного распада бывшего чагатайского государства не определяется. Нет точных данных и о том, когда произошло политическое отделение Алмалыка от Мавераннахра; миссионер Мариньолли^[196], проезжавший через Алмалык в 1341 году, говорит, что он там построил церковь и свободно проповедовал, несмотря на гибель нескольких миссионеров незадолго перед этим, но не приводит имени хана, которому тогда принадлежал Алмалык. После гонителя христиан, царевича из потомков Угэдэя Али-султана (впрочем, его называют жестоким тираном и мусульманские историки), правил Мухаммед-Пулад; есть монета с именем «Мухаммед», чеканенная в Алмалыке в 1345 году (шабан 746 года хиджры). Насколько известно, это последняя монета из Алмалыка. Имена всех этих ханов впоследствии настолько были забыты монголами, что пользовавшийся монгольскими преданиями в XVI веке Мухаммед-Хайдар^[197] называет Туклук-Тимура сыном Эсен-Буки, едва ли бывшего в живых после 1318 года.

В более ранних источниках отцом Туклук-Тимура назван другой сын Тувы — Эмиль-ходжа; чтобы примирить разногласие источников, Абулгази предполагает, что Эмиль-ходжа, или, как он пишет, Иль-ходжа, носил также прозвание Эсен-Бука. Как по более ранним, так и более поздним источникам о ханском происхождении Туклук-Тимура ничего не было известно; его мать после смерти своего мужа-царевича или, по другим известиям, еще при его жизни вышла за какого-то эмира; Туклук-Тимур вырос в доме этого эмира и считался его сыном. Очень вероятно, что рассказ о ханском происхождении Туклук-Тимура был придуман тем эмиром из рода дуглат, которым он был возведен на престол, за отсутствием в восточной части Чагатайского улуса подлинного отпрыска ханского рода.

По всей вероятности, мы совершенно не могли бы представить себе, даже в самых общих чертах, строй жизни Средней Азии в XIV–XV веках, если бы не такое историческое событие, как образование империи Тимура, вызвавшее, отчасти по почину самого Тимура, обширную историческую литературу. Рассказы о походах Тимура заключают в себе большое число имен его сподвижников, с указанием, из какого рода они происходили, где жили они сами и их предки; известия о словах и действиях самого Тимура, его друзей и врагов также дают ценный материал для характеристики той среды, из которой вышел Тимур.

Составленная по почину Тимура уроженцами Персии на персидском языке история его царствования дошла до нас в трех редакциях; из них первоначальная была издана в 1915 году в Петрограде Академией наук по единственной рукописи, находящейся в Ташкенте. Вторая редакция, принадлежащая Низам ад-дину Шами^[198], доведенная до 1403 года и уже носящая придуманное самим Тимуром заглавие «Зафар-наме» («Книга побед»), до сих пор

полностью не издана; кроме ее рукописи, находящейся в Лондоне, существует полный список, включенный в историческую компиляцию, составленную в 1417 году Хафиз-и Абру^[199], рукопись которой имеется в Константинополе. Более всего известна третья редакция «Зафар-наме» Шереф ад-дина Иезди^[200], начатая в 1419 году и законченная в 1425 году.

Остается в рукописи также целый ряд других трудов, относящихся к истории Тимура, в том числе анонимный труд по всеобщей истории, составленный около 1412 года для одного из внуков Тимура, султана Искандера^[201]. Этот труд, сохранившийся, насколько известно до сих пор, только в двух рукописях, находящихся в Лондоне и Ленинграде, цитируется в моем исследовании об Улугбеке^[202] как «Аноним Искандера». Подобно Шереф ад-дину, автор писал в Фарсе, но был лучше знаком со среднеазиатскими преданиями, обычаями и взглядами. Этим сочинением, наравне с трудом Низам ад-дина Шами, пользовался Хафиз-и Абру при составлении своего обширного исторического труда, начатого в 1423 году для другого внука Тимура, Байсункара^[203]. Полного экземпляра этого труда до сих пор не найдено; содержание той части, которая относится к царствованию Тимура, нам известно преимущественно по сочинению более позднего историка, Абд ар-Раззака Самарканди^[204], доведенному до 1471 года.

Кроме этих и других сочинений на персидском языке упоминается еще хроника «Тарих-и хани» («История хана»), написанная по распоряжению Тимура уйгурскими бахши уйгурским алфавитом на уйгурском языке. Так говорит узбекский автор начала XVI века, по-видимому еще имевший в руках экземпляр этой книги. Под словом *бахши* в этом случае следует понимать, конечно, не буддийских жрецов, но составляющих документы, написанные уйгурским шрифтом, чиновников; мы знаем, что такие чиновники были не только у чагатайских ханов и Тимура, но также у потомков Тимура во второй половине XV века. По-видимому, в этой книге, как и в тех степных преданиях, которыми пользовались Аноним Искандера и Мухаммед-Хайдар, излагались не столько исторические рассказы, сколько легенды и эпические сказания. Очень вероятно, что уйгурскими секретарями Тимура была придумана легенда о том значении, которое будто бы имели в Средней Азии предки Тимура еще со времени Чингисхана и даже раньше.

Европейские ученые часто выражали сожаление об утрате «Истории четырех улусов», будто бы составленной внуком Тимура, Улугбеком, на персидском языке. Ссылки на это сочинение мы находим у Хондемира^[205], историка XVI века; кроме того, автор, писавший, вероятно, также в XVI веке по-персидски в Мавераннахре (две рукописи этого труда находятся в Лондоне, по одной напечатан еще в 1839 году малоудовлетворительный английский перевод), называет свой труд сокращением труда Улугбека, хотя, несомненно, вносит в него и некоторые добавления. Но из слов Хондемира видно, что «История четырех улусов» в действительности была составлена не Улугбеком, а только от его имени и вообще воспроизводила труд Рашид ад-дина и введение к труду Низам ад-дина Шами с незначительными дополнениями. Утрата этого труда, таким образом, не составляет большой потери для науки.

Вообще нет основания полагать, чтобы среднеазиатская историография эпохи монголов и Тимуридов создала или могла создать такой труд, который мог бы быть поставлен наравне с трудом Рашид ад-дина. Вероятно, и в Средней Азии были известны те сказания монгольской «Золотой книги» (XIII век), которые, кроме Персии, получили литературную обработку в Китае; но сведений об использовании тех же сказаний в Средней Азии мы не

имеем. Яркие картины кочевой жизни, казалось бы, должны были обеспечить труду Рашид ад-дина популярность среди тюркских народностей, но, по-видимому, эта сторона его труда была оценена среди западных тюрков, в Малой Азии, раньше, чем в Туркестане. В Туркестане труд Рашид ад-дина вместе с историей Тимура Шереф ад-дина Иезди был переведен на тюркский язык только в начале XVI века для узбекского хана Кучкунджи^[206]; в Малой Азии уже в XV веке труд Рашид ад-дина был в широкой степени использован для «Истории сельджукского дома», написанной (некоторые части этого труда были только переводом персидских трудов Равенди^[207] и Ибн Биби^[208]) для тюркского султана Мурада II^[209] (1421–1451). Между прочим, автор воспользовался приведенными у Рашид ад-дина изречениями Чингисхана, перевел их на тюркский язык и смело приписал их мифическому предку своего народа Огуз-хану. Одним из тюркских ученых было высказано предположение, что здесь отразилось подлинное тюркское законодательство, которому будто бы подражал Чингисхан, но из сопоставления персидского текста с тюркским ясно видно, что подлинником является первый, переводом — второй. В одном месте тюркский автор читал в персидской рукописи «собака» вместо «камень», вследствие чего в тюркском тексте вместо упавшего в воду камня говорится об упавшей в воду собаке.

Сопоставление сведений Рашид ад-дина с тем, что рассказывали в Туркестане в XIV и XV веках о событиях XIII века, ясно показывает, что эти рассказы не основывались ни на каких действительных происшествиях и только придумывались для того, чтобы объяснить и оправдать фактически установившееся положение. Это происходило одинаково в государстве Тимура и в отделившихся от Мавераннахра восточных областях. Тимур происходил из отюреченного монгольского племени барлас (по-монгольски «барулас»), владевшего местностью по Кашкадарье. Мы знаем от Рашид ад-дина, что одним из эмиров Чагатая был Карачар из рода барлас, считавшийся потом предком Тимура; но ни о Карачаре, ни о его ближайших потомках не говорится у Рашид ад-дина, чтобы они принимали сколько-нибудь выдающееся участие в управлении государством; между тем предание, как оно сложилось при Тимуре, говорит о Карачаре и его потомках как о таких же полновластных правителях чагатайского государства, каким потом был Тимур. Эта власть будто бы основывалась на письменном договоре, впервые заключенном еще между прадедом Чингисхана Кабул-ханом^[210] и его братом Качули, предком Карачара, и потом возобновлявшемся несколько раз; говорится даже о письменном документе, будто бы исчезнувшем во время смут XIV века. Таким же образом представители другого отюреченного монгольского племени, дуглатов, владевшие в середине XIV века обширной областью, заключавшей в себе, кроме Китайского Туркестана, Фергану и южную часть Семиречья до Иссык-Куля, утверждали, что их предок Уртубу^[211] получил эту область еще от Чагатая; между тем Рашид ад-дин говорит о племени дуглат, что среди его представителей вплоть до времени самого Рашид ад-дина не было никого, кто бы достиг почета и славы.

Обращает на себя внимание то значение, которое имели как в западной, так и в восточной части Средней Азии в то время отюреченные монгольские племена. Историки не дают нам перечисления родов, на которые делились кочевники обоих государств, но среди отдельных названий родов почти нет названий прежних тюркских народностей. В государстве Тимура упоминается род кипчак, но не упоминается род карлук; уйгуры упоминаются как род или народность, из которой происходили тюркские секретари (бахши) Тимура и его потомков; но ничего не говорится о территории, которая была бы занята уйгурами, как некоторыми другими родами. Рашид ад-дин говорит только о четырех тысячах

монгольского регулярного войска, данных Чингисханом Чагатаю.

Большое число названий монгольских народностей, встречающихся среди названий кочевых родов Средней Азии в XIV веке, заставляет полагать, что впоследствии в Туркестан пришло значительное число монголов. По-видимому, представители одной и той же народности поселялись в нескольких местах; часто мы встречаем одно и то же название среди родов, подчиненных Тимуру, и родов, живших в восточных областях. К числу таких родов принадлежит и род дуглат; из этого рода происходил пользовавшийся полным доверием Тимура эмир Давуд, муж его сестры Кутлуг-Туркан (Теркен). Таким же родом в восточных областях был род барлас.

Замечательно, что название «чагатай» сохранилось только за кочевниками государства Тимура, хотя в восточных областях имели гораздо больше значения ханы, считавшиеся потомками Чагатая. Кочевники этих областей назывались монголами, их страна — Моголистаном. Так, без «н» произносилось народное название монголов в Средней Азии с самого начала, хотя в монгольских текстах всегда писалось *монгол*; единственные из переселившихся на запад монголов, до сих пор сохранивших свой язык (это племя живет в Афганистане), тоже называют себя *моголами*. Считая себя чистыми представителями среднеазиатских кочевых традиций, моголы с презрением называли чагатаев людьми смешанного происхождения, метисами (*караунас*); с другой стороны, чагатай, как представители традиций среднеазиатской монгольской государственности, называли моголов разбойниками (*джете*). Это название, которое в европейской науке иногда пытались толковать в смысле названия древних гетов, в действительности употреблялось, как мы уже видели, в том же смысле, как в XV веке в тюркской Средней Азии слово *казак* — в смысле отрядов кочевников, отделившихся от того государства, к которому они принадлежали, и находившихся с ним в состоянии войны.

Не вполне ясно, в какой степени моголы XIV–XV веков еще были монголами по языку и можно ли считать вражду между монголами и чагатаями национальной враждой между монголами и тюрками. Есть некоторые указания, что язык моголов был монгольским; еще в начале XVI века Бабур говорит, что его дядя Ахмад-хан Могольский^[212] носил прозвание Алачи и что это слово «на языке моголов и калмыков» значит «убийца». Мухаммед-Хайдар считал моголов и киргизов одним и тем же народом и видел всю разницу между ними в том, то моголы приняли ислам, тогда как киргизы оставались в то время язычниками. Потомки Ахмад-хана, во всяком случае, были по языку тюрками; уже сын Ахмад-хана, Саид-хан^[213], умерший в 1533 году, писал стихи по-персидски и по-тюркски.

Мухаммед-Хайдар отличает моголов от коренного населения Восточного Туркестана и понимает под Моголистаном преимущественно степи от Балхаша, составлявшего границу между Моголистаном и Узбекистаном, на западе и до страны калмыков на востоке; на севере границу составляли Эмиль и Иртыш, на юге — Фергана и области Восточного Туркестана от Кашгара до Баркуля (собственно, Барс-куль). В XVI веке моголы были вытеснены оттуда калмыками и киргизами, но оставались в Кашгарии, где их, по словам Мухаммед-Хайдера, насчитывалось около 30 000. Условия в Кашгарии неблагоприятны для сохранения кочевой жизни, и после исчезновения, в конце XVII века, ханской династии моголы должны были скоро слиться с местным оседлым населением и утратить свое название. По языку в Кашгарии, по-видимому, давно уже не было разницы между кочевниками и оседлыми поселенцами; название *кенджек*, существовавшее в XI веке при Махмуде Кашгарском, по-видимому, давно было забыто. В стране моголов поэтому с самого

начала не было, как в стране чагатаев, противопоставлений между тюрками и таджиками, или сартами, хотя бытовые отличия на востоке, где кочевники меньше подчинились влиянию мусульманской культуры, были еще больше. У моголов особенным уважением пользовались воины, проводившие в молодости некоторое время в полном одиночестве в пустынях, горах или лесах, на расстоянии одного или двух месяцев пути от ближайшего жилья, питаясь мясом и одеваясь в шкуры убитых ими животных. У чагатаев такого обычая, конечно, не могло быть.

Чагатай при Тимуре считали себя вполне мусульманским войском, хотя по своей внешности и военному устройству оставались верны традициям Чингисхана. Связанное с именем Чингисхана обычное право кочевников обозначалось старотюркским словом *тору*, переделанным в *тура*. Тимура и чагатаев обвинили даже в том, что для них тура Чингисхана стояла выше шариата; на этом основании сирийскими богословскими авторитетами была издана фетва, по которой Тимур и его подданные не признавались мусульманами. В 1372 году послу Тимура было сказано в Хорезме: «Ваше царство — область войны, и долг мусульман — сражаться с вами». Резким внешним отличием Тимура и его воинов от прочих мусульман были сохраненные ими, по монгольскому обычаю, косы, что подтверждается и некоторыми среднеазиатскими иллюстрированными рукописями того времени. Когда при осаде Дамаска (1400–1401 годы) внук Тимура Султан-Хусейн изменил деду и перешел на сторону осажденных, то ему прежде всего отрезали косу и заставили переменить одежду.

Понимание подробностей деления чагатаев на племена и роды несколько затрудняется неясностью терминологии; в одном и том же значении употребляются термины *улус*, имевший, как мы видели, и гораздо более обширное значение (говорится об улусе Джучи или улусе Чагатая), *иль* и *тюмень*, по-видимому, также монгольское *аймак*. Слово *тюмень* в значении «множество, десять тысяч» перешло в тюркский язык из языка коренного населения Кашгарии; впоследствии термин *тюмень* чаще, чем к кочевникам и войску, применялся к массе оседлого населения. Мухаммед-Хайдер различает в Кашгарии (по его выражению, в Кашгаре и Хотане) четыре класса: *тюмень* — крестьянство, *каучин* — войско, *аймак* — кочевников, имевших право на определенное количество хлеба, тканей и т. п., и класс чиновников и духовенства. Вероятно, второй и третий класс вместе составляли моголов. Термин *тюмень* в Новейшее время в Бухаре употреблялся для обозначения жителей равнин, в противоположность горцам — *кихистани*. Положение чагатаев в государстве Тимура сравнительно с оседлым населением яснее, чем у восточных авторов, определяется у испанского посла Клавихо^[214], видевшего их в августе 1404 года: «Они могут ходить везде, где хотят, со своими стадами, пасти их, сеять и жить где хотят, и зимой и летом; они свободны и не платят податей царю, потому что служат ему на войне, когда он их призывает».

Особенным значением среди чагатаев пользовались четыре рода: арлат, джалаир, каучин и барлас. Слово *каучин*, как мы видели, первоначально было названием не отдельного рода или племени, но названием привилегированной части войска; по словам Шереф ад-дина Иезди, так называлась собственная тысяча хана. Очень вероятно, что из каучинов происходил первый правитель Мавераннахра из чагатайских эмиров Казаган (1346–1358), внук которого впоследствии был побежден и убит Тимуром. Названия трех остальных родов были первоначально названиями монгольских национальностей; в чагатайском государстве каждый из этих родов владел определенной территорией; арлаты жили в северной части Афганистана, джалаиры — на Сырдарье около Ходжента, барласы — в местности по Кашкадарье. Наравне с родовыми единицами упоминаются, как отдельные части чагатаев,

имевшие своих предводителей и свою территорию отряды, образовавшиеся в свое время вокруг отдельных ханов или царевичей и после их смерти сохранившие их имя. Так, около Балха упоминается «кебекский тюмень»; по словам Анонима Искандера, Кебек в царствование своего брата Эсен-Буки получил право собрать вокруг себя богатых людей (очевидно, кочевников, владевших наибольшим количеством стад) из каждого улуса; от этих людей, по словам историка, происходили те, «которые теперь с гордостью называют себя собственными людьми Кебека». По словам того же источника, к Кебеку присоединился потом улус его побежденного врага царевича Ясавура; но при Тимуре ясаури упоминаются отдельно как род, живший около Самарканда; их глава, эмир Хизр, владел Самаркандом и по словам Анонима Искандера.

Самая тесная связь была, конечно, между Тимуром и родом барлас, к которому он сам принадлежал; отдельные представители этого рода часто называются «братьями» Тимура. С эмирами арлатов и джалаириров Тимур долго боролся за власть, даже после своего провозглашения главой чагатайского государства; улус джалаириров был объявлен в 1376 году уничтоженным, и его остатки были распределены по отрядам других эмиров. Среди особенно близких Тимур эмиров упоминаются, однако, не только барласы, но и представители других родов; одним из них был Ак-Буга из рода найман, подобно многим другим сподвижникам Тимура, заранее определивший для себя место погребения около предполагавшегося (в Шахрисябзе) места погребения самого Тимура. Замечательно, что эти местные кладбища называются тем же словом (*мурчал*), как место отряда или отдельного воина во время битвы.

Этот рассказ и многие другие свидетельствуют о популярности Тимура среди чагатаев вообще, особенно среди их главарей. К военному элементу своей страны Тимур, несомненно, чувствовал себя гораздо ближе, чем к городскому и сельскому населению, хотя и Тимур совершил поступок, который в глазах кочевников обоих среднеазиатских государств, чагатайского и могольского, был особенным преступлением: сделал если не своим постоянным местопребыванием, то своей столицей большой город и стал воздвигать в нем постройки. Переход кочевников, их царевичей и главарей в города считался нарушением ясака Чингисхана. Предписание «всегда кочевать, никогда не становиться оседлыми» приписывалось и малоазиатскими тюрками Огуз-хану, причем в этом случае употреблен термин *отурак*, этимологически ближе стоящий к современным европейским словам с этим значением (*рус.* оседлый, *фр.* sédentaire, *нем.* sesshaft), чем употребляемое теперь в Средней Азии слово *джатак*. Ненависть к городам была в Моголистане, конечно, упорнее, чем на западе. Еще во второй половине XV века, когда потомки Тимура давно успели прославиться своими постройками в Самарканде и Герате, могольский Юнус-хан^[215] из-за неудовольствия своих моголов должен был отказаться от своего намерения поселиться в Аксу, хотя этот пункт тогда «только по сравнению с Моголистаном мог считаться городом». Когда Юнус-хан несколько лет спустя занял Сайрам и потом Ташкент и поселился там (в Ташкенте находится его могила), часть моголов ушла от него вместе с сыном самого хана, Ахмадом, остававшимся и впоследствии, в противоположность своему отцу и старшему брату, настоящим степным воином по привычкам и наружности. Таковым видел его еще в 1502 году его племянник Бабур.

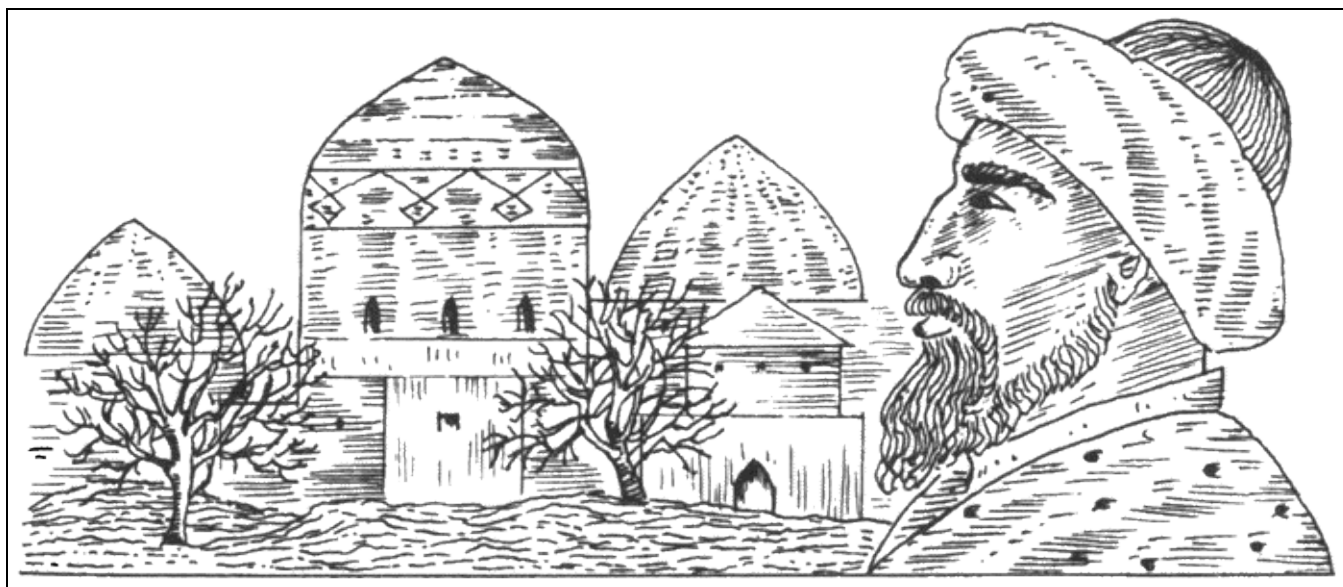
В чагатайском государстве о возмущении на этой почве кочевников против своего властителя говорится только в рассказах о событиях XIV века. Историки хвалят Казагана за то, что он оставался верен кочевой жизни, зимовал на берегу Амударьи, проводил лето в

горах около Бальджуана, не трогал земель оседлого населения. Его сын Абдулла^[216], не спросив позволения у отца, совершил набег на Хорезм; хорезмийцы откупились от него за 200 томанов (2000000 серебряных динаров); Казаган, узнав об этом, выразил сыну резкое порицание за беспричинное нападение на земли мусульман. О правлении Казагана говорится, что при нем и тюрки, и таджики пользовались полным благодеянием. Абдулла после отца тоже правил хорошо, но вызвал неудовольствие некоторыми действиями, как, например, решением сделать своим местопребыванием Самарканд; поэтому он был низложен эмирами меньше чем через год после смерти Казагана. После нескольких лет смуты власть перешла к внуку Казагана, эмиру Хусейну^[217]. Он задумал сделать своей столицей Балх; Тимур уговаривал его не делать этого, указывая на судьбу его дяди; Хусейн не послушался; произошло восстание, в котором принял участие сам Тимур. Хусейн был убит; власть перешла к Тимуру, который тотчас сделал сам то, за что упрекал Абдулла и Хусейна: избрал своей столицей большой город, именно Самарканд, и построил в нем стены и цитадель.

Ханы и эмиры переходили в города, конечно, не одни, но с некоторым числом своих соплеменников; трудно было примирить интересы пришельцев с интересами прежних жителей, на которых, несомненно, и без того вредно отражалось управление главарей кочевников и происходившие среди них междоусобия. Об основании при Хайду и Туве города Андижана Аноним Искандера говорит, что ханы привели туда много народа из всех своих владений; еще в эпоху автора представители каждого народа, то есть, вероятно, каждого рода бывших кочевников, имели в этом городе свой квартал.

Тимур кроме тюркского языка знал персидский, имел некоторое понятие не только об исламе как религии, но также о мусульманской науке и искусстве, привлекал отовсюду в Самарканд ученых и художников, проводил новые каналы, строил в Самарканде великолепные здания, вообще старался производить на современников своей созидательной деятельностью не менее сильное впечатление, чем разрушительной. К этой стороне его деятельности тюркские элементы его государства не имели почти никакого отношения. Наиболее тюркской страной из покоренных Тимуром культурных стран был Хорезм; мастера из Хорезма выстроили для Тимура великолепный дворец Ак-сарай в Шахрисябзе; но в этом здании, кроме названия, по-видимому, не было ничего тюркского; среди надписей на стенах есть много персидских стихов, но ни одного тюркского. Сам Тимур, по-видимому, не интересовался поэзией, ни тюркской, ни даже персидской; нет никаких указаний на то, чтобы он знал персидских поэтов, если не считать анекдотического рассказа о встрече его с Хафизом^[218], может быть, в 1387 году. Заботу о духовных интересах своих тюркских подданных Тимур проявил только постройкой великолепного здания над могилой главного тюркско-мусульманского святого, Ахмада Ясеви (других построек Тимура вне Самарканда и его окрестностей не было); но грамота о вакфе в пользу этого здания, дошедшая до нас, составлена по-персидски.

Лекция XII

Тимур при образовании своей империи не имел в виду, конечно, тюркских национальных целей. Целью Тимура было подчинить своей власти как можно большее число стран, по возможности весь мир. Нет указаний на то, чтобы Тимур знал историю Александра Македонского; но его историк приписывает ему те же слова, которые приписывались Александру и завоевателям его типа, в том числе самому могущественному представителю иранской династии Буидов в X веке Адуд ад-Даулу^[219]: «Весь мир не стоит того, чтобы иметь двух царей». Как завершение своей завоевательной деятельности Тимур представлял себе завоевание Китая, как до него хорезмшах Мухаммед II, а после него Надир-шах^[220], с той разницей, что для этих завоевателей поход на Китай был только отдаленной мечтой, тогда как Тимур успел собрать войско для похода, который был остановлен только его смертью; в Китае знали о военных приготовлениях Тимура и принимали меры для отражения нашествия. Есть даже известие, что начальники войска после смерти Тимура сперва хотели продолжать поход и только вследствие наступивших в царстве Тимура смут отказались от своего намерения.

Из всего этого видно, какое значение придавалось и в то время мусульманскими тюрками Китаю. Бабур говорит в своих записках, что всегда мечтал о путешествии в Китай, и некоторое время, когда ему казалось, что военные неудачи освободили его от всяких политических обязанностей, думал осуществить свою мечту, хотя он, конечно, мог бы быть в Китае только гостем, а не завоевателем, как Тимур. Самарканд оставался при Тимуре и его преемниках крупным торговым центром, куда проникали и китайские товары, хотя, насколько известно, в Туркестане в монгольский период не было таких научных сведений о Китае, какие мы находим в этот период в Персии, особенно в трудах Рашид ад-дина. Подробный рассказ о посольстве в Китай Шахруха^[221] в 1419–1422 годах, в котором принимали участие и послы из Самарканда, принадлежит одному из персидских участников посольства.

Предметом завоевательных стремлений Тимура были прежде всего области иранской культуры — раньше других, по географическим причинам, Хорезм, область тюркская по составу населения, но в то время едва ли сколько-нибудь уступавшая в культурном отношении чисто иранским областям. Тимур вывез из Хорезма в Самарканд большое число

ученых и художников; хорезмийские мастера построили для Тимура дворец в Шахрисябзе — Ак-сарай, остатки которого до сих пор производят сильное впечатление в художественном отношении, особенно по подбору изразцов; это здание стоит едва ли не выше самаркандских построек Тимура. Обстоятельства сложились так, что от войн Тимура больше всего пришлось пострадать Хорезму. Незадолго перед этим Хорезм освободился от подчинения Золотой Орде и находился под властью собственной династии, происходившей, как и династия Тимура, от отюреченных монголов; тем не менее хорезмийский владетель Хусейн Суфи^[222] не допускал даже сравнения между вполне усвоившими мусульманскую культуру хорезмийцами и походившими по внешности и нравам на язычников чагатаями. После покорения чагатаями в 1379 году Хорезм несколько раз поднимал восстание; во время борьбы между Тимуром и золотоордынским ханом Тохтамышем Хорезм несколько раз переходил на сторону Тохтамыша и чеканил монеты с его именем. Поэтому Хорезм и в особенности его столица Ургенч подверглись более тяжелой участи, чем другие завоеванные Тимуром области.

Во время походов Тимура было много случаев избиения в большом числе жителей городов, но никаких мер не принималось к тому, чтобы эти города оставались пустыми и после. Те же города, где было перебито несколько десятков тысяч людей, потом снова имели большое число жителей и были местопребыванием сыновей и внуков Тимура. Только один Ургенч был совершенно уничтожен как город, и на его месте, чтобы выразить внешним образом уничтожение города, был посеян ячмень. Через три года было разрешено восстановить Ургенч, но только в размерах одного квартала. Хорезм после Тимура так и не вернул себе своего прежнего торгового и культурного значения, тем более что хорезмийская область, по своему географическому положению, более всего страдала от продолжительных войн между узбеками, то есть тюрками Золотой Орды, и чагатаями.

Сам Тимур, как мы видели, был воином чагатайского типа, и его тюрки-чагатаи были ему, конечно, гораздо ближе, чем его иранские подданные — таджики. В войске Тимура рядом с тюрками были иранцы; историк-хорасанец Хафиз-и Аbru даже утверждает, что Тимур из всех отрядов своего войска более всего доверял хорасанцам; но в то же время Тимуру приписываются изречения, в которых военные качества признаются только за тюрками. Когда Тимур в 1404 году, незадолго до своей смерти, давал наставления своим сыновьям и внукам, он говорил им, что владевший прежде Западной Персией Султан-Ахмад Джалаир^[223] (и эта династия вышла из отюреченных монголов) не внушает беспокойства как человек «с характером таджика». Но в то же время Тимур, как все тюрки, подчинился влиянию иранской культуры.

Тимур был неграмотен, но не был чужд культуре, хорошо играл в шахматы, находился в постоянном общении с учеными и из бесед с ними вынес основательные познания в нескольких науках; своими познаниями в истории он удивил одного из величайших арабских историков того времени — Ибн Халдуна^[224]. Тимур заботился не только о военных успехах, но и о привлечении в свое государство и в свою столицу ученых, об увековечении своей славы грандиозными постройками и оросительными работами; во всем этом он находился в зависимости от людей иранской культуры и, по крайней мере большей частью, иранского происхождения.

Только в последние годы жизни Тимура, в связи с задуманным походом на Китай, мы видим с его стороны те действия, к которым правитель нашего времени приступил бы с самого начала. Принимаются меры к прочному подчинению тех тюркско-монгольских

народностей, против которых до тех пор предпринимались только набеги; в степи строятся крепости, причем передовым пунктом была крепость на Иссык-Куле; вообще проявляется забота о восстановлении земледелия и городской жизни. Все, что в этих отношениях было достигнуто перед походом Тимура на Китай, было утрачено тотчас после смерти Тимура, и попытки его преемников вновь подчинить кочевников не имели почти никакого успеха.

Тимур не был так счастлив в своих сыновьях и внуках, как Чингисхан, и после его смерти не могло быть и речи о сохранении границ империи, не говоря уже о дальнейшем расширении их. Очень скоро после смерти Тимура его династия лишилась всех своих владений, кроме Туркестана и восточных и частью южных областей Ирана; но на этом ограниченном пространстве, благодаря установлению сравнительного спокойствия и уменьшению размеров военных предприятий, могла происходить более оживленная культурная работа, чем при Тимуре. Главным городом империи вместо Самарканда сделался Герат, местопребывание того сына Тимура, Шахруха, к которому после некоторых междоусобий перешла верховная власть над всеми областями, оставшимися под властью династии Тимура; но и Самарканд, где сорок лет (1409–1449) правил старший сын Шахруха Улугбек, оставался блестящим городом, и постройки Улугбека по прочности, размерам и внешнему великолепию даже превзошли постройки его деда. Ни в гератских, ни в самаркандских постройках не было ничего национально-тюркского. Кроме мечетей и медресе строились также здания общепольного назначения, как бани, караван-сарай и т.п., но и среди них, по-видимому, не было ничего подобного единственной из построек Тимура, имевшей национальное значение, — зданию над гробницей Ахмада Ясеви с его огромным котлом для угощения местных дервишей и приезжих гостей. Эта принадлежность здания соответствовала мусульманским понятиям о назначении обители дервишей — ханегаха (в документах встречается выражение «ханегах — убежище странников») и вместе с тем тюркским представлениям об обязанности начальника заботиться о щедром угощении своих подчиненных. Зато при потомках Тимура получила значительное развитие тюркская литература, о которой в истории самого Тимура почти ничего не говорится. Тюркская поэзия была в чагатайском государстве и раньше; дервиш Кабул-шах, провозглашенный ханом в 1366 году и скоро после этого низложенный, писал стихи, пользовавшиеся известностью еще в XV веке; как хан, он должен был считаться потомком Чингисхана; очевидно, что его язык был тюркским; на этом же языке им, по всей вероятности, сочинялись стихи. Один из сподвижников Тимура, эмир Сейф ад-дин, барлас, писал стихи персидские и тюркские. Но после смерти Тимура появляются более популярные поэты Секкаки^[35] и Лутфи^[225]; за последним признавал поэтические достоинства и классический поэт Алишер Навои. Секкаки прославлял в своих стихах уже внука и ближайшего преемника Тимура в Самарканде Халиль-Султана^[226], впоследствии еще более прославлял Улугбека; в стихах, посвященных Улугбеку, автор говорит также о себе как тюркском поэте: «Небо еще много лет должно совершать свой кругооборот, прежде чем оно вновь создаст такого тюркского поэта, как я, и такого ученого царя, как ты». Лутфи также говорит, что Улугбеку известны достоинства его стихов, не уступавших, по его мнению, популярным в то время стихам персидского поэта XIV века Сельмана из Савы^[227].

В самом конце эпохи Тимуридов, в конце XV и в начале XVI века, писал сочинения на тюркском языке потомок Мираншаха^[228], Бабур; из слов Бабура мы знаем, что популярным поэтом был также его двоюродный брат, Байсункар^[229], владевший некоторое время Самаркандом. Всех других чагатайских поэтов затмил во второй половине XV века Алишер

Навои. Только произведения Навои пережили своего автора и получили широкую известность далеко за пределами владений Тимуридов; даже произведения Бабур, несмотря на их несомненные достоинства, сохранились только в небольшом числе списков и были настолько забыты, что должны были быть вновь открыты европейскими учеными. Алишер был человеком персидской культуры, вводил в тюркскую поэзию персидские сюжеты, даже написал историю древне-персидских царей. Нет известий, чтобы он интересовался, например, сочинением Рашид ад-дина, вообще историей тюрков и монголов. В то же время он придавал значение тюркской поэзии и тюркскому языку; в одном из своих сочинений, написанных в самом конце его жизни, он даже старается доказать преимущества тюркского языка перед персидским, на что не решался, насколько известно, ни один из других тюркских писателей, по крайней мере в Средней Азии.

Тюркские поэты писали преимущественно в Самарканде и Герате, то есть в городах, где огромное большинство населения составляли таджики и где тюркский элемент был представлен династией и войском. Политическое господство тюрков должно было придать некоторое значение их языку; мы знаем, что даже в Египте, где тюрков, вне военного элемента, вероятно, не было совсем, в эпоху мамлюков образовалась некоторая тюркская литература, преимущественно переводная. Разумеется, не все представители династии чувствовали себя тюрками и дорожили традициями своего народа; к тому же чисто тюркские традиции были вытеснены тюркско-монгольскими. Тюркское военное устройство того времени было наследием империи Чингисхана, и кроме тюркских военных терминов употреблялись монгольские, впоследствии забытые, например слово *хошун* в смысле «военный отряд». Степень преданности государя тюркским национальным традициям определялась тем значением, которое придавалось законам Чингисхана по сравнению с нормами мусульманского права — шариата. Шахрух в Герате хотел быть только мусульманским султаном и халифом и решительно отказывался признавать законы Чингисхана, тогда как в то же самое время Улугбек в Самарканде старался соблюдать, по крайней мере в военных делах, все законы, связывавшиеся с именем Чингисхана, назначая, по примеру Тимура, подставных ханов; он вообще старался править в духе своего деда.

Улугбек, однако, не имел возможности вернуться к тем планам, которые были у Тимура в последние годы его жизни; мечты Улугбека не шли дальше возведения на престол своих ставленников из местных царевичей. Он не унаследовал, по-видимому, военных талантов своего деда и не обладал темпераментом завоевателя; даже самое крупное из военных предприятий Улугбека, его поход в Моголистан в 1425 году, осталось без всяких результатов. Владения Улугбека к концу его правления были менее обширны, чем в начале; моголы отняли у него области к востоку от Сайрама, узбеки — области по Сырдарье ниже Туркестана. Могущество узбеков в то время усилилось под властью хана Абулхайра^[230], сыновьям и внукам которого было суждено впоследствии положить конец государству Тимуридов. Абулхайр зимой 1430–1431 годов захватил на некоторое время северную часть Хорезма с городом Ургенчем; осенью 1448 года, когда Улугбек после смерти Шахруха старался подчинить своей власти Хорезм, Абулхайр совершил набег на Мавераннахр и разграбил окрестности Самарканда; в 1451 году Абулхайр вмешался в происходившие в Мавераннахре междоусобия среди Тимуридов; с его помощью потомок Мираншаха Абу-Саид^[231] победил потомка Шахруха Абдуллу^[232], племянника Улугбека. Победа Абу-Саида была в то же время победой ходжи Ахрара^[233], стоявшего во главе среднеазиатского дервишизма и религиозной оппозиции против Улугбека и его системы управления.

Почитатель своего деда Тимура, Улугбек в то же время был приверженцем тюркско-монгольских военных традиций и до некоторой степени тюркским патриотом. На это указывают монеты, чеканенные им в Герате и Самарканде в течение тех двух лет (1447–1449), когда он стоял во главе государства Тимуридов (до 1447 года монеты и в Самарканде, где фактически управлял Улугбек, чеканились с именем Шахруха). Улугбек едва ли не единственный из Тимуридов (среди монет самого Тимура такие монеты есть), чеканивший монеты и надписи на тюркском языке. Надпись монет Улугбека: «По духовному благословию эмира Тимура гургана слово наше Улугбека гургана» (*гурган* — монгольское слово «зять», как называл себя Тимур и некоторые из его потомков, породнившиеся, по его примеру, с домом Чингисхана).

Тюркский патриотизм не мешал Улугбеку усвоить еще в большей степени, чем Тимур, иранскую культуру. Улугбек не только беседовал, как Тимур, с учеными, но сам занимался наукой, особенно астрономией, и представлял редкий в истории ислама пример ученого на престоле; современники сравнивают Улугбека в этом отношении только с Александром, учеником Аристотеля, очевидно не находя подходящего примера в мусульманской истории.

Отношение Улугбека к науке наглядно показывает, какой прогресс представлял Самарканд Улугбека по сравнению с Самаркандом Тимура. Среди приближенных Тимура были как ученые, так и представители тюркского военного сословия, но между теми и другими не было ничего общего; не было примера, чтобы тюркский приближенный Тимура сделался ученым. Улугбек не только сам сделался ученым-астрономом, но создал себе ученика и преемника среди своих приближенных тюрков — Аль-Кушчи^[234]. Прозвание Кушчи показывает, что он занимал должность, соответствующую сокольничьему русских царей; на этой почве, вероятно, произошло первоначально его сближение с Улугбеком, который был большим любителем охоты, так что Бабур называет его «кушчи падишах». По примеру своего государя Аль-Кушчи увлекся астрономией и принимал участие в трудах по сооружению самаркандской обсерватории Улугбека и составлению астрономических таблиц.

Тимур, несмотря на свою близость к тюркским военным кругам, стоял к своим иранским подданным настолько близко, что даже придумал для своего царствования персидский девиз — *расти русти* — «в справедливости сила». Улугбек, по-видимому, был еще более тюрком, чем его дед, но, конечно, владел и персидским языком и, вероятно, на этом языке говорил с представителями местной богословской науки, среди которых были и наследственные шейх аль-исламы Самарканда, потомки жившего в XII веке автора «Хи-даи» Бурхан ад-дина Маргинани^[235]. Замечательно, что этих шейх аль-исламов, наравне с самим Улугбеком (при жизни Тимура такие обвинения против государя громко не могли высказываться), обвиняли в нарушении предписаний ислама и в увлечении запрещенными религией удовольствиями. Действительно, такой факт, как устройство шейх аль-исламом пира с приглашением певиц, с точки зрения ислама представлялся совершенно необычным и недопустимым; в то же время этот факт наглядно показывает, как мало жизнь Самарканда при Тимуре и Улугбеке стеснялась предписаниями религии.

Разумеется, возможностями, открывавшимися этой свободой и культурным прогрессом, преимущественно пользовались представители правящего богатого класса, но и народные массы не были устранены от участия в этой жизни. Из рассказа Клавихо о пирах Тимура видно, что во время этих пиров заботились также об угощении народа. По свидетельству историка Ибн Арабшаха, дворцы Тимура с их обширными садами в то время, когда сам

Тимур там не жил, были доступны всем жителям Самарканда, богатым и бедным. Замечателен также обычай по случаю больших праздников в царской семье объявлять жителей столицы тарханами, то есть освобождать их от податей и повинностей.

Для кочевых завоевателей масса населения была податным сословием, обязанным платить деньги и работать в пользу кочевников, как в мусульманском государстве податным сословием были иноверцы. Эти условия не могли измениться и после принятия кочевниками ислама, несмотря на противоречие с мусульманскими традициями; во время народного движения в Самарканде в 1365 году против тюркских владетелей их обвиняли в том, что они берут подушную подать (*джизью*) с мусульман. Тем не менее освобождение от этой незаконной с точки зрения ислама подати происходило не на почве подчинения мусульманскому праву, но на почве применения к оседлым жителям нормы кочевого права — тарханства. Пожалование отдельному лицу тарханства было исключением данного лица из податного сословия и возведением его в дворянство; такие тарханные грамоты сохранились в числе документов, издававшихся от имени хана в государствах, на которые распались монгольские государства; в Поволжье возведение в тарханство продолжалось и при русской власти, до времени Александра II. Массовое тарханство жителей целого города, конечно, первоначально не имелось в виду кочевым правом, но тем не менее этот способ освобождения жителей столицы от податей и повинностей применялся и даже впоследствии — при узбеках. В конце XVIII века Шахмурад^[236], или эмир Масум, ревностный приверженец шариата, в начале своего царствования объявил тарханами жителей Бухары.

Государству Тимуридов, как и другим государственным образованиям в Средней Азии, не было предоставлено достаточно времени, чтобы на прочных основаниях создать культурную жизнь на национальной почве; смуты переходного периода вызвали кризис, которым воспользовались иноземные завоеватели. Торжество ходжи Ахрара и дервишизма не было связано с национальной борьбой иранцев против тюрок. Сам ходжа Ахрар был из горных таджиков, и среди его ближайших приверженцев, насколько известно, не было тюрок; но дервишизм всегда имел успех и среди тюркских кочевников, и Абу Сайд своим союзом с ходжой Ахраром не порывал с национальными традициями. На это указывает и легенда, что Абу Сайд видел во сне Ахмада Ясеви и ходжу Ахрара, причем первый указывал ему на второго. Как правитель Абу Сайд продолжал традиции Тимуридов; на монетах изображался герб Тимура — три кружка.

Тимуриды погибли в борьбе с другими тюрками, вышедшими из степи, — узбеками. Узбеки гораздо менее чагатаев были затронуты иранской городской культурой и потому в большей степени сохраняли кочевые нравы. Узбекским ханам не приходилось, как Тимуру и Улугбеку, искусственно возбуждать среди своих кочевников тюркский военный патриотизм; легенды о военных подвигах богатырей слагались в степи совершенно независимо от ханов, часто против них. Легенды о военных событиях XIV–XV веков в узбекском освещении включались даже в сочинения тимуридских историков и отличались гораздо большей жизненностью, чем придуманные для Тимура легенды о его предках.

Национальным тюркским патриотом был и для узбеков, как для тюрок государства Тимуридов, Ахмад Ясеви. Город, где был похоронен Ахмад Ясеви и где на некоторое время утвердили свою столицу узбеки, получил название Туркестан, чем особенно красноречиво доказывается значение культа Ахмада Ясеви для тюрок и значение тюркской национальной идеи для узбеков. В здании, построенном Тимуром над могилой Ахмада Ясеви, находятся

могилы многих узбекских ханов и ханш. Сюда же, в город Туркестан, удалились узбеки, когда они на короткое время, после поражения и смерти Шейбани в войне с персами (1510 год), лишились Самарканда, Бухары и прочих своих завоеваний.

Шейбани, внук Абулхайра, завоеватель государства Тимуридов, и был и чувствовал себя тюрком, но в своих завоевательных устремлениях руководствовался не тюркскими национальными целями. Как все кочевые завоеватели, он овладевал одной областью после другой, останавливаясь только перед непреодолимыми препятствиями. По словам одного из своих персидских историков, он прославился военными подвигами и в Туране, и в Иране; он завоевал Хорасан и, конечно, не ограничился бы одной этой иранской областью, если бы не его поражение в войне с Исмаилом Сефевидом^[237], основателем новоперсидского государства.

Факт завоевания Мавераннахра новым тюркским народом, притом почти совсем не затронутым персидской культурой, должен был способствовать дальнейшему развитию литературы на тюркском языке, особенно переводной; говорится о целом ряде таких трудов, написанных для первых узбекских ханов. Еще около 1530 года о самаркандском хане Абу Сайде, двоюродном брате Шейбани, говорится как о тюрке, совершенно не знавшем по-персидски. Но такое отчуждение завоевателей от покоренного населения не могло долго продолжаться. Умерший в 1539 году племянник Шейбани бухарский хан Убайдулла^[238] считался идеальным правителем не с точки зрения кочевых традиций, но с точки зрения мусульманского права — шариата. В таком же духе старался править самый знаменитый из узбекских ханов XVI века бухарский хан Абдулла^[239], умерший в 1598 году, объединивший под своей властью, кроме Мавераннахра, Хорезм и Хорасан. При провозглашении Абдуллы ханом в 1583 году (фактически вся власть была в его руках и раньше) был совершен старый монгольский обряд поднятия хана на куске белого войлока, но за четыре угла этого куска держались не главари кочевых родов, как требовалось кочевыми традициями, а главы бухарских дервишских орденов; в этом мы видим любопытный пример, как старались примирить чисто языческий обряд с духом мусульманской государственности.

Абдулла достиг своих целей такими же средствами, как другие монгольские и тюркские государи в Средней Азии. Его правление было благодетельным преимущественно в глазах оседлого населения, для которого было выгодно существование сильной власти; его имя до сих пор прославляется в Туркестане как насадителя порядка и культуры; ему приписываются все общепользные сооружения: проведение новых каналов, постройка в степи караван-сараяв и т. п. Но кочевники так же мало, как прежде, нуждались в объединении под сильной властью, и победы Абдуллы были куплены кровавым истреблением всех его противников. Истреблялись не только члены враждебных владетельных родов, до грудных младенцев включительно, но и народные массы, особенно во время походов Абдуллы на север, в степь. Рассказывают, что во время одного из таких избиений нарочно погнали толпу избиваемых мимо хана, чтобы этим вызвать его жалость и побудить его остановить избиение, но хан остался неумолим и избиение было доведено до конца. К тому же это кровопролитие оказалось бесцельным. Несмотря на понесенные потери, казахи еще до смерти Абдуллы снова произвели нашествие на Мавераннахр и дошли до Самарканда. После смерти Абдуллы и его сына Абд аль-Мумина^[240] государство, основанное Абдуллой, быстро распалось, все завоевания были утрачены, в самой Бухаре власть перешла к новой династии, которая владела только частью бывших владений хана. Ни один из последующих ханов не объединял под своей властью такого числа областей, как Абдулла.

Отсутствие среди узбеков политического единства и стремления к нему особенно ясно сказалось в судьбе Хорезма, который при последних Тимуридах входил в число владений султана, правившего в Герате совершенно независимого от султана, правившего в Самарканде. Шейбани завоевал Хорезм уже после Самарканда, почти одновременно со своим походом на Хорасан, и при жизни Шейбани Хорезм вошел в состав того же узбекского ханства, что Самарканд и Бухара. Но после битвы 1510 года победитель, персидский шах Исмаил, предоставил Самарканд и Бухару последнему Тимуриду — Бабур, а в Хорезм послал наместников от себя. Бабур был вытеснен из Мавераннахра родственниками Шейбани; персидских наместников вытеснили из Хорезма другие узбеки, тоже вышедшие из потомков Шибана, но из той ветви, что Абулхайр. В XVI веке Хорезм два раза, при Убайдулле и Абдулле, на короткое время подчинялся бухарским ханам; но в конце концов династия потомков Шибана в Хорезме оказалась долговечнее, чем узбекская династия в Самарканде и Бухаре, и правила почти до конца XVII века, тогда как господство дома Абулхайра прекратилось уже в конце XVI века. Хорезмийский историк хан Абулгази (умер в 1663 году) склонен считать гибель дома Абулхайра наказанием за произведенное Абдуллой избиение представителей хорезмийской династии; вообще он видит в действиях Абдуллы в Хорезме признаки «недомыслия», хотя в общем высоко ставил Абдуллу как правителя, упоминает и о высокой ценности на международном денежном рынке чеканившейся при Абдулле монеты. Между тем сам Абулгази первым из хорезмийских ханов стал производить набеги на Бухару; при сыне и преемнике Абулгази Ануше^[241] Бухара находилась короткое время во власти хорезмийцев.

С тех пор начались кровавые междоусобия среди тюркских народов Средней Азии, продолжавшиеся до завоевания Туркестана русскими и китайцами. Борьба происходила не только между отдельными государствами, но и между отдельными элементами каждого государства. В XVI–XVII веках под властью тюрков находилось огромное пространство от Каспийского моря на западе до Хами на востоке, от Гиндукуша и Куньлуня на юге до границ русских владений в Сибири на севере. Все эти области находились в состоянии, указывающем на упадок культуры по сравнению с недавним прошлым.

При объяснении этого явления историк, как во многих других случаях, находится в затруднении, что признавать причиной и что следствием. Завоевание значительной части Средней Азии таким отсталым в культурном отношении народом, как узбеки, должно было уменьшить значение Средней Азии для международной торговли; деятельность купцов еще более затруднялась отсутствием в отдельных государствах единства политической власти; так, в Хорезме каждый представитель династии старался взимать с товаров пошлину в свою пользу. Вместе с тем, однако, эти затруднения, вероятно, были бы преодолены легче и быстрее, если бы караванный путь через Среднюю Азию сохранял то значение, которое он имел еще в первой половине XV века при Тимуре и Улугбеке и которое он постепенно утрачивал со второй половины XV века — со времени открытия европейцами Америки и морского пути в Индию, когда преобладающее значение перешло к морской торговле, находившейся в руках европейцев. Кроме того, утверждение русской власти в Сибири создало и на суше новый торговый путь из Европы на Дальний Восток. Еще во второй половине XVII века сибирские купцы принимали участие в караванной торговле с Китаем через Среднюю Азию и пограничный китайский город Сучжоу; в первой половине XVIII века договорами между Россией и Китаем была создана кяхтинская торговля; образовался новый путь в Китай — Сибирский тракт, в начале XX века закрепленный железной дорогой,

и значение Туркестана для мировой торговли еще более уменьшилось. Господство в Средней Азии культурно отсталого народа — узбеков — могло способствовать изменению торговых путей, но еще более само изменение торговых путей способствовало культурной отсталости живущих здесь народов. При этом нет никакого основания утверждать, чтобы узбеки и другие среднеазиатские тюрки XVI и XVII веков были менее способны к усвоению культуры, чем средневековые тюрки.

Самым западным из тюркских владений в Средней Азии был Хорезм. Население его состояло, кроме узбеков, из сартов и туркмен. При узбеках слово *сарт* уже не употреблялось, как при Тимуридах, в значении «иранец», в противоположность слову «тюрок»; в Хорезме в это время сартами называли городских жителей, говоривших, как и узбеки, на тюркском языке, но резко отличавшихся от них в бытовом и культурном отношении. Узбеки, например у Абулгази, противопоставляются сартам не только как кочевники, сохранявшие племенной и родовой строй, но и как сельские жители, земледельцы. В военной и политической истории Хорезма сарты в это время не играли роли; зато между туркменами и узбеками много раз возобновлялась кровавая борьба; несколько раз сами хорезмийские ханы борьбе с узбекской родовой аристократией призывали туркмен и с помощью их устраивали кровавое избиение среди узбеков.

Какое значение придавалось туркменам, видно из того, что хорезмийский историк хан Абулгази, кроме сочинения по истории тюрок, в котором главное место было отведено истории узбеков, написал также особое сочинение по истории туркмен. Туркмены в большей степени, чем узбеки, сохраняли свой воинственный быт и свою поэзию; из всех тюркских народностей только туркмены имели своего национального поэта — Махтумкули^[242].

В глазах туркмен хорезмийские узбеки были не тюрками, а татами, как еще при Махмуде Кашгарском называли культурное население в противоположность тюркским кочевникам. Туркмены жили в это время в том же состоянии политической анархии, как на всем протяжении своей истории; характерно, что народ, из среды которого вышли основатели самых могущественных тюркских империй, сельджукской и османской, никогда не имел собственной государственности. С XVI века отдельные части туркмен подчинялись то хорезмийским узбекам, то бухарским, то персам; во время войн между этими государствами они присоединялись то к одной, то к другой стороне, боролись и между собой и тем не менее одерживали победы над своими врагами; даже русские встретили со сторон туркмен более упорное сопротивление, чем со стороны всех других, и только в борьбе с туркменами были случаи потери русскими войсками знамен и пушек^[243].

Узбеки Хорезма сохраняли свою государственность, несмотря на крайне неблагоприятные условия. Во второй половине XVI века Хорезм постигло стихийное бедствие: река Амударья на некоторое время совершенно перестала питать свой левый рукав, орошавший главный город области, Ургенч, и все течение ее направилось к Аральскому морю. Образовались новая столица Хива и новые города в дельте Амударьи, где некоторое время даже существовала особая, независимая от Хивы политическая власть. Менее подвергаясь влиянию персидской культуры, хорезмийцы более дорожили своим языком и преданиями, чем бухарские ханы; в XVI веке для одного из ханов, Дост-хана^[244], был составлен свод народных преданий; в XVII веке хан Абулгази написал свой замечательный исторический труд, в котором старался писать так, чтобы его мог понять и пятилетний мальчик, и избегать не только арабских и персидских выражений, но и

чагатайских.

Абулгази провел десять лет в Персии и потому был гораздо образованнее своих соплеменников; он высоко ставил ханскую власть и для оправдания идеи деспотизма проводил такую же теорию, как его английский современник Гоббс^[245]: для сохранения порядка в обществе необходимо, чтобы все члены общества отказались от своей воли в пользу одного лица. Преемник Абулгази, Ануша, увлекся идеей персидского деспотизма и после завоеваний Мешхеда принял титул *шах*; проведенному им новому большому каналу хан дал название Шахабад, из чего видно, как он дорожил своим новым титулом. Для создания блестящего престола в небольшом Хорезме, однако, не было подходящих условий; вскоре после смерти Ануши династия прекратилась, вся власть перешла в руки главарей кочевых родов, причем, однако, сохранялся принцип, что право на престол имеют только потомки Чингисхана; возводились на престол подставные ханы, чаще всего призывавшиеся из казахских степей; историки говорят об этом обычае как об «игре в ханы».

Хорезмийские узбеки в глазах бухарских были своевольными людьми, не склонными подчиняться произвольным распоряжениям своих властей. Анархия достигла высшего предела во второй половине XVIII века, и даже город Хива совершенно опустел. С 1770 года порядок постепенно был восстановлен под властью новой кунградской династии, представители которой потом приняли и ханский титул и с успехом старались установить в своей стране сильную власть. Еще около 1840 года хивинский хан владел обширным государством от Мургаба до низовьев Сырдарьи; впоследствии пределы этого государства значительно уменьшились под влиянием восстаний туркмен и казахов (казаков). После завоевания Хивы русскими (1873 год) хивинскому хану был оставлен Хорезм, хотя и в значительно уменьшенных пределах; при национальном размежевании 1924 года Хорезм как государство был совершенно уничтожен, большая часть его вошла в состав Узбекистана, остальная — в состав Туркменистана. Можно спорить, было ли это правильно; Хорезм не имел уже с XI века своей национальности, но по своим историческим традициям, бытовым и экономическим особенностям оставался вполне жизненным и своеобразным организмом, и уничтожение этого организма, существовавшего с древнейших времен, может быть, не пройдет бесследно.

Менее сложной была жизнь других государств. Во владениях бухарского хана различались, по-видимому, только узбеки и таджики; политическое господство находилось в руках узбеков; во время ослабления ханской власти во второй половине XVII века отдельные местности перешли во власть главарей отдельных узбекских родов, и установилась та удельная система, которая была в Туркестане в XIV веке в конце монгольского периода, до установления власти Тимура. Кроме того, приходилось отражать нашествия казахов, совершенно разоривших Самарканд, на некоторое время переставший существовать, тогда как Бухара, в противоположность Хиве, не подвергалась вражескому нашествию, и даже в эпоху величайших неудач в борьбе с внешними и внутренними врагами власть бухарских ханов в конце XVIII века при новой династии Мангытов, принявших титул эмиров, в их столице не подвергалась колебаниям. Эмиры из династии Мангытов вступили в беспощадную борьбу с узбекской родовой аристократией, или, по выражению ученого Ханыкова^[246], с бухарским феодализмом; борьба не привела к полному успеху, но власть бухарского эмира значительно усилилась; некоторым эмирам удавалось на короткое время подчинить себе даже Коканд. Эмирами производились оросительные работы для восстановления пришедшего в упадок земледелия; вновь орошенные земли в равнинной

части долины Зеравшана были заняты перешедшими к оседлости узбеками; в руках таджиков оставались, за немногими исключениями, только горные селения. Тем не менее население главных городов, Самарканда и Бухары, оставалось таджикским и сами эмиры были более таджиками, чем узбеками; хивинские историки называли даже бухарское войско таджикским, хотя военным элементом и в Бухарском ханстве оставались узбеки.

В Фергане, где тюркский элемент еще в монгольскую эпоху проник и в города, в эпоху кокандских ханов таджики были оттеснены в горы. Здесь, как в Хорезме, от узбеков и таджиков отличались сарты, как, по-видимому, называли в это время говорившее по-тюркски городское население. Сарты в Фергане представляли даже политическую силу и вели вооруженную борьбу с узбеками, особенно с захватившим на некоторое время власть родом кипчак. В ином значении, вероятно, употреблялось слово *сарт* казахами; в их поговорах постоянно сопоставляются слова *казах* в смысле «кочевник» и *сарт* в смысле «оседлый житель» городской и сельский, на каком бы языке он ни говорил. Кокандские ханы XIX века увеличили культурную площадь Ферганы грандиозными оросительными работами, содействовавшими развитию городской жизни; кроме того, они вели войну с Бухарой и с успехом распространяли свои владения на северо-запад, вниз по Сырдарье, и на северо-восток в Джетысуйской области. Для этого они старались подчинить себе кочевников — казахов и киргизов.

В русской литературе эти два народа, совершенно отличные один от другого, получили одно и то же название — киргизы; настоящих киргизов, чтобы отличить их от казахов, стали называть кара-киргизами. Мы видели, что казахский народ образовался только в XV веке из части узбеков, ушедших из-под власти хана Абулхайра; киргизы упоминаются издавна, хотя нельзя установить, когда и как они заняли южную часть Джетысуйской и восточную часть Сырдарьинской области, где мы находим их теперь. В известиях о походах Тимура и Улугбека нет ни слова о киргизах; они впервые упоминаются в Джетысуйской области в начале XVI века. В XVI веке киргизы часто находились под властью казахских ханов и вместе с ними вели борьбу с монгольскими ханами, в то время уже отюреченными, владевшими Кашгарией; в XVII–XVIII веках они одновременно с казахами, но отдельно от них вели войны с новыми монгольскими пришельцами — калмыками, на некоторое время подчинившими себе Среднюю Азию. Ими в XVIII веке были завоеваны принадлежавшие тогда казахам города Ташкент, Сайрам и Туркестан, и в зависимости от них находился даже бухарский хан. Среди калмыков прочно утвердился буддизм, и потому калмыки не могли, подобно потомкам монголов Чингисхана, принять ислам; мусульманами сделались только немногие калмыки, потомки которых известны теперь под названием «сарт-калмак». Могущество калмыцкой державы было сокрушено скоро после 1758 года китайцами, причем благодаря жестокому способу ведения войны погибла и значительная часть калмыцкого народа; новый удар был нанесен этому народу казахами во время ухода части калмыков, против воли русского правительства, из бассейна Волги на восток. После уничтожения калмыцкого государства китайцы старались подчинить себе казахов и киргизов; против китайских притязаний выступила Россия, в конце концов одержавшая верх в этом споре.

В первой половине XIX века русскими была уничтожена среди казахов ханская власть; у киргизов своих ханов не было, и, как мы видели, сами киргизы не обращали внимания на эту сторону своего быта. Киргизы позже, чем казахи, подчинились русским и потому дольше сохраняли свое военное устройство; борьба с калмыками оставила след в киргизском

народном эпосе, особенно в цикле сказаний о Манасе. Борьба в этом эпосе изображается как религиозная война, хотя киргизы и в XIX веке, как в XVI, очень мало были знакомы с догматами и обрядами ислама.

В XVII веке калмыки завоевали и Восточный Туркестан, где в то время господствовали ханы отюреченных монголов, называвших себя «моголами». Мы видели, что это название, как название «чагатай» в государстве Тимура и Тимуридов, относилось не ко всему населению страны, но только к военному сословию; после изменения политических условий и это название, как слово «чагатай» в Западном Туркестане, постепенно вышло из употребления. Под властью калмыков и потом под властью китайцев тюрки Восточного Туркестана не имели своего народного названия и не нуждались в нем; отдельные части народа называли себя по городам и местностям, где они жили (кашгарлык, турфанлык и т. п.) Местные мусульманские князья часто носили китайский титул *ван*; кроме того, политическое значение начиная с эпохи монгольских ханов имели духовные вожди, ходжи, происходившие из Ферганы, из ее северной, таджикской части.

В Западном Туркестане некоторые действия ходжей, может быть, носили национально-таджикский характер, направляясь против узбеков и казахов. В Восточном Туркестане, где отюречение было более полным, ходжи примыкали к тюркам и носили тюркские названия. Ходжей иногда называли распространителями ислама в Восточном Туркестане; в источниках на это указания нет; напротив, господство ислама вполне установилось еще в XV веке, и монгольские ханы сами усердно распространяли его, даже насильно; ханы заставляли своих монголов носить чалму, а непослушным прибивали ее к голове гвоздями.

Культурное состояние Восточного Туркестана было еще печальнее, чем состояние государства узбеков. Сюда еще менее проникало влияние Европы и Передней Азии, хотя и тут языком культуры отчасти был персидский язык; на персидском языке написан и исторический труд Мухаммед-Хайдара (в середине XVI века) — по отзыву европейских ученых единственный замечательный литературный труд, написанный в Кашгарии; потом этот труд был несколько раз переведен на тюркский язык. С XVIII века литературным языком был исключительно тюркский, но замечательных произведений больше не появлялось. Картину крайней дикости представляет и политическое движение 1860-х годов, благодаря которому Восточный Туркестан именно в то время, когда Западный Туркестан был завоеван русскими, на короткое время вернул себе свою политическую самостоятельность. Все это движение представляет картину кровопролитной и часто бессмысленной борьбы местного населения не только с китайцами, но и между собой; по признанию местного мусульманского историка, мусульманское население могло только радоваться восстановлению китайской власти^[36].

Восточный Туркестан остался под властью Китая и после свержения маньчжурских императоров и учреждения Китайской республики, но, под влиянием событий в России, должна была явиться потребность в национальной автономии, по крайней мере культурной. Интеллигенция Восточного Туркестана теперь склонна называть свой народ уйгурами, хотя владения уйгуров никогда не заходили до западной части Кашгарии и хотя еще теперь гораздо дальше на восток, уже в пределах собственного Китая, существуют остатки уйгуров, до сих пор сохраняющие верность буддизму, пользовавшиеся уйгурским шрифтом, окончательно забытым мусульманскими тюрками после XV века, и имевшие религиозную литературу, по крайней мере переводную, на своем языке; теперь уйгурская грамотность среди них совершенно вытеснена тибетской.

Будущность среднеазиатских тюрок, как всякого другого народа, в значительной степени зависит от их участия в мировом культурном общении. Нет основания ожидать проведения железной дороги через Восточный Туркестан и восстановления таким образом средневекового торгового пути из Передней Азии в Китай, хотя об этом проекте и говорилось в печати; при существовании железнодорожного пути в Китай через Сибирь маловероятно создание второго, к тому же связанного с большими техническими трудностями. Гораздо более вероятно, что для Туркестана, особенно Западного, будет иметь значение европейско-индийский железнодорожный путь, когда вопрос о нем, давно уже поставленный, будет наконец решен. Известно, что русские уже в XVII веке через Туркестан искали пути в Индию.

**Василий
Бартольд**
Тюрки

Автор этой книги академик Василий Владимирович Бартольд (1869—1930) как-то заметил, что изучение истории тюрков по первоисточникам требует таких навыков, которые редко соединяются в одном лице, ибо если взять хотя бы языки, то надо знать в совершенстве, кроме тюркских, как минимум арабский, персидский и китайский, а также обладать массой специальных знаний. Сам он — тюрколог, арабист, исламовед, историк, архивист, филолог, полиглот — был именно таким человеком, являя собой редкий тип ученого-энциклопедиста. В. В. Бартольд опирался в своих работах на множество источников и, как никто другой, — благодаря своим глубоким знаниям — умел их сопоставлять и анализировать. Курс лекций по истории тюркских народов был написан им по просьбе турецкого правительства, прочитан на турецком языке в Стамбульском университете в июне 1926 года и позже переведен на основные европейские языки. Эта работа, ставшая классикой тюркологии, сохраняет актуальность по сей день, однако достоинство ее еще и в том, что она написана предельно просто и ориентирована на обычного читателя.

ISBN 978-5-91678-240-0

9 785916 782400

notes

Примечания

В.В. Бартольд, говоря о тюрках как об этноязыковой общности, использует термин «турки» и производные от него, которые ныне обычно применяются для обозначения основного населения Турции. В данном издании, для удобства читателей, сочтено возможным заменить их на термины «тюрки», «народы тюркской группы», «тюркские народности» и проч.

В этой работе, как и во многих других, В.В. Бартольд называет Средней Азией как Центральную Азию, так и собственно Среднюю Азию.

Тимур, Тамерлан (полное имя — Тимур ибн Тарагай Барлас; 1336–1405) — полководец, основатель империи Тимуридов со столицей в Самарканде.

Эдуард Шаванн (Edouard Chavannes; 1865–1918) — французский археолог, синолог, с 1903 года член французской Академии надписей (с 1915 года президент), с 1913 года — член-корреспондент Петербургской академии наук.

Вильгельм Людвиг Петер Томсен (Vilhelm Ludwig Peter Thorn-sen; 1842–1927) — датский лингвист и историк, профессор, с 1894 года член-корреспондент Российской академии наук. Наиболее известен дешифровкой орхоно-енисейских надписей (цикл работ 1893–1896 годов).

Василий Васильевич Радлов (наст. имя — Вильгельм Фридрих Радлов; 1837–1918) — выдающийся русский востоковед-тюрколог, этнограф, археолог и педагог немецкого происхождения. Директор Кунсткамеры с 1894 года. Организовал и возглавил знаменитую Орхонскую экспедицию в Монголию (1891), в ходе которой были открыты орхон-енисейские надписи. Автор около 150 научных трудов.

Имеется в виду «Сокровенное сказание монголов» — наиболее древний монгольский литературный и историографический памятник. Дошло до нас на монгольском языке в китайской иероглифической транскрипции. Буквальный перевод китайского названия «Секретная история династии Юань».

Поль Пелльо (Пельо, Пеллио; Paul Pelliot; 1878–1945) — французский востоковед, специалист по истории Китая, монголов, других центральноазиатских народов.

Эдгар Блоше (Edgard Blochet; 1870–1937) — французский востоковед, специалист по истории религий.

Рашид ад-дин (Рашид ад-Доулэ; Рашид ат-Табиб — «врач Рашид»; полное имя — Рашид ад-дин Фазлуллах ибн Абу-льХайр Али Хамадани; ок. 1247–1318) — персидский государственный деятель, врач и ученый-энциклопедист; министр государства Хулагуидов (1298–1317). Составил исторический труд на «Сборник летописей», являющийся важнейшим источником по истории Монгольской империи и Ирана Хулагуидов.

Кай (Карл) Рейнхольд Доннер (Karl Reinhold (Kai) Donner; 1888–1935) — финский лингвист, этнограф и политик.

Согдийские документы из Восточного Туркестана датируются теперь В. Хеннингом IV веком; см.: W. B. Henning. The date of the Sogdian Ancient Letters. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», vol. XII, pt. 3–4, 1948, p. 601–615.

Робер Готьо (Robert Edmond Gauthiot; 1876–1916) — французский языковед, иранист.

Тоньюкук (646–724) — политический и военный деятель государственного образования кочевых тюрков — так называемого Второго тюркского каганата.

Сюань Цзан (Сюаньцзан; Худнз&ng, букв. «Таинственный толстяк»; 602–664) — китайский буддийский монах, философ, путешественник и переводчик времен династии Тан.

Гильом де Рубрук (Guillaume de Rubrouck, букв. «Гильом из Рубрука»; ок. 1220 — ок. 1293) — фламандский монах-францисканец, путешественник. В 1253–1255 годах по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие к монголам. Автор книги «Путешествие в восточные страны».

Борис Яковлевич Владимирцов (1884–1931) — российский востоковед, монголовед, академик АН СССР (1929). Специалист в области монгольского языкознания, литературы, истории и этнографии монгольских народов.

«Кутадгу билиг» («Благодатное знание») — поэма тюркского писателя XI века Юсуфа Баласагуни.

Второе и ныне значительно чаще употребляемое название китаев — кидани.

Куракити Сиратори (Ширатори; 1865–1942) — японский историк.

Иосиф Юлиус Миккола (Jooseppi Julius Mikkola; 1866–1946) — финский языковед, славист. Профессор славянской филологии Хельсинкского университета.

Карл Иоахим Марквардт (Karl Joachim Marquardt; 1812–1882) — немецкий историк и классический филолог.

Николай (Николас) Николаевич Поппе (1897–1991) — русский и американский лингвист, этнограф. Член-корреспондент АН СССР (1932). В 1942 году, находясь на оккупированной территории, пошел на сотрудничество с немцами и в 1943 году вместе с семьей выехал в Германию, после поражения которой в войне оказался в США. Был профессором в Университете штата Вашингтон.

Фридрих Хирт (Friedrich Hirth; 1845–1927) — немецко-американский синолог, историк, один из основателей синологии США.

Имеется в виду тюркская версия буддийского священного текста «Сутра золотого блеска», первоначально написанного в Индии на санскрите.

Современная транскрипция — цзянькунь.

Гардизи (полное имя — Абу Сайд Абд аль-Хай ибн аз-Заххак ибн Махмуд Гардизи) — персидский историк XI века, автор труда «Украшение известий».

В настоящее время не принято объединять уральские и алтайские языки в одну лингвистическую группу, хотя ряд исследователей остаются сторонниками гипотезы об урало-алтайском родстве.

Матиас Александр Кастрен (Matthias Alexander Castren; 1813–1852) — финский филолог, исследователь финно-угорских и самодийских языков.

К племенам Южной Сибири, первоначально говорившим на самодийских языках и утратившим свою языковую самобытность под влиянием тюркоязычных соседей, относятся камасинцы, маторы, койбалы, котовцы, тайги, карагасы; о самодийских языках см.: Н.М. Терещенко. Самодийские языки. — Сб. «Младописьменные языки народов СССР». М.-Л., 1959, с. 380–399.

Группа так называемых енисейских племен (кеты, коты, ассаны, арины) утратила свои первоначальные, родственные между собой языки к концу века. Материалы Анучина, изучавшего кетский язык в 1904–1908 годах, опубликованы не были. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) — русский географ, антрополог, этнограф, археолог.

Махмуд ибн аль-Хусейн ибн Мухаммед аль-Кашгари (1028 или 1029–1101 или 1126) — тюркский филолог и лексикограф. Автор «Собрания тюркских наречий», в котором собран и обобщен обширный историко-культурный, этнографический и лингвистический материал. О Махмуде Кашгарском и его труде см.: С.Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. — Л., 1951.

Кутейба ибн Муслим (668–715) — наместник Хорасана в эпоху правления арабских халифов из династии Омейядов в 704–715 годах; был главным организатором и исполнителем завоевательных походов арабов в Среднюю Азию и покорения Мавераннахра.

Саманиды — династия, правившая в Средней Азии и Иране в 875–999 годах.

Сасаниды — династия, правившая в Сасанидской империи (государстве на территории современных Ирака и Ирана) в 224–651 годах.

Якут аль-Хамави (полное имя — Якут Ибн Абдаллах ар-Руми (Византиец) аль-Хамави Абу Абдаллах Шихаб-ад-Дин; между 1178 и 1180–1229) — мусульманский писатель, историк, географ. По происхождению — малоазийский грек. Автор обширного «Географического словаря», «Словаря литераторов», «Словаря стран».

Макдиси (полное имя — Мухаммад ибн Ахмад Шамс альДина аль-Мукаддаси; 945 — после 1000) — арабский географ, автор труда «Лучшее распределение для познания климатов», содержащего описание всех стран мусульманского Востока.

Ибн Хордадбех (полное имя — Абу-ль-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех; ок. 820–885 или ок. 912) — иранский географ. Был начальником почт в области аль-Джабал (Северо-Западный Иран). Автор «Книги путей и стран», в которой содержатся многочисленные сведения по истории и топонимике Арабского халифата и окрестных стран, в том числе самые ранние в арабской географии упоминания о русах и славянах.

Древнетюркские рунические тексты Монголии позволили установить правильное чтение этнонима «токуз-огуз» — «девять (племен) огузов». Господствующим племенем этой конфедерации были уйгуры. В арабских и персидских источниках термин «токуз-огуз» относится исключительно к уйгурам Восточного Туркестана.

Ибн аль-Асир (полное имя — Иззуддин Абуль-Хасан Али ибн Мухаммад ибн Абдул-Карим аль-Джазири; 1160–1233 или 1234) — арабский историк, автор «Полного свода всеобщей истории» и других сочинений.

Табари (полное имя — Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари; 839–923) — арабский историк и богослов, автор «Истории пророков и царей» и других сочинений.

Ахмад ибн Тулун (835–884) — основатель династии Тулунидов, правившей в государстве с центром в Египте. Его отец Тулун (ум. 854 год), раб, будучи прислан саманидским правителем Бухары в качестве подарка багдадскому халифу Мамуну, сумел выдвинуться при его дворе и дослужиться до командующего гвардией.

Путешествие Тамима ибн Бахра аль-Муттави, арабского дипломатического агента, достигшего ставки уйгурского кагана на Орхоне, состоялось в начале 820-х годов. См.: С.Г. Кляшторный. Ордубалык: рождение городской культуры в Уйгурском каганате // Древние культуры Евразии. СПб., 2010, с. 276–279.

Масуди (полное имя — Абу-ль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди; ок. 896–956) — арабский историк, географ и путешественник; первый объединил разрозненные прежде исторические и географические наблюдения в труде энциклопедического характера «Известия времени» в 30 томах.

Джахиз (полное имя — Абу Усман Амр ибн Бахр аль-Джахиз; 775–868) — арабский писатель, богослов, автор сатирических произведений «Книга о скупых» и «Послание о квадратности и округлости».

Ибн ан-Надим (полное имя — Абу-ль-Фарадж Мухаммед бен Аби Якуб бен Исхак ан-Надим аль-Варак аль-Багдади) — арабский писатель X века, жил в Багдаде. Составил обширный словарь по культуре мусульманского мира и окружающих его стран.

Бируни (полное имя — Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмад аль-Бируни; 973–1048) — среднеазиатский ученый-энциклопедист; писал на арабском языке; автор трудов практически по всем наукам своего времени.

Имеются в виду территории, входившие в состав Российской империи.

Первоначально Мавераннахром (пехл. «Farāgōd» — «заречье») области по правому берегу Амударьи называли жители левобережного Хорасана. Позднее это название перешло на весь регион между Амударьей и Сырдарьей.

Бармакиды — род, из которого вышли первые персидские министры Арабского халифата. Находились у власти на протяжении всего VIII века.

О распространении буддизма, христианства, манихейства в Средней Азии до арабского завоевания см.: А.М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов, в кн. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, с. 25–82; главное место в религиозной жизни домусульманской Средней Азии занимал культ, связанный с почитанием огня и пантеона местных божеств. В.В. Бартольд определяет этот культ как зороастризм, однако его отличия от канонизированного зороастризма, господствовавшего в Иране, весьма значительны. В советской исторической литературе эта система религиозных воззрений условно именуется маздеизмом.

В советское время Джамбул. Ныне городу возвращено исконное название Тараз.

Бартольд имеет в виду сообщения Вертинских анналов, где под 839 годом говорится о посольстве древнерусского князя, который назван хаканом; однако нет доказательств, что речь идет о норманнском князе из Приладожья.

Ибн Хаукаль (X век) — арабский географ и путешественник. Автор «Книги путей и стран», которая содержит многочисленные сведения об Арабском халифате и окрестных странах.

Харун ар-Рашид (Гарун аль-Рашид; 763 или 766–809) — багдадский халиф из династии Аббасидов с 786 года. Прозвище ар-Рашид («Справедливый») получил от отца при назначении наследником престола. Правление Харуна ар-Рашида ознаменовалось экономическим и культурным расцветом.

Аль-Муктадир биллах Абу-л-Фадл Джафар ибн Абд-Аллах (895–932) — багдадский халиф из династии Аббасидов с 908 года. В годы его правления Арабский халифат последовательно приходил в упадок.

Ибн Фадлан (полное имя — Ахмад ибн Фадлан ибн аль-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад; перв. пол. X века) — арабский путешественник и писатель. В 921–922 годах в качестве секретаря посольства халифа аль-Муктадира посетил Волжскую Булгарию и в своих путевых заметках оставил уникальные описания быта и политических отношений огузов, башкир, болгар, русов и хазар.

Оба, и аль-Мустакфи (944–946), и аль-Мути (946–974), были чисто номинальными халифами при султанах из династии Бундов, которая отложилась от Саманидов, захватила Багдад и правила там в 945–1055 годах.

Хишам ибн Абдул-Малик (691–743) — халиф с 723 года из династии Омейядов.

Сатук Богра хан (915–955) — основатель государства Караханидов в Центральной Азии. Первым в династии принял ислам и поменял имя на Абд аль-Керим.

Василий Васильевич Григорьев (1816–1881) — русский историк, востоковед. После выхода его монографии «Караханиды в Мавераннахре» в русской и мировой литературе за династией, правившей в Караханидском государстве, утвердилось название «Караханиды».

Александр Григорьевич Туманский (1861–1920) — русский востоковед, военный переводчик, генерал-майор.

Меликшах (1055–1092) — сельджукский султан с 1072 года. В его правление сельджукское государство пришло к точке своего наивысшего могущества

Чагатай (Джагатай) (1185–1242) — монгольский государь, второй сын Чингисхана и Бортэ. Получил в управление улус в Средней Азии, преобразованный в 1266 году в самостоятельное государство. Потомки Чагатая правили в среднеазиатских ханствах в XIII–XIV веках.

Низам аль-Мульк («Порядок Царства») — титул, под которым известен Абу Али аль-Хасан ибн Али ибн Исхак ат-Туси (1018, или 1019, или 1020–1092) — персидский государственный деятель, визирь при сельджукских султанах Алп-Арслане (1063–1072) и Меликшахе (1072–1092).

Богра-хан Харун ибн Муса (ум. 992) — правитель государства Караханидов с 970 года. Имел титул Захир ад-дава («Опора призыва к вере»).

Бунды — династия, правившая в Багдаде в 945–1055 годах. Глава династии носил древний сасанидский титул шаханшах аль-азам малик аль-мулук — «величайший царь царей». Пали в результате нашествия сельджуков и их союзников.

Газневиды — династия эмиров и султанов из туркменского племени кайы, правившая в 961–1186 годах в основанном ими государстве, которое включало Хорасан, Афганистан, Хорезм, Бухару, Гурган, северные провинции Индии, Ирак. Основатель династии — саманидский полководец Алп-тегин.

Махмуд Газневи (971–1030) — эмир и падишах государства Газневидов с 998 года. При нем государство Газневидов достигло наибольшего могущества.

Фирдоуси (полное имя — Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси Туси; 935–1020) — персидский поэт, автор эпической поэмы «Шахнаме» («Книга царей»). Считается национальным поэтом в Иране, Таджикистане, Узбекистане и Афганистане.

Дакики (наст. имя — Абу Мансур Мухаммад ибн Ахмад) — один из крупнейших персидско-таджикских поэтов второй половины X века. Служил при дворе саманидского правителя Нуха II ибн-Мансура (975–997).

Кадыр-хан Юсуф ибн Харун — правитель с титулом великого хана города Баласагуна в 998–1032 годах.

Джем аль ад-дин Ибн аль-Муханна — лингвист начала XIV века, известный в тюркологии как Араб-филолог; автор арабского учебника персидского, тюркского и монгольского языков.

Платон Михайлович Мелиоранский (1868–1906) — русский востоковед-тюрколог, профессор Санкт-Петербургского университета с 1905 года.

Килисли Рифат (1877–1936) — тюркский историк, издатель, переводчик.

Шараф аз-Заман Тахир аль-Марвази (кон. XI — нач. XII) — врач при дворе Сельджукидов.

Джувейни (Ала ад-дин Ата Малик ибн Мухаммед Джувейни; 1226–1283) — историк, персидский государственный деятель эпохи Хулагуидов, автор труда «История мирозавоевателя». Происходил из рода, представители которого занимали высокие должности при сельджуках, хорезмшахах и монгольских ханах.

Абуль-Касим Абдуллах ибн Мухаммад аль-Муктади Биамриллах (1056–1094) — багдадский халиф из династии Аббасидов с 1075 года.

Имеется в виду Карадарья.

Муканна («закрытый покрывалом»; наст, имя — предположительно Хашим ибн Хаким) — хорасанский проповедник, предводитель сектантского течения и восстания против Аббасидов, которое при халифе аль-Махди (правил в 775–785 годах) охватило весь Мавераннахр. Сведения о восстании Муканны сохранились в основном в преданиях и противоречат друг другу; наиболее значимы предания, собранные аль-Бируни в труде «Известия об одетых в белое и карматах».

Константин VII Багрянородный (905–959) — византийский император из Македонской династии номинально с 913го, фактически — с 945 года. Автор сочинений «О фемах», «О церемониях», «Об управлении империей» — важнейших источников для изучения истории Византии, Руси и других стран.

Аль-Фараби (полное имя — Абу Наср Мухаммед ибн Мухаммед ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби; 872–950 или 951) — философ, математик, автор комментариев к сочинениям Аристотеля и Платона.

Масуд I Газневи — султан государства Газневидов в 1030–1041 годах.

Хутба — мусульманская проповедь, совершаемая имамом во время пятничного полуденного богослужения в мечети, а также по праздникам.

Абу-ль-Фарадж ибн Гарун по прозвищу Бар-Эбрей (с принятием епископского сана Григорий; 1226–1286) — сирийский церковный деятель, плодовитый писатель, ученый-энциклопедист.

Султан-Велед (1226–1312) — персидский поэт-суфий, основатель суфийского ордена Мевлеви.

Джелал ад-дин Руми (1207–1273) — персидский поэт-суфий.

Алп-Арслан (*тюрк*, «смелый лев»; 1029–1072) — султан государства Сельджукидов с 1063 года.

Санджар (ок. 1085–1157) — султан Сельджукской империи с 1118 года из династии Сельджукидов.

Бейхаки (Абуль-Фазль Мухаммад ибн Хусейн аль-Байхаки; ок. 995–1077) — персидский историк, автор истории династии Газневидов более чем в 30 томах, из которых сохранилась лишь часть, посвященная правлению султана Масуда I.

Аль-Идриси (полное имя — Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед ибн Абдаллах ибн Идрис аль-Хаммуди аль-Хасани; 1100–1165) — арабский географ, автор географического сочинения, составленного по инициативе короля Сицилии Рожера II в 1154 году.

Утби (полное имя — Абу Наср Мухаммед аль-Утби; 961–1022; по др. данным, ум. 1036 или 1040) — арабский историк. Крупный чиновник при Саманидах, затем при дворе Газневидов. Автор написанного рифмованной прозой труда по истории правления Газневидов (до 1021) «История десницы».

Павел Константинович Коковцов (1861–1942) — российский востоковед, семитолог, академик Санкт-Петербургской академии наук с 1912 года. Умер в блокадном Ленинграде.

Ханака — первоначально приют для странствующих дервишей. Позже культовые сооружения (иногда монастырского типа); в комплекс ханаки обязательно входила мечеть, могли входить мавзолей, библиотека, школа, больница и т.д.

Абу Шуджа (полное имя — Абу Шуджа Мухаммад ибн аль-Хусайн Захир ад-Дин ар-Рудравари; 1045–1095) — арабский историк, автор труда «Продолжение книги испытаний народов и осуществления заданий»; был везиром халифа аль-Мук-тади (1075–1094).

Макс ван Бершем (Max Van Berchem; 1863–1921) — швейцарский востоковед.

Яса — уложение Чингисхана, которое постоянно подтверждалось его преемниками.

Ибн Арабшах (полное имя — Ахмад ибн Мухаммед ибн Араб-шах; 1392–1450) — арабский писатель и историк. Автор труда «Чудеса предопределения в событиях (жизни) Тимура»

Мартин Хартманн (Martin Hartmann; 1851–1918) — немецкий востоковед, арабист.

Наср ибн Ахмад (905–943) — эмир Мавераннахра и Хорасана в 914–943 годах. При нем династия Саманидов достигла наивысшего могущества.

Истахри (полное имя — аль-Истахри Абу Исхак аль-Фариси; ок. 850–934) — арабский географ. Автор труда «Книга путей государств», оказавшего влияние на труды многих арабских и персидских географов.

Самани (полное имя — Абу Сад Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Самани; 1113–1162) — арабский историк, автор восьмитомного труда «Книга нисб».

Ходжа Ахмад Ясеви (1103–1166) — поэт, один из первых суфийских мистиков в тюркоязычном мире. Писал на чагатайском языке. В 63 года, в возрасте пророка Мухаммеда, заточил себя в подвале до конца своих дней, ибо считал, что не должен видеть солнце больше, чем пророк. Считается национальным святым тюркских народов, населяющих Центральную Азию.

Халиф (*араб.*) — наместник, заместитель.

Абу Я куб Юсуф аль-Хамадани (1048–1140) — исламский богослов, суфийский шейх; был широко известен в Центральной Азии, имел учеников по всему исламскому миру.

Нисба (*араб.*) — отношение, связь; часть арабского (мусульманского) имени, обозначающая этническую, религиозную, политическую, социальную принадлежность человека, место его рождения или проживания и т. п.

Сулейман Бакыргани (Сулейман-Ата; 1091–1186) — тюркский святой, легендарный суфийский шейх, распространитель ислама в Средней Азии. Под именем Хаким-Ата выступает популярным персонажем тюркской мифологии.

Теодор Нёльдеке (Theodor Noldeke; 1836–1930) — немецкий востоковед, автор работ по семитологии, арабистике, иранистике, тюркологии. Почетный член АН СССР с 1926 года.

Ала ад-дин Мухаммед II (полное имя — Ала ад-Дунийя ва-дДин Абу-л-Фатх Мухаммад ибн Текеш; 1169–1220) — хорезмшах с 1200 года. Одержал ряд побед над кара-китаями, после чего стал именоваться «тенью Аллаха на земле» — одним из главных титулов сельджукских государей. Но в 1219 году потерпел разгромное поражение от войск Чингисхана, бежал и умер на острове Абескун в Каспийском море, находясь в крайней нищете.

Махмуд Ялавач Хорезми (ум. 1254) — государственный деятель Монгольской империи. После завоевания Средней Азии был назначен в 1225 году наместником Мавераннахра с резиденцией в Ходженте.

Масуд-бек (ум. 1289) — эмир Мавераннахра в 1238–1289 годах.

Ибн Баттута (Мухаммад ибн Абдуллах ибн Мухаммад ат-Танджи; 1304–1377) — выдающийся арабский путешественник, купец; объехал все страны исламского мира; описал свои путешествия в книге «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий».

Карл Брокельман (Carl Brockelmann; 1868–1956) — немецкий востоковед, семитолог.

Замахшари (полное имя — Абуль-Касим Махмуд ибн Умар аз-Замахшари; 1075–1144) — хорезмийский писатель, философ, толкователь Корана.

Шахрастани (полное имя — Абуль-Фатх Мухаммад ибн Абдул-Карим аш-Шахрастани; 1075–1153) — хоросанский богослов, историк.

Джелал ад-дин Манкбурны (полное имя — Джелал ад-Дунийя ва-д-Дин Абу-л-Музаффар Манкбурны ибн Мухаммад; 1199–1231) — хорезмшах с 1220 года. Придя к власти, возглавил борьбу Хорезма против монгольского вторжения. Нанес ряд поражений монголам, но в конце концов был разбит, скрывался в горах и погиб от руки наемного убийцы. Считается в Узбекистане национальным героем.

Тимуриды — династия, правившая в Мавераннахре, Иране, Ираке и Афганистане с 1370 года до начала XVI века. Основателем династии был Тимур (Тамерлан).

Абдулрахим Хафиз Хорезми (XIV век) — узбекский поэт; из его творчества сохранилась только в двух списках «Повесть о любви», о которой говорит В. Бартольд.

Джанибек (ум. 1357) — хан Золотой Орды с 1342 года.

Тинибек (ум. 1342) — хан Золотой Орды с 1341 года. Был убит во время принятия ханской присяги в результате заговора, составленного братом Джанибеком.

Узбек (ок. 1283–1341) — хан Золотой Орды с 1313 года. Правление Узбека стало временем наивысшего могущества Золотой Орды.

Захир ад-дин Мухаммад Бабур (*араб.* «Бабур» означает «лев, полководец, барс»; 1483–1530) — тимуридский правитель Индии и Афганистана, полководец, основатель империи Великих Моголов (1526). Известен также как поэт и писатель, автор сочинения «Бабурнаме», в котором излагаются события 1493–1529 годов.

Алишер Навои (1441–1501) — среднеазиатский тюркский поэт, философ, государственный деятель тимуридского Хорасана. Автор множества лирических поэм и стихотворений, исторических трудов.

Тохтамыш (ум. 1406) — хан Золотой Орды в 1380–1395 годах, хан Тюменского ханства с 1400 года.

Тимур-Кутлуг (ум. 1399) — хан Золотой Орды с 1395 года.

Абу-ль-Аббас Ахмад ан-Насирли-диниллах (1158–1225) — багдадский халиф с 1180 года из династии Аббасидов. Последний значительный государь из халифов Багдада.

Ауфи (полное имя — Садидудцин Мухаммад ибн Мухаммад Бухари Ауфи; кон. XII — перв. пол. XIII) — персидско-таджикский историк, филолог.

Джамуха (ум. 1205) — друг детства и побратим Чингисхана, главный его противник в объединении монгольских племен. Согласно «Сокровенному сказанию монголов», Чингисхан предлагал плененному Джамухе возобновить дружбу, однако тот отказался, сказав, что «как в небе есть место лишь для одного солнца, так и в Монголии должен быть только один владыка».

Джучи (ок. 1184 — ок. 1227) — старший сын Чингисхана и его первой жены Бортэ, участвовал как полководец в завоевании Средней Азии. Наследственные земли его потомков — улус Джучи в западной части Монгольской империи — в русской историографии известны как Золотая Орда.

Джузджани (полное имя — Абу Омар Минхадж ад-Дин Осман ибн Сирадж ад-дин аль-Джузджани; ок. 1193 — после 1263) — персидский историк, автор всеобщей истории компилятивного характера.

Захир ад-дин Мараши — персидский историк XV века, автор «Истории Табаристана, Руйана и Мазандерана».

Тулуй, или Толуй (ок. 1193–1232) — четвертый, младший сын Чингисхана и Бортэ. Был регентом в период междуцарствия (1227–1229) после смерти Чингисхана.

Джованни Плато Карпини (ок. 1182–1252) — итальянский монах-францисканец, первый из европейцев посетивший Монгольскую империю и оставивший описание своего путешествия.

Орда, Орда-Эджен, Орду-Ичен (*монг.* эзэн — «хозяин, владыка»; ок. 1204–1251) — старший сын Джучи, внук Чингисхана, правитель левого крыла улуса Джучи.

Шибан (Сибан; ок. 1207 —?) — третий сын Джучи, внук Чингисхана. Один из командующих в Западном походе монголов.

Мухаммед Шейбани (упоминается также как Шайбак, Шайбек и Шахибек; наст, имя по одним данным — Шах-Бахт Мухаммед, по другим — Абулфатх Мухаммед Шейбани-хан; 1451–1510) — узбекский хан, основатель государства Шейбанидов (Шибанидов).

Аш-Шайбани (Абу Абдаллах Мухаммад ибн аль-Хасан; 749–805) — факих (богослов-законовед), один из кодификаторов мусульманского права. При Харуне ар-Рашиде был верховным судьей сначала в Багдаде, затем в новой столице Аббасидского халифата — Ракке.

Абу Ханифа (полное имя — Абу Ханифа ан-Нуман ибн Сабит ибн Зута; 699–767) — факих и мухаддис (собиратель и передатчик изречений пророка), основатель одной из четырех суннитских правоведческих школ — ханафитского мазхаба.

Абу Юсуф аль-Ансари (полное имя — Абу Юсуф Якуб ибн Ибрахим аль-Ансари аль-Куфи; 731–798) — факих. После смерти Абу Ханифы возглавил его школу. Будучи верховным судьей в Багдаде, способствовал широкому распространению взглядов ханафитской правовой школы.

Абулгази (Абу-л-Гази-хан; 1603–1664) — хивинский хан, шейбанид, автор исторических сочинений «Родословная туркмен» и «Родословная тюрок».

Бату (в русской традиции Батый; ок. 1209–1255 или 1256) — монгольский полководец и государственный деятель, правитель улуса Джучи, сын Джучи. В 1236–1243 годах возглавил Западный поход, в результате которого были завоеваны западная часть половецкой степи, Волжская Булгария и Русь.

Елюй Чуцай (Чу-цай; 1189–1243) — советник Чингисхана и Угэдэя, ученый, писатель, создатель административной системы Монгольской империи. Родом из киданьского рода Елюй. Среди монголов был известен как Урту сахал («Длинная борода»).

Эдгар Блоше (Edgard Blochet; 1870–1937) — французский историк, востоковед, религиовед.

Абу Хамид аль-Гарнати (полное имя — Абу Хамид Мухаммад ибн Абд ар-Рахим аль-Гарнати аль-Андалуси; 1080–1170) — андалузский путешественник, автор книг «Ясное изложение некоторых чудес Магриба», «Подарок умам и выборка из чудес». О Гарнати и его сочинениях см.: И.Ю. Крачковский, *Арабская географическая литература*. М. — Л., 1957, с. 299–302.

Берке (1209–1266) — правитель улуса Джучи с 1257 года, сын Джучи. Первым из монгольских правителей принял ислам. К концу правления Берке улус Джучи стал государством, фактически независимым от великого хана.

Мунке (Мункэ, Менгу; 1208–1259) — четвертый великий хан с 1251 года Монгольской империи, сын Толуя. Его смерть привела к возобновлению борьбы за власть и распаду империи.

Алгуй (Алгу; ум. 1265) — пятый правитель Чагатайского улуса с 1260 года, внук Чагатая, правнук Чингисхана.

Менгу-Тимур (в русских летописях — Мангутемир; ум. ок. 1282) — внук Батгя, хан с 1266 года улуса Джучи, получившего при нем формальную независимость от Монгольской империи.

Тохта (ок. 1270–1312 или 1313) — сын Менгу-Тимура, хан Золотой Орды с 1291 года. При поддержке беклярбека (управителя области) Ногая захватил власть в Золотой Орде, после чего передал Ногаю в управление Крым.

Ногай (между 1235 и 1240–1300) — золотоордынский беклярбек, правитель самого западного улуса. Усилившись, отложился ок. 1270 года от Золотой Орды. Ок. 1291 года способствовал возведению на золотоордынский престол Тохты, но позже вступил с ним в борьбу, потерпел ряд поражений и был убит.

Баркук (аль-Малик аз-Захир Сайф ад-дин Баркук; ок. 1339–1399) — мамлюкский султан Египта в 1382–1389 годах и с 1390 года, основатель династии Бурджитов. Мальчиком был похищен в Крыму пиратами и продан в рабство в Сирию, где выдвинулся среди мамлюков (военная каста, набираемая из рабов тюркского и кавказского происхождения), был назначен воспитателем детей султана Шабана II и произведен в эмиры. После смерти султана в 1376 году стал фактическим правителем Египта, позже провозглашен султаном.

Сейф ад-дин Бахарзи (Сайф ад-дин Бохарзи; 1190–1261) — суфийский шейх, поэт, богослов.

Бейбарс I (полное имя — Аз-Захир Бейбарс аль-Бундукдари; 1223 или 1225–1277) — мамлюкский султан Египта и Сирии с 1260 года, родом предположительно из кипчаков. Нанес ряд поражений монголам и крестоносцам, за что удостоился прозвища Абдуль-Футух (Отец Победы). При нем Египет значительно усилился. То, что женой Бейбарса I была дочь хана Берке, опровергается арабскими источниками, которые указывают, что женой султана стала дочь (по другим сведениям — внучка) прибывшего из Хорезма Хусам ад-дина Берке-хана.

Саид-хан Мухаммед (полное имя — аль-Малик ас-Саид Насир ад-Дин Мухаммед Беркехан; 1260–1280) — мамлюкский султан Египта в 1277–1279 годах. Вынужден был отречься от трона в результате мамлюке кого мятежа в пользу своего семилетнего брата Саламыша.

Ибн Шакир ал-Кутуби (ум. 1363) — египетский историк, составитель сборника жизнеописаний исламских деятелей.

Калаун (полное имя — аль-Мансур Сайфуддин Калаун альАльфи ас-Салихи ан-Наджми аль-Алаи; 1222–1290) — мамлюкский султан Египта, правивший с 1279 года. Пришел власти, свергнув малолетнего султана Саламьша.

Согласно арабским источникам, Бадр ад-дин Мухаммед был не сыном Берке-хана, а происходившим из Хорезма родственником жены Бейбарса I — дядей ее отца.

Сеид, сейид — почетный титул у мусульман для потомков пророка Мухаммеда.

Азиз (ум. 1367) — хан Золотой Орды с 1365 года. Был убит в результате заговора, который возглавил фактический правитель беклярбек Мамай, который сам не мог стать ханом, поскольку не был Чингизидом, и в течение почти двадцати лет менял своих ставленников на престоле.

Угэдэй (Огодай, Огодэй; ок. 1186–1241) — третий сын Чингисхана и Бортэ, великий хан Монгольской империи с 1229 года; участвовал в походах на Северный Китай и Среднюю Азию.

Чанчунь (в миру — Цю Чуцзи; 1148–1227) — даосский монах, основатель ордена Лунмэнь (Драконьи Ворота). Оставил описание своего путешествия ко двору Чингисхана.

Инджу — доход, удовлетворяющий потребности двора и войска монгольского царевича.

Гуюк (1206–1248) — великий хан Монгольской империи с 1246 года. Церемония провозглашения Гуюка великим ханом описана у Плано Карпини.

Кара-Хулагу (ок. 1221–1252) — правитель Чагатайского улуса в 1242–1247 годах и с 1251 года; правнук Чингисхана.

Эргэнэ-хатун (ум. 1265) — жена Кара-Хулагу, после его смерти была в 1252–1261 годах регентшей при сыне Мубарек-шахе.

Хулагу (1217–1265) — монгольский военачальник, внук Чингисхана. Возглавил поход на Ближний Восток и завершил монгольское завоевание Ирана, Ирака и сопредельных стран. Основатель династии Хулагуидов, правившей в созданном им государстве в Передней Азии.

Хубилай (1215–1294) — монгольский хан Монгольской империи с 1260 года, внук Чингисхана. Основатель монгольской династии и государства Юань, в состав которого входил Китай.

Ариг-Буга (Ариг-Бука; 1219–1266) — внук Чингисхана. Оспорил законность избрания великим ханом Хубилая и на другом курултае в том же 1260 году был также избран великим ханом. В начавшейся междоусобице потерпел поражение и сдался на милость победителя, тем самым сохранив себе жизнь.

Мубарек-шах (ум. в 1265) — шестой правитель Чагатайского улуса в 1252–1261 годах (формально, при регентстве матери Эргэнэ-хатун) и в 1265 году; сын Кара-Хулагу, внук Чагатая, правнук Чингисхана.

Борак, Барак (ум. в 1271) — седьмой правитель Чагатайского улуса с 1265 года; праправнук Чингисхана.

Хайду (Кайду; ок. 1236–1301) — внук Угэдэя, правнук Чингисхана, фактический правитель Чагатайского улуса с 1271 года. Вел борьбу против великих ханов из дома Толуя, принявших титул императоров Юань. По сути, создал империю, власть которой распространилась на всю Среднюю Азию.

Чапар (ум. после 1309) — наследный правитель империи Хайду с 1303 года. В 1304 году вместе с братом Тувой (Дувой) признал главенство императора династии Юань Тэмура. В 1305 году развернулось его соперничество с Тувой, в котором Тэмур принял сторону Тувы. Чапар потерпел поражение и был лишен всех владений.

Дува (Тува; ум. 1306 или 1307) — правитель Чагатайского улуса с 1282 года. После смерти Хайду способствовал избранию ханом на землях угэдэидов его старшего сына, слабовольного Чапара (1303 год), при котором надеялся установить свою власть. Безуспешно пытался восстановить целостность Монгольской империи в форме федерации.

Сорхатани (Соркуктани; ум. 1252) — старшая жена Толуя, сына Чингисхана; мать монгольских великих ханов Мункэ, Хубилая, а также Ариг-Буки и Хулагу. Исповедовала христианство.

Туракина-хатун (Дорегене; кон. XII — сер. XIII) — жена Угэдэя с 1229 года, мать Гуюк-хана (1246–1248), регентша в период междуцарствия в 1241–1246 годах.

Абу-л-Фида (полное имя — Абу-л-Фида Исмаил ибн Али ибн Махмуд ибн ал-Мансур Мухаммад ибн Таки ад-дин Умар ибн Шаханшах ибн Аййуб, ал-Малик ал-Муаййад Имад ад-дин; 1273–1331) — арабский историк и географ, с 1310 года наместник, с 1312 года — султан княжества Хама в Сирии. Главное сочинение — «Краткая история рода человеческого», охватывающая события по 1329 год.

Китаец Чан Дэ в 1259 году был отправлен монгольским императором к своему брату Хулагу, в Западную Азию. Описание его путешествия было переведено и снабжено комментарием русским синологом Э.В. Бретшнейдером; см.: E. Bretschneider. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*, vol. I–II, London, 1888; 2ded.: 1910.

Был казнен после смерти Чагатая — за то, что не смог сохранить жизнь государя.

Кутб ад-дин Хабаш-Амид (ум. 1260) — министр при дворе Чагатая; играл большую роль при дворе и после смерти: в частности, способствовал возведению на престол Кара-Хулагу.

Абу Якуб Юсуф ас-Секкаки (1160–1228) — суфийский богослов.

Газан-хан (1271–1304) — ильхан государства Хулагуидов в 1295–1304 годах. Был воспитан в буддизме; накануне провозглашения ильханом принял ислам и мусульманское имя Махмуд.

Тэмур (Олджэйтү-хаган; 1265–1307) — второй император династии Юань, великий хан Монгольской империи с 1294 года.

Олджейту (христианское имя до принятия ислама — Николай; полное мусульманское имя — Гийас ад-Дунийа ва-дДин Мухаммед Худабандэ Олджейту Султан; 1278, или 1281, или 1282–1316) — ильхан государства Хулагуидов в 1304–1316 годах, брат и наследник Газан-хана.

Кебек-хан (ум. 1326) — потомок Чагатая, хан Чагатайского улуса с 1318 года. Убит в результате заговора.

Вассаф аль-Хазрат (полное имя — Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах Ширази) — персидский историк XIV века. Был чиновником в государстве Хулагуидов, пользовался покровительством Рашид ад-дина. Автор так называемой «Истории Вассафа», задуманной как продолжение «Истории мирозавоевателя» Джувейни.

Аль-Омари (полное имя — Аль-Омари Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Яхья ибн Фадлаллах аль-Омари ад-Димашки; 1301–1349) — арабский энциклопедист, географ, историк. Был секретарем египетского султана, имел доступ к архивам мамлюкского государства. Сведения, изложенные в его произведениях, не встречаются ни у одного автора.

Эсен-Бука — хан Чагатайского улуса в 1309–1318 годах.

Тармаширин-хан (ум. 1334) — потомок Чагатая, хан Чагатайского улуса с 1326 года. Убит в результате заговора.

Зикр — исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога.

Дженкши-хан — хан Чагатайского улуса в 1336–1338 годах.

Баха (Бе́ха) ад-дин Накшбенд (полное имя — Баха (Бе́ха) ад-дин Мухаммад бин Бурхан ад-дин Мухаммад аль-Бухари; 1318–1389) — суфийский учитель, считается основателем самого значительного суфийского тариката (ордена) Накшбанди (фактически был пятым шейхом тариката). После смерти был признан святым и покровителем Бухары. Над его могилой был воздвигнут мавзолей — место паломничества среднеазиатских мусульман.

Бузан-хан (ум. 1336) — потомок Чагатая, хан Чагатайского улуса с 1334 года.

Казан-хан (ум. 1346) — потомок Чагатая, хан Чагатайского улуса с 1342 года. После его гибели Чагатайский улус распался на два отдельных государства: Мавераннахр и Моголистан.

Казаган (ум. 1358) — правитель Мавераннахра с 1346 года. Носил титул эмира, так как не был Чингизидом.

Туглук-Тимур-хак (Туклук-Тимур; ок. 1329–1362 или 1363) — первый хан Моголистана с 1347 года, хан западного Чагатайского улуса (Мавераннахр) с 1360 года.

Джованни де Мариньолли (ок. 1290 — после 1357) — итальянский монах-францисканец, путешественник, дипломат, папский легат и епископ.

Мухаммед-Хайдар (полное имя — Мирза Мухаммад Хайдар Дулат; 1499–1551) — государственный деятель и военачальник Яркендского ханства, автор ряда исторических трудов.

Низам ад-Дин Абд ал-Васи Шами (ум. 1431) — среднеазиатский историк, автор написанной на фарси хроники правления Тимура.

Хафиз-и Абри (наст. имя — Шиххаб ад-дин Абдаллах ибн Лут-фаллах ибн Абу ар-Рашид ал-Хавафи; ум. 1430) — персидский историк, географ; составитель компендиумов по всемирной истории.

Шереф (Шараф) ад-дин Иезди (ум. 1454) — историк и поэт эпохи Тимуридов, придворный правителей области Фарс — сына Тимура Шахруха и внука Тимура Ибрагима.

Искандер Султан-мирза (1384–1414) — правитель Ферганы в 1394–1400 годах, Хамадана в 1403–1409 годах, Фарса 1409–1414 годах.

Улугбек (полное имя — Мухаммед Тарагай ибн Шахрух ибн Тимур Улугбек Гураган; 1394–1449) — правитель державы Тимуридов, внук Тимура. Математик, астроном, астролог. Основал обсерваторию. Главный научный труд — «Новые Гурагановы астрономические таблицы», точность которых не имела в то время равных.

Байсункар (Байсонкур; полное имя — Гияс ад-дин Байсункар ибн Шахрух; 1397–1433) — Тимурид, правитель ряда областей и городов; покровительствовал искусствам — историкам, музыкантам, каллиграфам.

Абд ар-Раззак (полное имя Кемаль-ад-дин Абд ар-Раззак ибн Исхак Самарканди; 1413–1482) — среднеазиатский историк, автор хроники «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей».

Хондемир (полное имя — Гияс ад-Дин ибн Хумам ад-Дин аль-Хусейни Хондемир; 1475 — ок. 1536) — персидский историк, служил при дворах Тимуридов и Сефевидов.

Кучкунджи-хан (1452–1530) — правитель Бухарского ханства с 1510 года.

Равенди (полное имя — Абу Бекр Наджм-ад-дин Мухаммед; ум. после 1206) — персидский историк. В 1181–1189 годах — придворный каллиграф сельджукского султана Тогрула II, с 1190 года — воспитатель сыновей хамаданского эмира Фахрад-дина Алави. Его труд «Отдохновение сердец и чудо радости» содержит историю государства Сельджуков с начала XI века по 1199 год.

Ибн Биби (полное имя — Насреддин Яхья ибн Меджедеддин Мехмед; ум. 1272) — летописец государства Сельджуков, автор так называемой «Хроники Ибн Биби», которая охватывает события с 1188 по 1272 год.

Мурад II (1404–1451) — султан Османской империи в 1421–1444 годах и с 1446 года.

Кабул-хан (Хабул-хаган) — монгольский правитель, возглавлявший в первой половине XII века крупное объединение родов; прадед Чингисхана.

Уртубу, Урту-Борак — в середине XIII века правитель Манглай-Субе — территориально-политического образования, включавшего южную часть Моголистана.

Султан-Ахмад-хан I (Алача-хан; 1465–1504) — хан Восточного и Центрального Моголистана и Турфанского округа с 1485 года.

Султан-Саид-хан Абу-л-Фатх (1487–1533) — основатель и первый хан (с 1514 года) Яркендского ханства, а также в 1514–1522 годах Центрального Моголистана.

Руй Гонсалес де Клавихо (ум. 1412) — испанский дипломат и путешественник, посетивший в 1404–1405 годах двор Тамерлана в Мавераннахре во главе посольства короля Кастилии и Леона Энрике III. Оставил дневник, который вел на протяжении трех лет своего путешествия.

Юнус-хан (1415 или 1416–1487) — хан Моголистана в 1468–1485 годах, с 1485 года хан только Западного Моголистана.

Абдулла (ум. 1359) — правитель Мавераннахра с 1358 года. Убит в результате заговора.

Хусейн (ум. в 1370) — правитель Мавераннахра, носил титул эмира, так как не был Чингизидом.

Хафиз (полное имя — Хаджа Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз Ширази; ок. 1325–1389 или 1390) — персидский поэт; его стихи считаются вершиной персидской лирической поэзии.

Адуд ад-Даула (полное имя — Адуд ад-Даула ва Тадж ал-Милла Абу Шуджа Фанна Хосров ибн Хасан; 936–983) — правитель Фарса и Кермана с 949 года, Ирака с 978 года.

Надир-шах Афшар (1688–1747) — шах Ирана с 1736 года, основатель династии Афшаридов, создатель обширной империи, в которую кроме Ирана были включены Закавказье, Дагестан, Афганистан, Белуджистан, Хивинское и Бухарское ханства. Предпринял поход в Индию и в 1739 году захватил столицу Великих Моголов Дели.

Шахрух (полное имя — Муин аль-Хакк ва-д-дин Шахрух; 1377–1447) — правитель Хорасана с 1397 года, государства Тимуридов с 1409 года и Ирака с 1420 года; сын Тимура.

Хусейн (Хусайн) Суфи (ум. 1372) — правитель Хорезма в 1360-е годы; происходил из племени кунграт.

Ахмед Джалаир (полное имя — Гийас ад-дин Султан Ахмедхан; ум. 1410) — султан Ирака в 1382–1386 годах и с 1408 года. Происходил из монгольской династии Джалаиридов, правившей в Передней Азии в 1340–1410 годах.

Ибн Халдун (полное имя — Абу Зейд Абдуррахман ибн Мухаммад ибн Халдун аль-Хадрами аль-Ашбили; 1332–1406) — арабский историк, философ. Автор труда «Введение в историю», оказавшего большое влияние на развитие истории и философии в мусульманском мире.

Лутфи (1366 или 1367–1465 или 1466) — среднеазиатский поэт, писал на чагатайском языке. По заказу султана Шахруха изложил стихами биографию Тимура «Зафар-наме». Лирика Лутфи оказала сильное влияние на развитие чагатайской поэзии.

Халиль-Султан (1384–1411) — правитель Самарканда в 1405–1409 годах, Рея с 1409 года.

Сельман Саведжи (ум. 1377) — придворный поэт династии Джелаиридов.

Джалал-ад-дин Мираншах (1366–1408) — наместник Хорасана в 1380–1399 годах, третий сын Тимура.

Байсункар мирза (1477–1499) — правитель Мавераннахра из династии Тимуридов в 1495–1497 годах.

Абулхайр-хан (1412–1468) — хан государства кочевых узбеков с 1428 года.

Абу-Сеид (Абу-Саид; 1424–1469) — последний правитель объединенного тимуридского государства, правнук Тимура.

Абдулла ибн Ибрагим султан (1433–1451) — правитель Мавераннахра в 1450–1451 годах, правнук Тимура. Казнен АбуСаидом.

Ходжи Ахрар (полное имя — Насыр-ад-дин Убайдуллах ибн Махмуд Шаши; 1404–1489) — религиозный и государственный деятель Мавераннахра, духовный лидер тариката Накшбанди, девятнадцатый шейх тариката. В 1469–1489 годах фактический правитель государства Тимуридов. Почитается как святой.

Аль-Кушчи (полное имя — Ала ад-Дин Али ибн Мухаммад аль-Кушчи; 1403–1474) — среднеазиатский математик и астроном, руководил Самаркандской обсерваторией. После гибели Улугбека в 1449 году уехал в Персию, затем — в Константинополь, где организовал медресе при стамбульской мечети Айя-София. Автор «Трактата о науке арифметики» и «Трактата о науке астрономии», сыгравших большую роль в преподавании математики в странах Среднего и Ближнего Востока в XVI–XVII веках.

Бурхан ад-дин Маргинани (1123–1197) — ханафитский факих, автор написанного по-арабски свода мусульманского права «Хидаи» («Руководство»).

Шахмурад (1749–1800) — третий правитель с 1785 года из узбекской династии мангытов в Бухарском эмирате. За скромный образ жизни получил прозвище Масум («Безгрешный»).

Шах Исмаил Сефев, или Исмаил I (полное имя — Абу л-Музаффар ибн Хайдар ас-Сафави; 1487–1524) — шахиншах Ирана, основатель династии Сефевидов, поэт. В 1502 году принял титул шаха Ирана. При нем территория государства Сефевидов достигла наибольших размеров. Известны его газели, поэмы «Десять писем» и «Книга наставлений».

Убайдулла-хан (1487–1540) — бухарский хан с 1533 года; шейбанид.

Абдулла-хан II (1533 или 1534–1598) — хан, шейбанид, в результате войн воссоздал к 1582 году государство Шейбанидов (под названием «Бухарское ханство»), в 1583 году был объявлен ханом всех узбеков.

Абдалмумин-хан, Абд аль-Мумин (1568–1598) — бухарский хан в 1598 году, до этого в 1582–1598 годах правитель Балха и Бадахшана; шейбанид.

Ануша-хан (полное имя — Абу-л-Музаффар Мухаммад Ануша-хан; ум. 1686) — хивинский хан с 1663 года; шейбанид.

Махтумкули (псевдоним Фраги; 1727 или 1733 — ок. 1783) — туркменский поэт, классик туркменской литературы.

При вылазке туркмен во время осады Геок-Тепе (около Ашхабада) Скобелевым 28 декабря 1880 года русские потеряли две пушки и знамя Апшеронского полка.

Дост-хан (ум. 1558) — хан в Хорезме с 1557 года; шейбанид.

Томас Гоббс (1588–1679) — английский философ, один из авторов теории общественного договора.

Николай Владимирович Ханьков (1822–1878) — русский востоковед, автор капитального труда «Иран» и других сочинений.

comments

ССЫЛКИ

Об истории открытия и изучения древнетюркских рунических («орхонских» или «орхоно-енисейских») памятников см.: А.Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. — М. — Л., 1946.

Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par É. D. Chavannes.
St.-Pbg., 1903 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI).

О древнетюркских рунических надписях в Средней Азии см.: М.Е. Массой. К истории открытия древнетюркских рунических надписей в Средней Азии. — «Материалы Узкомстариса», вып. 6–7. М. — Л., 1936, с. 5–15; С.Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. — «Материалы Узкомстариса», вып. 6–7. М. — Л., 1936, с. 17–38; С.Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. — Л., 1959. А.Н. Бернштам. Древнетюркские рунические рукописи из Ферганы. — «Эпиграфика Востока», XI, 1956, с. 54–58. А.Н. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. — «ЭВ», V, 1951, с. 65–75.

Об отождествлении жужаней с монголами существуют различные мнения; см.: Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, p. 221–223; P. A. Boodberg. Marginalia to the histories of the Northern Dynasties. — «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 4, 1939, p. 23–283.

Об алфавитах и искусстве письма у древних тюрков и уйгуров см.: А. в. Gabain. *Altürkische Schreibkultur und Druckerei*. — «*Philologiae turcicae fundamenta...*», t. II, s. 171–191.

О согдийских колониях в Семиречьи см.: А.Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», вып. VI, 1940, с. 34–43.

W. Radloff. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Leipzig, 1884. Bd II, s. 122.

Там же, Bdl, S. 128.

V. Thomsen. *Altürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und Einleitung.* — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Bd 78, 1924, s. 171.

О телесах и тардушях см.: И.А. Ключин. Новые данные о племени тардушей и толисов. — «Вестник Дальневосточного отделения Академии наук», 1932, № 1–2, с. 91–98.

О манихействе у тюркских племен Центральной Азии см.: U. Pestalozza. Il manicheismo presso i Turchi occidentali ed orientali (rilevi e chiarimenti). — «Rendiconti del Reale Istituto Lombardo di scienze e lettere», ser. II, vol. LXVII, 1937, fasc. XI–XV, p. 417–497.

О согдийском письме и времени заимствования его тюрками см.: W. В. Henning. *Mitteliranisch*. — «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd. IV. Leiden — Köln, 1958, s. 55.

Обе сохранившиеся редакции труда Ибн Хордадбега написаны в 880-х годах; см.: П.Г. Булгаков. Книга путей и государств Хордадбега. — «Палестинский сборник», вып. 3 (66), 1958.

Л.В. Дмитриева. Хуастуанифт (введение, текст, перевод). — Сб. «Тюркологические исследования». М. — Л., 1963, с. 214–232.

О раннесредневековых городах в нижнем течении Сырдарьи и их основателях см.: С.П. Толстов. Города гузов (Историко-этнографические этюды). — «Советская этнография», 1947, №3, с. 55–102; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 273–294.

Об отношениях между Хорезмом и государствами хазар и болгар в Поволжье см.: С.П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

О русско-хазарских отношениях в Поволжье и на Кавказе см.: М.И. Артамонов. История хазар. Л., 1962; А.Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. — «Известия АН СССР», «Серия истории и философии», т. III, 1946, №5, с. 461–472.

О происхождении термина «русь» и о шведской колонизации района Приладожья см.: И.П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М. — Л., 1965, с. 50–54, 203–206.

О религиозной ситуации в Хазарии см.: Б.Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. Горган и Поволжье в IX-X вв. М., 1962, с. 145–166.

Издание, перевод и исследование мешхедской рукописи Ибн Фадлана см.: А.П. Ковалевский. Книга Ахмада Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Подробнее о стране Аргу см.: С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 122–135.

Араб филолог о монгольском языке. — «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества», т. XV, 1904, с. 75–172.; П.М. Мелиоранский. Араб филолог о тюркском языке. СПб., 1900.

См. также: В. Храковский. Шараф аль-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках. — «Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР», т. I, 1959, с. 208–218.

О карте Махмуда Кашгарского см.: И.И. Умняков. Самая старая тюркская карта мира. — «Труды Самаркандского гос. пед. ин-та им. А.М. Горького», т. I, вып. 1, 1940. с. 103–131.

О различных названиях Китая и его частей в Средние века см.: P. Pelliot. Notes on Marco Polo. Paris, 1959 (Ouvrage posthume).

О халаджах и их расселении см.: В.М. Массой, В.А. Ромодин. История Афганистана. М., 1964–1965, т. I, с. 21, 271, 276.

О раннем этапе истории печенегов см.: Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники... С. 163–166, 177–179.

В.А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941.

В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира. — ЗВРАО, т. XVIII, 1908, с. 115–154.

Об этногенезе хорезмийцев и их этнических связях в древности см.: С.П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации; С.П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Об Ахмаде Ясеви, Сулеймане Бакыргани и их стихах см.: К.Г. Залеман. Легенда про Хахим-Ата. — «Известия Императорской Академии наук», сер. V, т. IX, 1898, с. 105–150.

О Елюй Чуцае и его деятельности см.: Н.Ц. Мункуев. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.

Об этом памятнике и посвященной ему литературе см.: A. V. Gabain. Die komanische Literatur. — PhTF, t. II, s. 243–251.

О более поздних китайских сообщениях, относящихся к династии идикутов, см.: А.Г. Малявкин. Уйгурское Турфанское княжество в XIII веке. — В кн. «Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана». Алма-Ата, 1962, с. 61–67.

См.: Э.Р. Рустамов. Узбекская поэзия в первой половине XV века. М., 1963.

О причинах восстания 1864 года в Восточном Туркестане, его социально политическом характере и источниках для его изучения см.: Д.И. Тихонов. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане. Восстание в Кучаре. — «Советское востоковедение», т. V, 1948, с. 155–172; Д.И. Тихонов, Характер народно-освободительных движений в Синьцзяне в XIX в. и первой трети XX в. — С.В. т. VI, 1949, с. 336–347; В.П. Юдин. Некоторые источники по истории восстания в Синьцзяне в 1864 году. — В кн. «Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана». Алма-Ата, 1962, с. 171–196.